Въ Восточномъ отрядѣ

Отъ Ляояна къ Тюренчену и обратно.

—

Марши, встрѣчи, бои, наблюденія.

Цѣна 1 р. 50 к.

Александра Свѣчина

Генеральнаго штаба капитана.

1908.

ВЪ ВОСТОЧНОМЪ ОТРЯДѢ

ОТЪ ЛЯОЯНА КЪ ТЮРЕНЧЕНУ И ОБРАТНО.

—

МАРШИ, ВСТРѢЧИ, БОИ, НАБЛЮДЕНІЯ.

Александра Свѣчина
Генеральнаго штаба капитана.

1908.

Печатано въ Типографіи Варшавскаго Учебнаго Округа.

I.

Манчжурія.

Мое положеніе было довольно неопредѣленно. Причисленный къ генеральному штабу, артиллерійскій штабсъ-капитанъ, переведенный съ началомъ войны по собственной просьбѣ въ дѣйствующій №-ый Восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ – на что я могъ разсчитывать? Гдѣ мнѣ придется работать? Въ штабахъ, или командиромъ роты, или даже младшимъ офицеромъ?—Ничего этого я не зналъ, когда въ февралѣ 1904 года присоединился къ эшелону полка, перевозившемуся изъ Никольска Уссурійскаго въ Ляоянъ. Офицеры батальона встрѣтили меня привѣтливо.

Поѣздъ мчалъ насъ безъ всякихъ промедленій на станціяхъ. Знакомился съ „манчжурщиной"—съ этой ужасной разновидностью уклада русской жизни. На первыхъ же порахъ мнѣ пришлось наблюдать поразительный экземпляръ манчжурскаго типа. Это былъ крупный желѣзнодорожникъ, кажется завѣдывавшій отчужденіемъ земли на южномъ участкѣ. По отношенію къ нему станціонныхъ служащихъ можно было сразу рѣшить, что онъ занимаетъ видный постъ. Онъ представился намъ, какъ бывшій офицеръ, и съ разрѣшенія начальника эшелона помѣстил-

ся съ нами въ вагонѣ. Его пригласили закусить. По мѣрѣ того, какъ онъ закусывалъ, онъ становился сообщительнѣе. Онъ разсказывалъ намъ, что онъ участникъ Русско-Турецкой войны, кавалеръ орденовъ Владиміра и Георгія, что былъ тяжело раненъ на Шипкѣ, слѣдствіемъ чего явилась преждевременная его дряхлость и неспособность къ брачной жизни. Очень подробно разсказывалъ онъ свои боевыя впечатлѣнія; на станціяхъ, какъ георгіевскій кавалеръ, говорилъ съ выскакивавшими изъ вагоновъ солдатами тономъ ветерана, наставляющаго молодежь. Обѣщалъ устроить полку великолѣпный праздникъ послѣ первой побѣды надъ японцами; потомъ онъ куда-то исчезъ. Я справился о немъ у офицера пограничной стражи—оказалось, этотъ господинъ намъ сочинилъ все, съ самаго начала до конца; ни въ какой войнѣ онъ не участвовалъ, просто любилъ поврать. Это открытіе меня немного удивило. Въ этой встрѣчѣ было что-то напоминающее эпическое вранье Тартарена изъ Тараскона.

Высадились мы въ Ляоянѣ ночью. Грязь около войсковой платформы была ужасная. Кое-какъ дождались утра.

Къ разсвѣту собрались оба батальона. Какой-то офицеръ штаба ген. Линевича развелъ насъ по квартирамъ въ китайскія деревушки, верстахъ въ семи отъ города.

Явился къ командиру полка—онъ принялъ меня весьма сомнительно, заявивъ, что подумаетъ прежде, чѣмъ дать мнѣ роту, что онъ не считаетъ мое положеніе достаточно выясненнымъ.

Въ Ляоянѣ всѣми чувствовался безпорядокъ, хаосъ въ распоряженіяхъ; но война только еще начиналась, въ не-

прибывшаго еще генерала Куропаткина вѣрили; помню, въ полку, глядя на всѣ непорядки, твердили Некрасовскіе стихи: „вотъ пріѣдетъ баринъ, баринъ насъ разсудитъ".

Въ этотъ періодъ – начало марта 1904 года—штабъ арміи началъ организовывать рекогносцировку окрестностей. На работу посылали не имѣвшихъ опредѣленныхъ занятій офицеровъ генеральнаго штаба; въ помощь имъ давалось по 2 строевыхъ офицера и человѣкъ 20 конныхъ охотниковъ. Въ такой нарядъ немедленно попалъ и я, и вмѣстѣ съ генеральнаго штаба подполковникомъ В. отправился въ экскурсію къ берегамъ Ляохэ. Принципалъ нашъ былъ человѣкъ медлительный, но обстоятельный и благодушный. Мы собрали нашъ багажъ, наняли двѣ фудутунки—китайскія двуколки—для багажа, обзавелись китайцемъ-переводчикомъ, бывшимъ поваромъ, и тронулись въ путь.

Въ началѣ мы стремились организовать дѣло по-военному; маленькій отрядъ нашъ быстро подвигался по неизвѣстной странѣ, выславъ впередъ дозоры. Но скоро весеннее благораствореніе воздуха, мирные китайскіе пейзажи, становившаяся съ каждымъ днемъ все непролазнѣе весенняя грязь,—все это постепенно заставило насъ умѣрить темпъ дѣйствій. Мы проходили верстъ по 20-ти въ день, устраивая черезъ два дня въ третій дневки. Въ каждой деревнѣ, которую мы проѣзжали, мы узнавали ея названіе; оно чинно заносилось нашимъ принципаломъ въ книжку, затѣмъ ѣхали далѣе.

Я сдѣлалъ нѣсколько самостоятельныхъ маршрутовъ на правомъ берегу Ляохэ. Ледъ посинѣлъ, образовались уже большія полыньи; каждый день, какъ я переѣзжалъ

на правый берегъ рѣки, я опасался, что буду отрѣзанъ ледоходомъ отъ нашихъ главныхъ силъ. На мое счастье рѣка тронулась, когда мы находились всѣ вмѣстѣ въ деревнѣ Каулитунъ, на дорогѣ изъ Мукдена въ Синминтинъ; въ этой деревнѣ былъ расположенъ значительный отрядъ пограничниковъ. Деревня находилась въ полутора верстахъ отъ берега рѣки, но вдругъ превратилась въ островъ; на рѣкѣ ледъ образовалъ заторъ, Ляохэ вышла изъ береговъ и разлилась на много верстъ. Мы поневолѣ, но съ удовольствіемъ, оставались въ Каулитунѣ три дня, пользуясь широкимъ, радушнымъ гостепріимствомъ пограничниковъ.

Познакомился въ общихъ чертахъ съ ихъ организаціей. При великолѣпномъ подборѣ людей многое въ пограничной стражѣ оставляло желать лучшаго. Особенно печальнымъ мнѣ показалось состояніе артиллеріи пограничниковъ. Матеріальная часть была скуплена за границей—у Крупна былъ спѣшно перекупленъ заказъ Аргентинской республики. Калибровъ было два—75 и 57 милиметровъ. Типъ лафета 75-ти милиметровыхъ орудій напоминалъ нашъ лафетъ образца 1895 года для поршневыхъ пушекъ. Въ Каолитунѣ стоялъ взводъ 75-ти милиметровыхъ пушекъ. Въ одномъ лафетѣ механизмъ для точной боковой наводки не дѣйствовалъ; сборка частей была неправильная, многіе винты и заклепки болтались, колеса были побиты; снарядныхъ ящиковъ не было, и заряды и снаряды перевозились на наемной китайской арбѣ, гдѣ ихъ было сложено около сотни. Прислуга была вся верхомъ, но подвижность ограничивалась тихоходной арбой. Удивительно были подобраны сѣдла у ѣздовыхъ. Послѣ окончанія усмиренія боксерскаго возстанія нѣмцы, французы, австрійцы

распродавали свою аммуницію въ Китаѣ по дешевымъ цѣнамъ, чтобъ не везти ее обратно въ Европу. На такомъ интернаціональномъ аукціонѣ, очевидно, и была скуплена аммуниція взвода. Всѣ шесть сѣделъ были разныхъ системъ и націй. Получалось впечатлѣніе удивительной пестроты, обтрепанности, толкучаго рынка. Когда я указалъ командиру взвода на неправильную сборку лафетовъ, онъ отвѣтилъ мнѣ, что онъ въ плохихъ отношеніяхъ съ командиромъ батареи, и тотъ не даетъ ему хорошаго слесаря, который бы все это наладилъ.

Впослѣдствіи мнѣ приходилось имѣть дѣло и съ 57 милиметровыми батареями. Они были еще удивительнѣе. По конструкціи своей это были чисто горныя орудія. Заводъ ихъ выпускалъ, какъ орудія вьючныя, но пограничные артиллеристы, люди конные во-первыхъ, и легкомысленные во-вторыхъ, совершенно не цѣнили свойство вьючиться. Всѣ вьючныя принадлежности были выкинуты. Китайскіе кузнецы по дешевой цѣнѣ устроили самодѣльный передокъ; это была раза въ четыре уменьшенная копія полевого передка. Получилась крошечная игрушечная каррикатура на полевое орудіе. Въ нее было запряжено шесть лошадей. Ѣхать скоро нельзя было, такъ какъ доморощенное произведеніе грозило на каждомъ шагу разсыпаться и опрокинуться. Вслѣдствіе своихъ игрушечныхъ колесъ это орудіе тонуло, захлебывалось и останавливалось въ малѣйшей лужѣ.

Снарядовъ на театрѣ войны было всего около сотни на орудіе; да большаго количества снарядовъ и не надо было, такъ какъ матеріальная часть находилась въ такомъ плачевномъ состояніи, что подбивалась и приходила въ не-

годность отъ нѣсколькихъ десятковъ выстрѣловъ. Глядя на эту ничтожную пушку рядомъ съ большимъ количествомъ лошадей (около двадцати на орудіе), такъ и думалось, что эти пушки представляютъ символъ отчетныхъ листовъ для истребованія отъ казны фуражныхъ денегъ. Пушки были явно ни къ чему, да изъ нихъ, кромѣ того, почти и не умѣли стрѣлять.

Во время второй половины нашей рекогносцировки намъ пришлось убѣдиться, что принадлежность къ русской національности не внушаетъ населенію особаго довѣрія. Когда мы приближались къ какой-нибудь деревнѣ, изо всѣхъ концовъ ея, какъ стрѣлы, вылетали лошади, коровы, свиньи, ослы, и прятались за кочками и кустами. Животныя у китайцевъ производятъ впечатлѣніе дрессированныхъ на свободѣ—въ запряжкѣ они управляются голосомъ, безъ вожжей. Если-бъ я не видѣлъ этого собственными глазами, я никогда не повѣрилъ бы, что мулъ, выпущенный хозяиномъ изъ воротъ, стремительно уносится въ поле, положительно прячется за какое-нибудь укрытіе и дрожитъ, при чемъ весь видъ его ясно показываетъ, что онъ вполнѣ раздѣляетъ опасенія своего хозяина за свою участь.

Повидимому въ Манчжуріи легко относились къ чужой скотинѣ; скоро и мы усвоили такой же легкомысленный взглядъ. Вслѣдствіе грязи намъ пришлось бросить наши фудутунки; мы взяли по реквизиціи арбу и запрягали въ нее всѣ встрѣчавшіяся на дорогѣ запряжки—животныхъ до 12 сразу. Когда встрѣчались новыя запряжки, мы отпускали животныхъ, которыя насъ везли, и ихъ погонщиковъ, а новыхъ безпрекословно запрягали. Китайцы

насъ очень благодарили, когда узнавали, что мы у нихъ беремъ лошадей и муловъ не совсѣмъ, а только на время. Подвигаясь такимъ оригинальнымъ образомъ на перекладныхъ, мы по ужасной грязи дѣлали свои небольшіе переходы.

Пограничники познакомили меня съ нравами китайской администраціи. При мнѣ одинъ командиръ сотни принималъ служебный визитъ катайскаго полковника, сообщавшаго ему толкованіе Синминтинскаго тифангуаня китайской деклараціи о нейтралитетѣ. Китаецъ, указавъ, что мы не имѣемъ права пользоваться ни перевозочными, ни фуражными средствами, ни паромами, ни лодками, сейчасъ же добавилъ, что бумага бумагой, а въ дѣйствительности онъ, конечно, насъ стѣснять не станетъ и предложилъ свои собственныя услуги по подрядной части. Образцовый бюрократъ!

Много было разговоровъ о хунхузахъ. Къ предпринимавшимся противъ нихъ враждебнымъ дѣйствіямъ большинство пограничныхъ офицеровъ относилось неодобрительно. Было время, когда хунхузы не трогали безоружнаго русскаго, лишь бы не вызвать вмѣшательства русскихъ въ ихъ счеты съ китайской администраціей. Центральная власть въ Китаѣ недостаточно сильна, чтобы обезпечить жизнь и имущество своихъ подданныхъ во всѣхъ уголкахъ имперіи. На этомъ основаніи, по крайней мѣрѣ, въ бассейнѣ Ляохэ, стали складываться особыя хунхузскія организаціи, несомнѣнно носившія въ себѣ зачатки государственности. Хунхузскіе вожди явились какъ бы удѣльными князьями, творившими судъ и расправу, собиравшими налоги, обезпечивавшими неприкосновен-

ность личности и имущества въ своемъ удѣлѣ. Съ китайскимъ управленіемъ и между собою у нихъ была тонкая политика—кому платили дань, а съ кѣмъ и воевали. Китайскимъ чиновникамъ удалось насъ впутать въ эти дѣла; въ 1903 году былъ нами предпринятъ цѣлый походъ (экспедиція Троцкаго) на Тулисана, хунхуза, пріятеля многихъ нашихъ офицеровъ, за то, что онъ лишилъ китайскую администрацію Инкоу негласныхъ доходовъ съ судоходства на нижнемъ теченіи Ляохэ. Экспедиція не удалась. Тулисанъ съ частью своей шайки ускользнулъ; нашими трофеями, по разсказамъ пограничниковъ, были два отрубленныхъ его пальца и шашка съ русской надписью: „моему другу Тулисану отъ полковника Мадритова". Отношенія наши къ мѣстнымъ элементамъ были уже основательно испорчены; впрочемъ, за деньги находились охотники служить и намъ. На этой же рекогносцировкѣ мнѣ пришлось познакомиться съ однимъ изъ нанятыхъ на нашу службу хунхузовъ, Ксинъ-ченомъ; онъ производилъ прекрасное впечатлѣніе; ему было положено 400 рублей въ мѣсяцъ жалованья, и всѣ его люди и лошади были взяты на казенное содержаніе. Онъ формировалъ чуть-ли не четвертую сотню.

Ксинъ-ченъ угостилъ насъ чаемъ; своего помощника онъ усиленно рекомендовалъ намъ, какъ способнаго офицера; какъ высшую похвалу, онъ постоянно повторялъ: „онъ очень хорошо стрѣляетъ". Ксинъ-ченъ усиленно старался обратить наше вниманіе на изобрѣтенную имъ форму для него и для его дружинниковъ; купленная имъ въ Ляоянѣ шапочка съ какимъ-то особеннымъ шарикомъ и павлиньими перьями была его слабымъ мѣстомъ.

Получивъ отъ него проводника, мы тронулись дальше. На слѣдующемъ ночлегѣ странно было видѣть помѣщавшихся въ одномъ дворѣ взводъ пограничниковъ и взводъ хунхузовъ. Пограничники очень хвалили хунхузовъ; они съ ними научились удовлетворительно объясняться. Для пограничниковъ хунхузы являлись прекрасными проводниками и незамѣнимыми дешевыми заготовителями какихъ угодно продуктовъ. Состоялось распоряженіе не посылать разъѣздовъ пограничниковъ безъ проводника — хунхуза.

Почти три недѣли пробыли мы на рекогносцировкѣ, не имѣя никакихъ свѣдѣній объ арміи. Съ большимъ удовольствіемъ вернулись мы обратно въ Ляоянъ.

Рекогносцировка была окончена наспѣхъ; но обошлось, конечно, безъ обращенія къ какой-то справочной книжкѣ о развѣдкѣ мѣстныхъ предметовъ, совершенно не соотвѣтствовавшей мѣстнымъ условіямъ.

Генералъ Куропаткинъ уже пріѣхалъ, но положеніе въ Ляоянѣ осталось прежнее. Въ штабахъ критиковали ген. Мищенко за его развѣдку въ Кореѣ, которая совершенно не нравилась лицамъ, въ этомъ дѣлѣ ничего не понимавшимъ.

II.

Горы.

Вернувшись въ Ляоянъ, мы уже не застали полка. Полкъ тремя эшелонами ушелъ уже нѣсколько дней тому назадъ въ горы, на востокъ, къ Фын-хуан-чену. Мнѣ

передавали, что передъ походомъ генералъ Куропаткинъ устроилъ полку смотръ, пропустилъ его церемоніальнымъ маршемъ по грязи, въ которой стрѣлки вязли по колѣно, остался очень недоволенъ парадомъ и наговорилъ всѣмъ на дорогу кислыхъ вещей.

Близь Ляояна оставались только хозяйственные чины, которые усиленно хлопотали. Усмиреніе китайцевъ въ 1900 году составило школу, въ которой восточно-сибирскіе стрѣлки прошли тактику и стратегію, и замѣчу, на мой взглядъ, прескверную школу. По примѣру этой кампаніи и теперь полкъ, отправляясь въ сторону отъ желѣзной дороги, занялся хозяйственными операціями: завѣдующій хозяйствомъ и командиръ нестроевой роты формировали особый „экспедиціонный" обозъ. Идея была такова — накупить арбъ съ воловой запряжкой, напечь въ Ляоянѣ хлѣба, погрузить его, свезти полку въ Фынхуан-ченъ, гдѣ хлѣбъ и воловъ съѣсть, а арбы выбросить. Всѣ имѣвшіяся въ полку свободныя деньги — нѣсколько десятковъ тысячъ — были вложены въ эту операцію. Сформированный обозъ, около сотни арбъ, такъ полка и не увидѣлъ. Тяжело было смотрѣть, какъ солдаты, не умѣвшіе управлять воловой запряжкой, мучились со своими волами. Волы подохли отъ отсутствія ухода и безкормицы, хлѣбъ частью скисъ и былъ выброшенъ, а частью былъ съѣденъ обозными и волами. Нѣсколько уцѣлѣвшихъ повозокъ нагнали полкъ только черезъ 25 дней, на Ялу, наканунѣ Тюренченскаго боя. Это формированіе отняло изъ строя полка двухъ офицеровъ и сотни двѣ стрѣлковъ, которые очень могли бы пригодиться на Ялу, если-бы мы умѣли распоряжаться

своими силами. Это была одна изъ многихъ неудачныхъ хозяйственныхъ затѣй прошлой кампаніи.

Всѣ двуколки уже ушли въ горы; пришлось довѣрить все свое имущество сомнительнымъ воловымъ арбамъ. Часть его потерялась, а кое-что я снова увидѣлъ только черезъ два мѣсяца. Самъ же я съ охотниками пустился налегкѣ догонять полкъ, боясь опоздать ко времени столкновенія съ японцами; по тяжелымъ горнымъ дорогамъ мы дѣлали по два перехода въ день.

Картъ у насъ не было, такъ какъ комплекты ихъ имѣлись лишь у ротныхъ командировъ. О японцахъ мы ровно ничего не знали. Мы двинулись на востокъ, руководствуясь солнцемъ, наѣзженной колеей и телеграфной проволокой; телеграфная линія иногда подшучивала надъ нами, сокращая углы по недоступнымъ для коннаго направленіямъ.

Горы въ первый день произвели на насъ прекрасное впечатлѣніе; онѣ еще насъ не стѣсняли — мы не были знакомы съ горами настолько, чтобы чувствовать давленіе ихъ, съуживающее горизонтъ видимый и горизонтъ мысленный; мы еще не знали, сколько надо труда и снаровокъ, чтобъ толково дѣйствовать въ горахъ. Горы, какъ и вся манчжурская обстановка, были для насъ еще только новой декораціей, и мы, какъ и всякіе путешественники, только привѣтствовали перемѣну ихъ. Все было для насъ ново, все было свѣжо, впереди улыбались побѣды — мы спѣшили къ нимъ поскорѣе.

Ночевали на этапѣ; попутчикомъ нашимъ оказался военный корреспондентъ, казакъ К—въ; на ночлегѣ мы разговорились; впослѣдствіи мы имѣли удовольствіе чи-

тать нашъ разговоръ въ Русскомъ Инвалидѣ, въ передѣланномъ почти до неузнаваемости видѣ.

На второй день къ обѣду мы подъѣхали къ этапу Тованъ, гдѣ застрялъ штабъ 6-ой Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи. Дивизіей командовалъ генералъ-маіоръ Т., годами сравнительно еще молодой, но физически уже ослабѣвшій человѣкъ. Двигался онъ почему-то неразрывно съ дивизіоннымъ лазаретомъ. Начальникъ дивизіи не рѣшался двигаться дальше, такъ такъ черезъ Уфангуанскій перевалъ дорога для двуколокъ еще не была разработана, а при движеніи дорогой въ обходъ его съ сѣвера въ двуколкахъ пришлось бы подмочить всѣ запасы, такъ какъ броды были глубоки. Ждали паденія воды въ горныхъ рѣчкахъ. Начальникъ штаба дивизіи, подполковникъ Од., грузинъ, произвелъ на меня чарующее впечатлѣніе.

Перекусивъ въ штабѣ, мы тронулись дальше, и къ вечеру нагнали полкъ на слѣдующемъ этапѣ, въ Ланьшаньгуанѣ. Роты мнѣ, вопреки закона, не дали; я подчинился своей судьбѣ и сталъ командовать полуротой въ ожиданіи лучшаго будущаго.

Лошадь пришлось отдать въ охотничью команду; дальнѣйшій походъ я совершилъ пѣшкомъ. Мнѣ служилъ примѣромъ мой командиръ батальона, подполковникъ Гар—цкій, только что прибывшій изъ Россіи, уже сѣдой, но добрый, подвижной и сильный старикъ, который всю войну отмахалъ пѣшкомъ отъ самаго начала до Шахейскихъ боевъ, гдѣ онъ былъ тяжело раненъ въ ногу; наши стрѣлки всегда имѣли передъ глазами живой примѣръ ихъ батальоннаго командира, въ жару, въ дождь,

по ужаснымъ бродамъ всегда шагающаго пѣшкомъ. Это была первая личность, на которой съ удовольствіемъ отдыхала мысль среди сомнительныхъ манчжурскихъ ощущеній.

Однако, пѣшкомъ „ломать походъ" было очень тяжело, главнымъ образомъ изъ-за тяжелыхъ бродовъ. Шли дожди, снѣгъ въ горахъ усиленно таялъ, рѣчки вздулись. Приходилось на каждомъ переходѣ до десяти разъ переходить вбродъ горные потоки; ледяная вода доходила до пояса; нѣкоторыхъ сбивало съ ногъ — ихъ подхватывали конные. Новобранцы потеряли на бродахъ нѣсколько винтовокъ — бурное теченіе ихъ унесло.

У меня не было ни вѣстового, ни какихъ-либо вещей. На первомъ же ночлегѣ это дало себя чувствовать. Полковой столовой организовано не было; поѣлъ кое-какъ, что Богъ послалъ болѣе предпріимчивымъ и сообразительнымъ товарищамъ, и уснулъ на своемъ мокромъ пальто. Утромъ, когда я проснулся, полкъ уже строился, я сталъ на свое мѣсто и тамъ прождалъ около часа, пока не вышелъ командиръ полка поздороваться съ нами; тогда мы отправились въ путь. Этотъ переходъ мнѣ особенно памятенъ.

Послѣ полудня пошелъ дождь. Грязь становилась все болѣе и болѣе топкой, броды все болѣе глубокими. Мы сдѣлали кое-какъ болѣе трехъ четвертей перехода. Наконецъ нагнали нашъ головной батальонъ, выступившій еще наканунѣ, безнадежно бившійся на перевалѣ съ перетаскиваніемъ полевой батареи. Наибольшимъ наказаніемъ въ полку считалась очередь движенія вмѣстѣ съ батареей. Приходилось выступать въ 4 часа утра и при-

ходить на ночлегъ въ 1 часъ ночи. Переходы въ 20 верстъ обращались въ форсированные, дневки приходилось пропускать. На всѣхъ подъемахъ орудія перетаскивались на рукахъ; всѣ выбивались изъ силъ.

Цѣлью нашего перехода былъ этапъ Селюджанъ; на послѣднихъ четырехъ верстахъ передъ этапомъ дорога поднимается на два перевала. На первомъ изъ нихъ застряла батарея. Лилъ проливной дождь. Лошадей выпрягли совсѣмъ; передки отцѣпили отъ пушекъ и уныло начали тащить въ гору. Въ работѣ принималъ участіе весь полкъ. Было видно, что перетащить батарею черезъ перевалъ не успѣютъ и къ утру. Командиръ полка и конно-охотничья команда на рысяхъ отправились впередъ, на этапъ. Мнѣ дѣлать было нечего; отъ холода, голода и сырости я почувствовалъ себя очень усталымъ. Отпросился у ротнаго командира и отправился туристомъ впередъ на этапъ. Прошелъ по мостику бушующій горный потокъ. Вѣтеръ неистово ревѣлъ, сбивалъ съ ногъ; на мнѣ не было сухой нитки. Перевалилъ второй перевалъ. Вечерѣло, впереди блестѣли огни этапа; но дорогу мнѣ преграждала бурная горная рѣчка. Попробовалъ перебраться черезъ нее, но вода сбила меня съ ногъ, и я едва успѣлъ выбраться на берегъ. Какой-то конный пытался переѣхать рѣчку, но тоже безуспѣшно, и куда-то скрылся.

Положеніе было печальное. Повернулъ назадъ къ полку, но отдѣлявшій насъ потокъ уже разлился и снесъ мостъ; нечего было и думать перебраться черезъ потокъ вбродъ, при скорости его теченія болѣе 20 футъ въ секунду и глубинѣ свыше двухъ аршинъ.

Я прошелъ уже въ этотъ день болѣе 35 верстъ, что для невтянутаго, голоднаго, мокраго пѣшехода огромное разстояніе. Силы покидали меня. Взошелъ въ брошенный сарай, попробовалъ развести огонь, но спички отсырѣли и не годились. Я чувствовалъ, что если я проночую на холодѣ и дождѣ, то тутъ мнѣ и конецъ. Собравъ послѣднія силы, я отправился искать жилья; наткнулся на китайскую фанзу, повидимому обитаемую, и вломился въ нее. Коренные обитатели этого помѣщенія уже выселились; въ фанзѣ пріютилось нѣсколько бродягъ. Теплая вода и огонь — вотъ все, чѣмъ можно было попользоваться въ этомъ домѣ. Китайцы имѣли совсѣмъ разбойничій видъ. Я приказалъ имъ развести огонь, принести мнѣ мангалъ[1]), снялъ съ себя всю одежду и бѣлье, и грѣлся передъ огнемъ. Китайцы сушили мои вещи; каждыя 5 — 10 минутъ они просили денегъ за услуги, я давалъ имъ по мелкой монетѣ. Браунинга я не выпускалъ изъ рукъ. Всю ночь я просидѣлъ въ такомъ странномъ положеніи. Къ утру одинъ изъ китайцевъ стянулъ у меня кошелекъ съ деньгами и дорогимъ мнѣ медальономъ. Это былъ единственный случай за всю войну, когда мнѣ пришлось убѣдиться, что мошенники бываютъ и среди китайцевъ. У меня былъ такой упадокъ духа и силъ, что я помирился со своимъ горемъ и не отомстилъ за вора остававшимся въ фанзѣ китайцамъ; утромъ я вышелъ изъ этого разбойничьяго притона и отправился къ этапу. За ночь вода немного спала и я пробился вбродъ черезъ потокъ; глубину миновалъ, ухва-

---

[1]) Миска съ горячими углями.

тившись за протянутую съ противоположеннаго берега жердь.

Была Страстная суббота. На этапѣ командиръ полка сладко спалъ съ конными охотниками. Ни въ этотъ день, ни въ Свѣтлое Воскресеніе командиру не пришлось увидѣть своего полка, не удалось поздравить его съ праздникомъ Св. Пасхи. Полкъ былъ отрѣзанъ отъ всего міра разлившимися горными рѣчками. Ни верхомъ, ни въ двуколкѣ нельзя было къ нему проѣхать. Единственнымъ источникомъ продовольствія былъ неприкосновенный запасъ сухарей на нижнихъ чинахъ. Палатокъ не удалось разставить; солдаты лежали въ грязи, обвязавшись палаточными полотнищами. Офицеры нашли маленькій сарай; въ него набилось человѣкъ 40 — размѣщались на корточкахъ, лечь мѣста не было. Настроеніе было повышенное.

Командиру полка не слѣдовало оставлять полкъ на походѣ въ критическую минуту. Между командиромъ и полкомъ послѣ этого эпизода могли оставаться лишь самыя офиціальныя отношенія, внутренная связь, и такъ уже очень слабая, была окончательно порвана. На успѣхъ боевой работы въ этихъ условіяхъ разсчитывать не приходилось.

Наоборотъ, артиллеристъ, полковникъ М—ръ, командовавшій нашей артиллерійской бригадой, остававшійся все время съ эшелономъ, сразу же пріобрѣлъ большой нравственный авторитетъ; люди сильно цѣнятъ, готовясь къ бою, общіе труды, лишенія, послѣднюю корку хлѣба, подѣленную сообща.

Въ понедѣльникъ вода сбыла настолько, что батарея прошла вбродъ и перевезла людей полка черезъ быстрину на своихъ лошадяхъ. Во вторникъ мы выступили далѣе и къ вечеру прибыли въ Фын-хуан-ченъ, составлявшій пока цѣль нашего марша.

III.

Фын-хуан-ченъ.

Въ Фын-хуан-ченѣ, въ 155 верстахъ отъ Ляояна и въ 60-ти верстахъ отъ Ялу, мы составляли резервъ третьей Вост. Сиб. стрѣлковой дивизіи, расположенной на Ялу. Въ Фын-хуан-ченѣ мы немного отдохнули отъ трудовъ похода. Я все больше и больше чувствовалъ неудобство не имѣть при себѣ рѣшительно никакихъ вещей.

Нижніе чины за походъ съѣли свою неприкосновенную дачу сухарей. Это было вполнѣ нормально, такъ какъ въ теченіе двухъ сутокъ у нихъ не было другихъ источниковъ пропитанія. Но командиру полка это совершенно не понравилось. Надо было заботиться о пополненіи запаса сухарей на людяхъ. Командиръ полка созвалъ всѣхъ офицеровъ и съ циничною откровенностью объявилъ, что отрѣшитъ отъ должности тѣхъ ротныхъ командировъ, у которыхъ черезъ недѣлю не будетъ пополненъ своими средствами запасъ сухарей; командиръ полка не находилъ возможнымъ настаивать на отпускѣ сухарей изъ Фын-хуан-ченскаго интендантскаго магази-

на, объ увеличенiи запасовъ котораго командующiй армiей усиленно хлопоталъ.

Ротные командиры покорно склонили головы и принялись изобрѣтать способъ сушить хлѣбъ въ китайскихъ фанзахъ; нижнiе чины, и такъ уже получавшiе уменьшенную дачу хлѣба, были окончательно пущены на подножный кормъ: вся ихъ дача хлѣба забиралась въ сушку, на пополненiе неприкосновеннаго запаса сухарей. У кого изъ солдатъ были деньги, тотъ покупалъ хлѣбъ; за фунтъ платили китайцамъ 10 – 15 копѣекъ. Многiе же начали прибѣгать къ мародерству.

Въ Фын-хуан-ченѣ я побывалъ въ китайскомъ ресторанѣ; послѣ десятидневной голодовки даже трепанги показались мнѣ необыкновенно аппетитнымъ и утонченнымъ блюдомъ. Съ этого обѣда я до сихъ поръ сохранилъ полное уваженiе къ талантамъ китайскихъ кулинаровъ. Въ ресторанѣ насъ, десятерыхъ офицеровъ, угощали хозяева, признательные за то, что при постоѣ они никакихъ убытковъ отъ насъ не потерпѣли. Они не хотѣли брать съ насъ денегъ, но мы настаивали и заплатили по 2 рубля съ персоны. Тогда китайцы не менѣе деликатно заявили, что если ужъ намъ платить, то по прейсъ-куранту, по 2 р. 35 к. съ персоны. Правильный народъ, какъ мы тогда выражались.

Въ Фын-хуан-ченѣ имѣлся грекъ, который держалъ европейскiй ресторанъ, но тамъ постоянно кутило офицерство; это заведенiе производило тяжелое, гнетущее впечатлѣнiе, какое можетъ производить самый ужасный вертепъ.

Познакомился съ нѣсколькими офицерами полка: нашлись такіе чудные, достойные офицеры, что я задавалъ себѣ вопросъ, какъ они могли выработаться и сохраниться въ безпросвѣтной манчжурской глуши. Штабсъ-капитанъ Сам—ловъ, командиръ 8-ой роты, это было само воплощеніе энергіи, инициативы и рѣшительности. Солдаты его боготворили, даже полковые управленцы побаивались и уважали его, такъ какъ всегда самыя тяжелыя задачи сваливались на него, и онъ съ ними всегда удачно справлялся. Во всѣхъ бояхъ онъ являлся примѣромъ полку, надежной опорой боевого порядка. Въ дальнѣйшемъ теченіи кампаніи я имѣлъ удовольствіе драться въ бою рядомъ съ нимъ. „Экая рота, экіе залпы" — восклицалъ всегда съ завистью и удивленіемъ мой фельдфебель. Во всѣхъ бояхъ на опаснѣйшій пунктъ посылали Сам—лова, и онъ, что-то бормоча, что слѣдовало бы пожалѣть его людей и соблюдать въ полку какую-нибудь очередь, всегда работалъ по совѣсти, на-чистоту. Свои впечатлѣнія о немъ я разскажу подробнѣе въ дальнѣйшемъ изложеніи, при описаніи боевъ. Въ промежутки между боями, благодаря его предпріимчивости и энергіи, нашъ батальонъ былъ всегда накормленъ; благодаря работѣ батальоннаго командира, уже мною упомянутаго подполковника Гар—цкаго и штабсъ-капитана Сам—лова, нашъ батальонъ стяжалъ себѣ почетную репутацію въ Восточномъ отрядѣ.

Другой офицеръ, З—вичъ, отъ котораго я впослѣдствіи принялъ роту, производилъ чрезвычайно выгодное впечатлѣніе: хитрый, тонкій, но крайне честный, порядочный и храбрый хохолъ. Это была другая опора

полка. Прочіе офицеры были поблѣднѣе. Была молодежь — лихая и пылкая, но были и подпоручики, и капитаны съ совершенно разстроенными нервами, не выносившіе ничего рѣзкаго, истинные неудачники и страдальцы на войнѣ, безъ надежды на лавры ни для себя, ни для отечества.

Нѣтъ нечего удивительнаго, если среди офицеровъ нашей арміи оказываются люди, не выносящіе ни жизни на свѣжемъ воздухѣ, ни боевыхъ впечатлѣній: самъ собой подборъ офицеровъ не дѣлается, и если въ мирное время поощряются негодные для военнаго времени люди, то къ началу войны они въ арміи будутъ занимать отвѣтственные посты.

Весьма оригинальнымъ типомъ являлся командиръ нашей 12-ой роты, только что прибывшій изъ Москвы. Это былъ еще бодрый старикъ К—кій; у него всегда выходили со всѣми непріятности, вслѣдствіе наклонности его къ критикѣ и воркотнѣ; его младшіе офицеры, изрядные лодыри, всегда выглядывали мучениками; командиръ полка и завѣдующій хозяйствомъ всегда встрѣчали съ его стороны ожесточенную оппозицію, на строгомъ основаніи закона. Шея его ни передъ кѣмъ не гнулась, не согнулась она и передъ японцами: если ему въ мирное время нужно было два раза повторить приказаніе, чтобы онъ его исполнилъ, то оказалось, что въ бою ему надо было три раза подтверждать приказаніе отступать — японцы его охватываютъ, а онъ все проситъ повторить приказаніе, чтобы не вышла ошибка, чтобы не очистить преждевременно позицію. Послѣ перваго же боя отно-

шеніе къ нему круто измѣнилось — онъ сразу завоевалъ себѣ общее уваженіе.

Въ это время въ средѣ офицеровъ полка, шедшаго навстрѣчу японцамъ, дебатировался исключительно одинъ вопросъ, не имѣвшій прямого отношенія къ предстоявшимъ боевымъ дѣйствіямъ. Говорили о мѣстахъ ротныхъ командировъ. Дѣло было въ томъ, что въ полкъ назначено было много новыхъ капитановъ, которые только что прибыли изъ Европейской Россіи. На каждую роту приходилось въ среднемъ по полтора капитана, а четырьмя ротами командовали коренные офицеры полка — штабсъ-капитаны, которые мобилизовали ихъ. Отнимать-ли у нихъ роты, какъ выражались въ полку „столовыя", или же въ виду предстоящаго столкновенія съ врагомъ, оставить ихъ командовать ротами, какъ уже знающихъ своихъ людей? Послѣднее мнѣніе восторжествовало. Прибывшіе капитаны были зачислены младшими офицерами, на основаніи какой-то статьи закона, разрѣшающей полгода испытывать переводимыхъ извнѣ капитановъ. Рѣшеніе, можетъ быть и соотвѣтственное, но породившее большія недоразумѣнія. Всякаго прибывающаго офицера постарше чиномъ встрѣчали не особенно радостно, и отъ него требовалось много такта и энергіи, чтобъ найти себѣ уголокъ для работы. Послѣдніе дни передъ столкновеніемъ съ японцами офицерское общество не было тѣсно сплочено; все бродило; броженію способствовала нетактичность командира полка и его присныхъ.

За мое отсутствіе къ полку присоединился 3-й его батальонъ, сформированный въ московскомъ военномъ

округѣ гренадерами. Командиръ полка немедленно обидѣлъ гренадерскій батальонъ; онъ счелъ его недостаточно боевой частью для самостоятельнаго существованія; гренадерскія роты были перемѣшаны съ коренными стрѣлковыми. Въ полку установилось нѣсколько снисходительное отношеніе къ гренадерамъ и ихъ офицерамъ, Это было совершенно незаслуженно, въ особенности по отношенію къ блестящему офицерскому составу. Черезъ два мѣсаца, когда командиръ полка былъ отставленъ отъ командованія, его распоряженія были отмѣнены, и бывшія гренадерскія роты вновь собрались въ третій батальонъ, гдѣ и дѣйствовали съ отличіемъ.

Что касается до солдатъ, то, въ общемъ, они производили хорошее впечатлѣніе. Несомнѣнно, подъемъ духа у всѣхъ былъ значительный — никто не сомнѣвался въ побѣдѣ надъ японцами, всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали боя. Но были нѣкоторыя „но".

Во-первыхъ, непосредственно передъ объявленіемъ войны старшіе сроки службы были уволены въ запасъ. Затѣмъ взяли кадры для формированія 9-ой Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи — одну роту большого состава, что сильно отозвалось на восьмиротномъ полку. Затѣмъ, во время мобилизаціи сформировали конно-охотничью команду по составу эскадрона изъ 144-хъ стрѣлковъ — изъ каждой роты взяли по 18-ти лучшихъ людей. Завѣдующій хозяйствомъ удержалъ для обоза нѣсколько десятковъ расторопныхъ стрѣлковъ. Въ результатѣ всѣхъ этихъ мѣропріятій оказалось, что въ ротѣ, имѣвшей въ мирное время почти 200 человѣкъ, ко вре-

мени выступленія въ походъ осталось только по 40 старослужащихъ.

Во время самой мобилизаціи прибыли новобранцы, человѣкъ по 50 на роту. Нѣкоторыя партіи приходили наканунѣ посадки полка въ вагоны. Ихъ едва успѣли обмундировать. Ни одного учебнаго выстрѣла они не сдѣлали; отдѣленные начальники въ вагонѣ показали имъ правила заряжанія винтовки — въ этомъ заключалась вся ихъ солдатская наука. Первые выстрѣлы имъ пришлось сдѣлать по японцамъ въ тяжеломъ Тюренченскомъ бою.

До боевого состава роты были укомплектованы запасными. Среди запасныхъ было много людей на возрастѣ, за 35 лѣтъ, съ трудомъ уже переносившихъ тяжести похода; особенно трудно имъ приходилось при движеніяхъ въ жару. Съ нихъ нельзя было много спрашивать. Были и такіе запасные, которые проходили службу съ берданкой, и трехлинейную винтовку увидѣли лишь при мобилизаціи.

Особенно обидно было формированіе конно-охотничьей команды, окончательно обдѣлившее роты. Теперь, послѣ войны, въ модѣ хвалить этотъ родъ формированій. На войнѣ-же эти команды были источникомъ нашей слабости. Молодому, симпатичному подпоручику, видѣвшему лошадей только у извозчиковъ, поручили формировать конную команду по составу эскадрона изъ людей, не умѣвшихъ ѣздить, изъ невыѣзженныхъ лошадей. Весь объемъ знаній начальника этой команды по кавалерійской части ограничивался теоретическимъ изученіемъ строевого кавалерійскаго устава; для эскадроннаго командира это маловато. Начальникъ команды гордился тѣмъ, что нау-

чилъ своихъ охотниковъ церемоніальному маршу на шагу и даже немного на рыси. Охотники не умѣли ни правильно сѣдлать, ни ѣздить; не имѣли шашекъ, а мыслимъ-ли кавалеристъ безъ шашки? Положеніе ихъ на развѣдкѣ было очень тяжело. Вдобавокъ къ той массѣ сносной и второстепенной конницы, которой мы располагали на театрѣ войны, сформирована была завѣдомо очень плохая. Какъ конная пѣхота, охотники употреблялись очень рѣдко, но и то, въ большинствѣ случаевъ, можно было обойтись безъ нихъ. Конные охотники употреблялись съ пользой только въ отдѣлѣ, когда они придавались нашей стратегической конницѣ; особое удовольствіе, съ которымъ ими пользовались для спѣшеннаго боя наши кавалерійскіе начальники, показываетъ, что нашей конницѣ не хватаетъ ни умѣнья, ни охоты дѣйствовать въ спѣшенномъ строю.

Большая часть конныхъ охотниковъ занималась по преимуществу хозяйственными дѣлами, была на посылкахъ въ обозѣ, несла ординарческую службу — у каждаго ротнаго командира было по охотнику. Обидно было смотрѣть, какъ новобранцы идутъ въ бой, тогда какъ лучшіе люди, лучшіе стрѣлки возятъ пальто начальствующихъ лицъ и держатъ имъ стремя. Изъ 144-хъ охотниковъ только въ исключительныхъ случаяхъ удавалось собрать 60 всадниковъ; нормальнымъ-же было 20 — 30 всадниковъ впереди, а сотня на посылкахъ въ тылу.

Конно-охотничьи команды несомнѣнно понравились пѣхотѣ, но отчасти деморализовали ее. Громадныя хищенія на фуражѣ были общимъ правиломъ въ Манчжуріи. Довольствіе лошадей развращало молодыхъ офицеровъ —

они учились оборачиваться. Конные охотники всегда располагались не въ зависимости отъ боевыхъ требованій, а тамъ, гдѣ было удобнѣе пасти лошадей, гдѣ довольствіе ихъ обходилось дешевле. У насъ въ полку лошади были всегда хорошо выкормлены; въ другихъ-же частяхъ лошади часто обрекались медленной голодной смерти. Бывали попытки вывести на чистую воду фуражные гешефты, но дѣйствія японцевъ отвлекали вниманіе отъ этихъ вопросовъ.

Отчасти указаніемъ на тѣ свойства, которыя культивировались въ конно-охотничьихъ командахъ Восточно-Сибирскихъ стрѣлковыхъ полковъ, можетъ служить то обстоятельство, что только у конныхъ охотниковъ можно было побаловаться свѣжимъ, не консервированнымъ молокомъ. Всѣ извѣстные мнѣ начальники конно-охотничьихъ командъ держали дойныхъ коровъ и имѣли чудное молоко... Они были обставлены лучше, чѣмъ командиры корпусовъ.

Конные охотники значительно помогали полку въ его мирной жизни, принимая дѣятельное участіе въ реквизиціяхъ и заготовкахъ. Начальники конно-охотничьихъ командъ изъ хозяйственныхъ излишковъ держали на своемъ кошту китайцевъ-переводчиковъ. Между прочимъ, начальники конно-охотничьихъ командъ безвозмездно исполняли поставку оригинальнаго товара, именно, китайскихъ расписокъ. Войскамъ поставлено было нелѣпое требованіе, чтобъ каждый расходъ ротнаго командира былъ-бы очищенъ распиской получившаго деньги китайца: въ походной жизни не всегда можно было взять съ продавца расписку, да другой разъ и не довѣряли ки-

тайцу, что онъ еще тамъ напишетъ. А свой переводчикъ въ командѣ человѣкъ вѣрный. Поэтому разъ, а то и два въ мѣсяцъ препровождали въ охотничью команду выписку изъ ротной книги, и получали надлежащее количество расписокъ.

Хозяйство полка привлекало общее вниманіе. Завѣдующій хозяйствомъ, типъ безтолковаго канцеляриста, въ который въ 20 лѣтъ службы часто перерабатываются наши офицеры, велъ постоянную войну противъ ротныхъ командировъ, начатую, вѣроятно, еще въ мирное время. Онъ считалъ, что артельныя суммы получаютъ чрезмѣрныя ассигнованія; по возможности надо наложить на нихъ свою руку. Доходы были огромные; стоитъ вспомнить, что дача хлѣба часто не превышала одного фунта, справочныя цѣны на провіантъ были очень высоки, а за недоѣдъ хлѣба стрѣлки ничего не получали. Въ заботахъ не дать ротнымъ командирамъ попользоваться чѣмъ-либо для нижнихъ чиновъ проходило время чиновъ хозяйственнаго управленія полка. Вслѣдствіе междоусобія между ротными командирами и центральными полковыми органами, хозяйственное положеніе становилось изо дня въ день хуже.

Обозъ у каждой роты былъ свой, и ротные командиры распоряжались по своему усмотрѣнію почти всѣми его повозками. У прибывшихъ изъ Москвы ротъ двуколокъ было вдвое меньше, чѣмъ у коренныхъ сибирскихъ; командиръ полка отказалъ произвести уравненіе, несмотря на всѣ ходатайства обиженныхъ. У всѣхъ ротъ были походныя кухни, самыхъ различныхъ образцовъ. Удовлетворительными оказались только легкія, двуколочнаго типа.

IV.

Въ резервѣ.

Въ Фын-хуан-ченѣ штабъ 6-ой В.-С. стрѣлковой дивизіи получилъ шифрованную депешу; конечно, въ штабѣ ключа не оказалось. Къ счастью, выручилъ проѣзжій интендантъ. Во исполненіе этой депеши нашъ полкъ былъ двинутъ на берега Ялу.

Мнѣ вновь предстояло мокнуть при переходахъ въ бродъ горныхъ рѣчекъ. Я бросился искать, гдѣ купить лошадь, хотя какую-нибудь клячу, на которой можно было-бы путешествовать. Наконецъ нашелъ. Лошадь была куплена вмѣстѣ со старымъ китайскимъ сѣдломъ въ 11 часовъ ночи отъ задолжавшаго греку сапернаго офицера. Уплатилъ 130 рублей и на слѣдующій день съ торжествомъ на старой разбитой клячѣ переѣзжалъ въ бродъ одинъ изъ притоковъ Эйхо у Фын-хуан-чена. Судьба привела меня въ этотъ моментъ увидѣть вчерашняго владѣльца лошади, мокраго по поясъ, вылѣзавшаго изъ холодной воды. Онъ сконфуженно отвернулся въ сторону, а я смотрѣлъ съ моей клячи побѣдителемъ — такъ преходяще все на свѣтѣ...

Въ полку начали пользоваться мной для разбивки бивака; по маневреннымъ привычкамъ командиръ полка, вѣроятно, думалъ, что это самое раціональное употребленіе офицеровъ генеральнаго штаба. Я ѣхалъ впередъ съ квартирьерами-артиллеристами; мы быстро проходили перегоны. Товарищемъ моимъ оказался артиллеристъ,

поручикъ Щ., съ которымъ я сидѣлъ на одной скамьѣ въ корпусѣ, былъ въ одномъ училищѣ; по выходѣ въ офицеры мы потеряли другъ друга изъ виду на 6 лѣтъ и затѣмъ совершенно неожиданно встрѣтились на пути къ Ялу.

Намъ много было о чемъ поговорить; онъ любилъ Востокъ, любилъ самостоятельность, природу, былъ страстнымъ коллекціонеромъ бабочекъ. Я съ нимъ еще встрѣтился подъ Тюренченомъ. 18-го апрѣля онъ былъ тяжело раненъ, давая послѣдній выстрѣлъ изъ орудія, когда борьба уже прекратилась, и японцы забирали все, что еще не ушло, и попалъ въ плѣнъ. Свой долгъ передъ отечествомъ онъ исполнилъ до конца.

Резервъ Восточнаго отряда былъ расположенъ близъ деревушки Тензы. Насъ, квартирьеровъ, очень привѣтливо встрѣтилъ полковникъ Лаймингъ, командиръ 11-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка. 11-ый полкъ устроился прекрасно; изъ циновокъ и дерева были устроены чудные шалаши-землянки.

Выбралъ мѣсто для бивака; когда уже полкъ на немъ расположился, командиръ полка приказалъ для равненія принять на нѣсколько шаговъ въ сторону.

Начальство третьей В.-С. стр. дивизіи на слѣдующій же день приказало нашему командиру полка, какъ бывшему офицеру генеральнаго штаба, рекогносцировать мѣстность у Чингоу на рѣкѣ Эйхо, въ тылу лѣваго фланга, и выбрать тамъ позицію. Задача была дана словесно, въ туманныхъ выраженіяхъ; командиръ полка все перепуталъ. Онъ взялъ съ собою на рекогносцировку и меня. Моя кляча совершенно загналась, никто ничего

но понялъ. Полковникъ Г., вмѣсто того, чтобы выбрать позицію для обороны переправы, фронтомъ къ рѣкѣ, выбралъ позицію для преграждения наступленія противника вдоль рѣки, флангомъ къ рѣкѣ. Слѣва позиція анфилировалась съ высотъ лѣваго берега Эйхо; правый флангъ тоже оканчивался подъ горою. Мнѣ было приказано снять кроки, что я и сдѣлалъ, хотя эта работа была излишней: двухверстный планъ точно передавалъ мѣстность. На кроки намѣчена была позиція бокомъ къ рѣкѣ; мои представленія командиръ оставилъ безъ вниманія. Также неудачно была занята позиція у Чингоу и впослѣдствіи, въ день Тюренченскаго боя.

Вернулись съ рекогносцировки къ вечеру. Хлѣба не было даже у офицеровъ — всѣ голодали. Солдатики на листахъ жести изъ-подъ какихъ-то консервовъ пекли себѣ блины изъ кукурузной муки; получалась изрядная безвкусица, но и то въ ограниченномъ количествѣ. Командиръ полка стремился помочь горю, проповѣдуя офицерамъ и солдатамъ о пользѣ умѣренности и воздержанія въ пищѣ.

Прибылъ штабъ 6-ой В.-С. стр. дивизіи; начальство 3-ей дивизіи, старшее въ чинѣ, встрѣтило прибывшихъ союзниковъ весьма недружелюбно. Начальникъ 6-ой дивизіи получилъ лаконическое приказаніе — расположиться со штабомъ въ деревнѣ Тюренченъ. Туда же передвигался и нашъ полкъ.

Въ расположеніи нашихъ войскъ на Ялу не было видно никакой идеи. Рѣка не была подѣлена на участки; диспозиція игнорировала Ялу. Для обороны указывались „позиціи" Тюренченская и Шахедзинская, будто эти позиціи

имѣли какой-нибудь смыслъ, если промежутокъ между ними — полупереходъ — наблюдался только постомъ въ 5 человѣкъ. Начальники, стоявшіе въ авангардѣ всей Россійской арміи, на стражѣ ея боевой чести, на стражѣ интересовъ нашей родины, дѣлали неудачныя распоряженія. Вмѣсто организаціи оборонительныхъ дѣйствій, мечтали создать подъ Шахедзами укрѣпленный лагерь въ родѣ Плевненскаго. Ни отсутствіе боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ, ни совершенно неподходящая стратегическая обстановка, ни указанія командующаго арміей не образумливали военно-начальниковъ, мысленно уже примѣрявшихъ себѣ лавры Османа-паши. Они видѣли яму, которая имъ напоминала Плевненскую, и они обдумывали, какъ укрѣпить окружающія высоты. Стремились копировать шаблоны; въ затылокъ одинъ къ другому надъ рѣкой было построено два оригинальнѣйшихъ въ мірѣ люнета — вѣроятно, стремились воплотить въ дѣйствительность люнеты, о которыхъ разбилась атака Скобелева 30 августа 1877 года:

Очень недурна была линія телеграфа, шедшая къ Тюренчену. Черезъ Тюренченъ направлялась постоянная телеграфная линія въ Корею, но уже въ февралѣ мѣсяцѣ она была разрушена нами на нѣкоторомъ протяженіи, чтобъ японцы ею не воспользовались для тайныхъ сношеній со своими агентами въ Манчжуріи. Эта телеграфная линія шла какъ разъ въ желательномъ направленіи, и ее легко можно было возстановить. Однако, почему-то рѣшили провести новую линію; за неимѣніемъ почти никакого телеграфного имущества обратились къ самодѣльщинѣ. Всѣмъ чрезвычайно нравилась замѣна

фарфоровыхъ изоляторовъ осколками стекла. Но такъ какъ матеріала было мало, то линію направили къ Тюренчену отъ конечной телеграфной станціи у Шахедзы кратчайшимъ путемъ, по островамъ Ялу, за полверсты передъ расположеніемъ нашихъ войскъ. Конечно, японцы разрушили нашу линію въ тотъ моментъ, когда пожелали, и во время боя намъ не пришлось пользоваться телеграфомъ...

Печальна была и дорога, ведшая отъ деревни Тензы, мѣста расположенія резерва, къ Тюренчену. Дорога разрабатывалась основательно. Она была обведена глубокими каналами; высокое земляное полотно прерывалось глубокими перекопами, чтобы дать стокъ водѣ изъ одной канавы въ другую на случай дождя. Черезъ эти перекопы не было готово ни одного моста ни въ началѣ апрѣля, ни ко дню боя. По этой дорогѣ трудно было идти даже пѣшему человѣку; движеніе же повозокъ было совершенно невозможно. Много труда было положено, чтобы испортить ранѣе существовавшую проселочную дорогу. Возможно-ли въ военное время вести работы такимъ способомъ; казалось бы, элементарная логика указываетъ на необходимость работать такъ, чтобъ работа могла пригодиться въ любую минуту.

Двигаясь къ Тюренчену, полкъ, конечно, не пользовался этой дорогой, а шелъ стороной.

Наконецъ мы подошли къ Тюренчену. Солдатики 12-го В.-С. стр. полка, получавшіе сами недостаточную дачу хлѣба, радушно угощали нашихъ — кто чѣмъ могъ. Наши стрѣлки съ удовольствіемъ набрасывались на предлагаемый имъ хлѣбъ, выпеченный изъ двухъ третей ку-

курузной и одной трети пшеничной муки. Этотъ хлѣбъ можно было ѣсть только свѣжимъ: онъ очень быстро сохъ и портился.

Стали бивакомъ за горкой. 12-ый полкъ стоялъ на склонѣ къ рѣкѣ, на виду у японцевъ. На нашемъ бивакѣ распространился слухъ, что можно видѣть на томъ берегу рѣки на кумирнѣ Ичжу японскаго часового; сразу всѣ офицеры и солдаты высыпали на горку; правда, на разстояніи 5-ти верстъ японскаго часового они разсмотрѣть не могли, но японцамъ добросовѣстно себя показали.

На островахъ стояли мишени, какъ на стрѣльбищѣ; 12-ый полкъ прошелъ здѣсь курсъ стрѣльбы. Къ сожалѣнію, и укрѣпленія здѣсь были такія же, какія можно наблюдать только на стрѣльбищѣ: я видѣлъ нѣсколько колѣнныхъ окоповъ, каждый на полуроту, прямыхъ, какъ стрѣла, не маскированныхъ; такіе окопы возводили раньше на учебныхъ поляхъ для практики, безъ всякаго примѣненія къ мѣстности. На позиціи встрѣчались и остатки китайскихъ укрѣпленій, возведенныхъ 10 лѣтъ тому назадъ, когда китайцы, какъ и мы, подъ Тюренченомъ противились переходу японцевъ черезъ Ялу. Безъ всякаго сомнѣнія, китайскіе фортификаторы по своей спеціальности стояли много выше инженеровъ Восточнаго отряда. Въ китайскихъ укрѣпленіяхъ была осмысленная идея; было видно много затраченной работы; у насъ не было ни того, ни другого. Возведенныя укрѣпленія стоили намъ въ физическомъ отношеніи не болѣе 2—3-хъ часовъ работы; что касается до творческой работы, то въ этомъ отношеніи Тюренченъ намъ обошелся совсѣмъ дешево.

Наши артиллерійскіе окопы были расположены даже не на гребнѣ, а на обращенномъ къ японцамъ скатѣ. Орудія были по возможности вынесены впередъ, чтобъ ихъ уголъ обстрѣла былъ больше; думали фланкировать артиллерійскимъ огнемъ долину Ялу и стремились, чтобы обзоръ орудійныхъ наводчиковъ не былъ стѣсненъ сосѣдними вершинами. Объ укрытіи и борьбѣ съ непріятельскими батареями не заботились. Это было перенесеніе идеи промежуточныхъ капонировъ изъ крѣпостной войны въ полевую. Помню, на лекціяхъ въ академіи генералъ Величко особенно напиралъ на значеніи фланкирующаго огня при оборонѣ полевыхъ позицій. Здѣсь было неудачное примѣненіе этой мысли. Разное начальство высказывало различныя требованія по отношенію къ расположенію пушекъ; поэтому были вырыты три линіи орудійныхъ окоповъ, шагахъ въ двадцати одна отъ другой.[1]) Какъ видно, если у насъ и имѣлись самостоятельныя точки зрѣнія на боевое употребленіе артиллеріи, то онѣ не сильно разнились одна отъ другой.

V.

Штабъ.

Едва мы успѣли расположиться подъ Тюренченомъ, и я съ характернымъ видомъ голоднаго человѣка началъ

---

[1]) Гамильтонъ впалъ въ ошибку, отъ которой, впрочемъ самъ и отрекся, признавъ эти окопныя наслоенія взглядовъ нашихъ начальниковъ за одну батарею, расположенную въ три яруса.

приглядываться, у кого тутъ можно перекусить, какъ мнѣ подали записку изъ штаба дивизіи. Начальникъ штаба просилъ меня временно замѣстить въ штабѣ дивизіи свободную вакансію адъютанта по строевой части — оберъ-офицера генеральнаго штаба. Мнѣ очень не нравилось мое вынужденное бездѣлье въ роли полуротнаго командира; приглашеніе въ штабъ мнѣ было очень пріятно. Я явился къ командиру полка, получилъ его согласіе и, забравъ своего уже плохо передвигавшаго ноги Россинанта и вѣстового, отправился въ штабъ.

Штабъ былъ расположенъ въ самой деревнѣ Тюренченъ, согласно полученному приказанію, впереди позиціи, почти у самаго Эйхо. Положеніе было совершенно невыяснено. Къ начальнику дивизіи являлся командиръ 12-го полка, но выяснить взаимныя отношенія не удалось. Генералъ Т. возмущался—вмѣсто задачи, дѣла, извѣстной боевой роли получить только приказаніе расположиться въ такомъ-то селеніи! Точно мы пришли сюда въ ссылку на поселеніе, а не съ тѣмъ, чтобъ драться. И почему именно въ Тюренченъ, когда штабу приличнѣе было бы расположиться за войсками, а не впереди ихъ. И подчиненъ ему или неподчиненъ 12-ый полкъ? — Генералъ К. переписывался съ нимъ непосредственно. Выясненіе положенія пришлось отложить до пріѣзда новаго начальника Восточнаго отряда, генерала Засулича; его ждали черезъ два или три дня.

Пока начали осматривать и изучать окрестности Тюренчена. Я сдѣлалъ кроки позиціи.

Познакомился съ дивизіоннымъ интендантомъ. Это былъ честнѣйшій человѣкъ, но уже очень старый и со-

вершенно неподготовленный къ своей дѣятельности. Передъ войной онъ служилъ въ 24-омъ В. С. стрѣлковомъ полку, гдѣ былъ старшимъ по лѣтамъ капитаномъ; когда потребовалось назначить офицера для исполненія должности дивизіоннаго интенданта, остановились на немъ по двумъ причинамъ — во-первыхъ, онъ уже былъ совершенно непригоденъ для строя, а во-вторыхъ, по старшинству болѣе всего заслуживалъ производства въ штабъ-офицеры и громаднаго содержанія, связаннаго съ этимъ назначеніемъ. Будь на его мѣстѣ лицо энергичное, какъ, напримѣръ, капитанъ К., назначенный интендантомъ дивизіи въ августѣ, черезъ 6 мѣсяцевъ войны, положеніе частей 6-ой В.-С. стр. дивизіи значительно бы облегчилось. Нашъ же старичекъ ѣздилъ себѣ потихоньку въ бричкѣ — верхомъ онъ уже не могъ — и покупалъ иногда кое-что для штаба дивизіи. Кажется, онъ такъ и думалъ, что ему вполнѣ достаточно заботиться о пропитаніи штаба дивизіи, а у войскъ есть свои завѣдывающіе хозяйствомъ Въ штабѣ дивизіи имѣлся авансъ, 200000 рублей, которые генералъ Куропаткинъ приказалъ отпустить штабу, чтобы мы своей широкой иниціативой восполнили пробѣлы подготовки въ продовольственномъ отношеніи движенія къ Ялу. Эти деньги такъ и пролежали въ денежной двуколкѣ штаба; иногда только войска занимали небольшія суммы. Въ дни ужасныхъ передрягъ на совѣсти начальника штаба лежало еще 200000 рублей — самый непріятный балластъ во время отступленія. Потомъ эти деньги передали на храненіе въ дивизіонный лазаретъ; послѣ многихъ недоразумѣній удалось отсчитаться и сдать этотъ авансъ казначейству.

Генералъ Т. сразу оцѣнилъ все значеніе лѣваго фланга позиціи и высотъ лѣваго берега Эйхо, съ которыхъ въ день Тюренченскаго боя дебушировала японская пѣхота. Переправы черезъ Эйхо и лѣвый берегъ рекогносцировали я и артиллерійскій офицеръ. Я нашелъ нѣсколько бродовъ — охотники шли въ воду очень неохотно, за каждый найденный бродъ я платилъ нашедшимъ его по рублю кровныхъ денегъ.

Артиллеристы чувствовали себя въ горной обстановкѣ довольно растерянно и дали заключеніе о полной нежелательности перехода орудій черезъ Эйхо; эта переправа, по ихъ мнѣнію, была непремѣнно связана съ подмочкой боевого комплекта и порчей матеріальной части. Соображенія эти были явно неосновательны, такъ какъ на дорогѣ отъ Ляояна приходилось переходить броды, и болѣе глубокіе, и съ худшимъ дномъ. Артиллеристы, вѣроятно, уже находились подъ давленіемъ мысли, что орудія, выдвинутыя за Эйхо, погибнутъ въ бою — едва ли удастся ихъ спасти.

Пріѣхалъ генералъ Засуличъ. Познакомился съ его штабомъ на блестящемъ обѣдѣ въ Шахедзахъ, который былъ данъ 10-мъ В.-С. стр. полкомъ. На первыхъ же порахъ послѣ прибытія штаба Восточнаго отряда казалось, что все начинаетъ налаживаться; была отдана диспозиція, представлявшая уже значительный шагъ впередъ. Вновь отдаваемыя распоряженія по своей основательности нельзя было и сравнивать съ прежними, отдаваемыми первыми нашими піонерами на Ялу; но было уже поздно, всего не успѣли передѣлать, и пришлось

драться на печальномъ фундаментѣ первоначальныхъ распоряженій.

Войсковая развѣдка непріятельскаго расположенія ничего не давала. Между тѣмъ много энергіи и вниманія начальниковъ тратилось на безплодныя попытки развѣдать, что дѣлается на томъ берегу рѣки.

Такъ какъ японцы демонстрировали по рѣкѣ Ялу значительно выше нашего расположенія, то къ устью рѣки Амбихэ, на небольшой переходъ вверхъ по Ялу, былъ двинутъ батальонъ 24-го В.-С. стр. полка. Батальонъ проходилъ мимо насъ. Дорога шла по самому берегу Ялу, такъ что японцы также наблюдали этотъ маршъ. Батальонъ велъ самъ командиръ полка, полковникъ Лечицкій. При батальонѣ было полковое знамя и хоръ музыки. Весьма легко могло случиться, что батальонъ пропадетъ въ полномъ составѣ — его легко могли отрѣзать и отъ Восточнаго отряда, и отъ Ляояна. Начальникъ штаба Од. сказалъ мнѣ, что о немъ можно не безпокоиться, что Лечицкій молодецъ, не пропадетъ, а ужъ если пропадетъ, то съ трескомъ, постоитъ за себя.

Генералъ Т. наводилъ нѣкоторые порядки на Тюренченской позиціи: укрылъ биваки за складки мѣстности, отправилъ въ тылъ большую часть обоза. Расположеніе войскъ у Тюренчена приняло нѣсколько причесанный видъ. При этомъ N-ому полку пришлось перемѣнить три раза бивачное мѣсто. Но это подробность.

Между тѣмъ событія надвигались. Корейское населеніе было къ намъ расположено, разсчитывало, что мы разгромимъ японцевъ. Поэтому безъ всякаго труда съ нашей стороны мы получали отъ корейцевъ цѣнныя свѣдѣнія

о происходившемъ на лѣвомъ берегу Ялу накопленіи японскихъ войскъ. Корейцы передавали, что передъ нами гвардейская дивизія и другія части, всего болѣе 30.000, съ сотней орудій. Они передавали, что у японцевъ есть большія пушки, въ которыя впрягается много лошадей; впослѣдствіи всѣ ихъ свѣдѣнія оказались вѣрными. Пока же имъ вѣрилъ только генералъ Т.

Артиллеристы настойчиво увѣряли насъ, что эти свѣдѣнія ложны, что у японцевъ только одна горная артиллерія, которая не въ силахъ достать до насъ съ противоположнаго берега Ялу, и потому мы можемъ чувствовать себя у Тюренчена въ полной безопасности. Иначе, говорили они, возможно-ли допустить, что мы представляемъ японцамъ такія выгодныя цѣли у Тюренчена, а они по насъ совершенно не открываютъ огня? Впослѣдствіи оказалось, что это совершенно допустимо. Японцы не хотѣли насъ тревожить, не хотѣли преждевременно разгонять наше странное расположеніе, не рѣшали до рѣшительной минуты дать намъ урокъ боевой дѣйствительности, и, конечно, были правы.

Объ оживленной дѣятельности японцевъ близъ Ичжу свидѣтельствовали и донесенія охотниковъ, вступавшихъ каждый день на островахъ въ легкія перестрѣлки съ японцами.

11-го апрѣля отъ генерала Куропаткина пришла телеграмма съ предупрежденіемъ, что японцы готовятся атаковать Тюренченъ. Въ ночь на 12-ое апрѣля Тюренченскій отрядъ расположился на позиціи въ боевомъ порядкѣ. Никто не спалъ, палатки были убраны. Цѣпи заняли окопы, артиллеристы лежали у орудій. Отъ

японцевъ насъ отдѣляли два рукава Ялу и Эйхо, въ бродъ непроходимые; острова были заняты нашими охотниками и двумя ротами сторожевого охраненія. Не совсѣмъ понятно было, что угрожало войскамъ у Тюренчена, но никто не сомкнулъ глазъ въ эту ночь. Всматривались въ ночную темень; общее нервное напряженіе росло. Отъ охотниковъ, расположенныхъ на островахъ Ялу, выше Тюренчена, поступали тревожныя донесенія. Носильщики на противоположномъ берегу подносили тяжести къ одному изъ впадавшихъ въ Ялу ручьевъ — повидимому, понтоны. Около этого ручья японцы устанавливали орудія, охотники насчитали 18 пушекъ. Вечеромъ съ японскаго берега доносился шумъ и стукъ — охотники дѣлали основательное предположеніе, что японцы собираютъ мостъ.

Около половины четвертаго луна зашла — стало совершенно темно. Черезъ нѣкоторое время раздались выстрѣлы на островахъ выше по Ялу; въ жуткой тишинѣ прозвучало нѣсколько одиночныхъ выстрѣловъ, затѣмъ мгновеніе полной тишины, и новая горячая огневая схватка; по тому, какъ трещали ночью въ полной темнотѣ пачки, можно было предположить, что сошлись въ упоръ. Затѣмъ все смолкло. Кто побѣдилъ? удержались ли мы?

Начало разсвѣтать. Какъ только стало видно на самомъ небольшомъ разстояніи, снова послышались пачки. Перестрѣлка разгорѣлась со страшной силой. Около четверти часа продолжался частый ружейный огонь, затѣмъ все рѣзко кончилось — какъ обрѣзало. Одна изъ враждующихъ сторонъ сдала.

Въ штабъ дивизіи явилось два вѣстника о происшедшихъ событіяхъ; на взмыленномъ конѣ прискакалъ охотникъ N-го полка и передалъ словесное донесеніе начальника конно-охотничьей команды: „ради Бога, скорѣй присылайте батальонъ и по крайней мѣрѣ одинъ эскадронъ, чтобы скакалъ, иначе все потеряно". Должно быть въ сильной передрягѣ были охотники, если начальникъ ихъ просилъ о присылкѣ эскадрона, когда на 200 верстъ кругомъ не было драгунъ. Другой вѣстникъ передалъ донесеніе начальника конныхъ охотниковъ 12-го В.-С. стр. полка, извѣстнаго развѣдчика поручика Я., который сообщалъ, что конно-охотничья команда №-го полка, повидимому, на чисто уничтожена, и что на нашъ берегъ переправилось три полка японцевъ. Къ донесенію было приложено отчетливое кроки.

Что же происходило на островахъ?

Однимъ изъ существенныхъ недоразумѣній нашего расположенія на Ялу было занятіе острововъ по рѣкѣ конными охотниками. Къ этому рѣшенію, повидимому, подошли вслѣдствіе обилія фуража на островахъ. Конные охотники были выдвинуты на острова еще въ зимній періодъ, когда не было японцевъ и когда ледъ сковывалъ Ялу. Тогда рѣшеніе было тактически удовлетворительно; но оно пережило свое время; ледъ растаялъ, надвинулись японцы, а конные охотники все продолжали нести на островахъ сторожевую службу.

Съ прибытіемъ №-го полка къ Тюренчену, и его конно-охотничья команда была выдвинута на острова. Сторожевая служба на ближайшихъ островахъ неслась двумя ротами 12-го полка, поддержанными пѣшими охотниками-

пластунами, какъ ихъ тогда называли. Для занятія болѣе дальнихъ острововъ назначались конные охотники.

Молодой, чрезвычайно добросовѣстный подпоручикъ, только что выпущенный изъ училища, командовавшій охотниками N-го полка, на первыхъ же порахъ напуталъ— занялъ не тотъ островъ, который былъ ему указанъ. Протоки между островами, число и очертаніе острововъ измѣнялись въ зависимости отъ уровня рѣки, и надо было оріентироваться не по счету острововъ, а по берегамъ рѣки. Потомъ это недоразумѣніе разъяснилось, и онъ смѣнилъ на указанномъ ему островѣ конныхъ охотниковъ 12-го полка, которые перешли на сосѣдній островъ, выше по теченію.

Смыслъ расположенія команды на островѣ впереди главнаго русла Ялу, отдѣленномъ отъ японскаго берега лишь второстепеннымъ рукавомъ, не былъ объясненъ охотникамъ, да и не былъ извѣстенъ высшимъ начальникамъ. Отчего не занимать и не оборонять нашего нагорнаго берега за главнымъ русломъ, не имѣть на немъ ни малѣйшаго поста, а удерживать острова? И къ чему ихъ занимать — съ одной ли развѣдочной-охранительной цѣлью, но зачѣмъ же тогда 60 конныхъ людей на островѣ въ двѣ версты въ поперечникѣ; или же съ цѣлью обороны — но что тогда они могутъ подѣлать съ японской дивизіей? Это не было никому извѣстно. Что касается до самого начальника конно - охотничьей команды, то онъ принималъ въ свое вѣдѣніе отъ охотниковъ 12-го В.-С. стр. полка островъ, какъ сдачу, которую онъ обязанъ сохранить. „Какъ такъ" — разсуждалъ онъ", „другіе занимали островъ, а охотники N-го полка отдадутъ его японцамъ?" Онъ распорядился такъ: островъ былъ весь подъ

обстрѣломъ съ японскаго берега; поэтому онъ лошадей оставилъ на нашемъ берегу Ялу, а островъ занялъ спѣшенными людьми. Вдоль нашего берега пролегали двѣ доступныхъ для всадниковъ тропинки; одна вела горами, верстахъ въ трехъ отъ берега, другая—вдоль самой рѣки, по уступу крутого берега. Эта тропинка представляла узкую полоску между водою и нависшими скалами, шириной мѣстами въ одинъ шагъ. Мы пользовались преимущественно этой тропинкой, какъ болѣе прямой и съ меньшимъ количествомъ спусковъ и подъемовъ. Отъ нея на материкъ можно было и пѣшкомъ взобраться не всюду; всадники же могли съ нея свернуть лишь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ Ялу впадали ручьи.

Въ отдѣльномъ дворѣ на этой тропинкѣ были поставлены лошади; сами же охотники на шаландѣ переплыли на островъ, гдѣ работая по ночамъ, постарались укрѣпиться. Окопы устраивались для постовъ — на окраинѣ острова, обращенной къ японцамъ, и для всей команды — въ видѣ люнета передъ шаландой, для прикрытія высадки и посадки команды въ лодку.

Въ ночь на 12-ое съ сосѣднихъ острововъ снялись конные охотники 12-го полка; ихъ начальникъ, какъ развѣдчикъ, всегда отличался особымъ чутьемъ. Мнѣ неизвѣстны инструкціи, которыя ему были даны командиромъ полка; повидимому, его отступленіе объясняется тѣмъ, что на островахъ еще сѣвернѣе появились охотники 24-го В.-С. стрѣлк. полка; что вслѣдствіе этого его команда болѣе уже не охраняла флангъ Восточнаго отряда. Охотники 12-го полка безсмѣнно несли сторожевое охраненіе на островахъ уже болѣе мѣсяца и стремились отдохнуть.

Въ 3 часа ночи начальникъ охотниковъ 12-го полка возвращался въ Тюренченъ по береговой тропѣ вдоль Ялу, видѣлся и переговорилъ съ подпоручикомъ С., начальникомъ охотниковъ N-го полка; онъ его предупредилъ объ опасности дальнѣйшаго пребыванія на островахъ, такъ какъ, несомнѣнно, японцы уже собрали на томъ берегу матеріалъ для устройства моста и установили пушки для прикрытія переправы. Послѣ короткаго разговора онъ двинулся дальше.

Подпоручикъ С. отправился повѣрять свои посты. Только что онъ подошелъ къ одному изъ нихъ, какъ вдругъ передъ нимъ въ темнотѣ выросъ мостъ, который мгновенно,—вѣроятно, поворотомъ,—былъ наведенъ японцами черезъ неширокій рукавъ; плотная колонна японцевъ двинулась по мосту. Подъ рукой было пять стрѣлковъ; они открыли огонъ почти въ упоръ. Нѣсколько японцевъ упало въ воду, но колонна подвигалась, перешедшіе на островъ открыли огонь и бросилась на нашихъ охотниковъ. Имъ ничего другого не оставалось, какъ бѣгомъ отойти къ командѣ въ окопъ.

Не смотря на то, что на островъ, вѣроятно, перешло много японцевъ, что разъ мостъ былъ наведенъ, мы были не въ силахъ удерживать островъ, подпоручикъ С. разставилъ своихъ охотниковъ, свыше 50 стрѣлковъ, въ коленномъ окопѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ передъ рѣкой Ялу. Ему, должно быть, очищеніе острова представлялось, какъ измѣна отечеству, какъ открытіе бреши въ оборонительной линіи Ялу, черезъ которую потокъ японскаго нашествія вольется въ Манчжурію. У него было меньше стрѣлковъ,

чѣмъ у японцевъ пушекъ, но онъ попытался своими незначительными силами преградить имъ дорогу...

Свѣтало. Густая японская цѣпь была разсыпана въ 800-хъ шагахъ отъ окопа. За цѣпью близко виднѣлись сомкнутыя части; боевой порядокъ японцевъ былъ построенъ еще по ночному. Въ первой линіи было около шести ротъ. Эта масса вдругъ поднялась и съ громкими криками „банзай" бросилась на нашихъ охотниковъ.

Въ одинъ мигъ всѣмъ стала ясна тщетность попытки удержать островъ. Безъ приказанія всѣ бросились въ шаланду и отчалили отъ острова. Во время переѣзда черезъ Ялу удалось установить порядокъ и быстро причалить къ нашему берегу. Въ распоряженіи нашихъ охотниковъ оставалось еще нѣсколько мгновеній, чтобъ ускакать изъ ловушки, образованной узкой прибрежной дорогой. Но подпоручикъ С. рѣшилъ, обороняясь здѣсь, выждать подхода подкрѣпленій, чтобъ воспрепятствовать японцамъ перейти Ялу. Онъ поручилъ одному охотнику скакать въ штабъ за подмогой, просить эскадронъ, батальонъ, пушки. Какъ только наши охотники успѣли устроиться въ цѣпи, японцы заняли противоположный берегъ русла, въ трехстахъ шагахъ; въ утренней мглѣ завязался стрѣлковый бой. Японцы замѣтили движеніе въ отдѣльномъ дворѣ и открыли по нему огонь Въ нѣсколько минутъ были перестрѣляны находившіяся тамъ 60 лошадей. Спасшіеся коноводы передавали, что зрѣлище было ужасное. Лошади получали по 4—5 и болѣе пуль каждая и страшно бились. Спасся только конь, на которомъ ускакалъ охотникъ за подмогой.

Наши охотники вначалѣ вели огонь довольно удачно,

сосредоточивая его по сомкнутымъ поддержкамъ и группѣ начальствующихъ лицъ. Они видѣли 6 бѣлыхъ флаговъ; восходящаго солнца на японскихъ флагахъ охотники не разобрали; нѣкоторые стрѣлки потомъ утверждали, что японцы бѣлыми флагами просили „замиренія", да ничего не вышло. Черезъ 10—15 минутъ японскіе стрѣлки, болѣе многочисленные, начали добиваться превосходства въ огнѣ. Пришлось думать объ отступленіи, но это было не такъ легко. Сзади была отвѣсная скала; надо было перебѣжать нѣсколько десятковъ шаговъ вдоль рѣки подъ огнемъ японцевъ. Мы потеряли почти половину охотниковъ. Начальникъ ихъ, храбрый С., отбѣгавшій послѣднимъ, былъ убитъ. Тѣло его не удалось вынести; это вызвало бы только лишнія жертвы. Оно осталось на берегу. Одинъ стрѣлокъ, рискуя жизнью, снялъ съ него кобуру съ револьверомъ; бумажника съ большими казенными деньгами не догадались захватить. Печальные остатки команды отступили горами.

Этотъ боевой эпизодъ я лично не видѣлъ; я только слышалъ разгоравшуюся перестрѣлку, слышалъ разсказы о немъ отъ многихъ участниковъ. Потери въ людяхъ были одинаковы, какъ со стороны японцевъ [1]), такъ и съ нашей; кромѣ того, у насъ убито было 60 лошадей. Я остановился на этомъ эпизодѣ такъ подробно потому, что онъ имѣлъ огромное значеніе въ цѣпи событій, приведшихъ насъ къ Тюренченскому пораженію. Это было первое столкновеніе на сухомъ пути, бывшее для насъ серьез-

---

[1]) По опубликованнымъ ими свѣдѣніямъ.

нымъ вопросительнымъ знакомъ. Наши развѣдочныя и охраняющія части, дѣйствовавшія ранѣе съ большимъ презрѣніемъ къ противнику, послѣ этого неудачнаго дѣла начали уклоняться отъ встрѣчи съ японцами. Чѣмъ ближе надвигался врагъ, тѣмъ болѣе мы отворачивались отъ него; незначительная катастрофа съ охотниками N-го полка, раздутая сплетнями досужихъ людей, являлась предтечей Тюренченскаго боя. Въ тылу говорили, что охотники N-го полка проспали, прозѣвали; надъ вернувшимися изъ боя людьми чуть ли не смѣялись. Сплетни дошли до командующаго арміей; онъ приказалъ произвести дознаніе объ этомъ боевомъ дѣлѣ, первое дознаніе изъ ряда многихъ, назначавшихся въ нашу тяжелую кампанію. Въ ту минуту, когда наши войска готовились къ отчаянному бою съ противникомъ, производимое среди нихъ дознаніе, конечно, не способствовало сплоченности и подъему духа. Полицейское воздѣйствіе губительно въ минуту, когда возбужденный духъ человѣка останавливается на важнѣйшихъ вопросахъ, когда люди какъ бы исповѣдываются передъ самими собой. Да и что могло выяснить дознаніе? Единственный отвѣтчикъ въ этомъ дѣлѣ, подпоручикъ С., покончилъ уже всѣ земные счеты, и былъ внѣ черты досягаемости всякихъ взысканій. У насъ не оставалось даже его трупа, и намъ не приходилось даже рѣшать вопроса о болѣе или менѣе почетномъ его погребеніи [1]). Дознаніе,

---

[1]) Въ этотъ же день въ N-омъ полку застрѣлился офицеръ, нравственно переутомленный тягостями похода; онъ обратился къ своему взводу съ рѣчью, чтобы въ бою не боялись, такъ какъ умирать легко, и пустилъ себѣ пулю въ лобъ. Вѣ-

конечно, ничего не выяснило — болѣе важныя событія надвигались полнымъ ходомъ. Командиръ батареи, подполковникъ П., производившій дознаніе, въ Тюренченскомъ бою самъ потерялъ свои орудія; онъ самъ превратился изъ слѣдователя въ подсудимаго — назначено было уже новое дознаніе для разбора его дѣйствій.

Продолжаю изложеніе событій. Команда охотниковъ 12-го полка не успѣла еще далеко уйти ко времени разыгравшагося боевого столкновенія. Охотники поднялись съ берега на горы и оттуда открыли довольно безвредный огонь съ предѣльнымъ прицѣломъ по японскому расположенію.

При этой конно-охотничьей командѣ была небольшая пушка. Это было 37-ми милиметровое орудіе, снятое съ какого-то катера въ Портъ-Артурѣ; можетъ быть оно было въ свое время отбито у китайцевъ. Эта пушка была не штатнымъ имуществомъ части, какъ бы экономіей, не-подлежащей занесенію въ журналъ. Снарядовъ къ этой пушкѣ было очень мало, всего нѣсколько десятковъ. Охотники очень гордились своей пушкой и всюду за собой ее таскали. Это была одна изъ манчжурскихъ странностей.

Когда разсвѣло, можно было ясно различать мостъ черезъ рукавъ Ялу, по которому на острова направлялся потокъ пѣшихъ людей. Охотники 12-го полка установили

роятно, съ нимъ случился припадокъ внезапнаго умопомѣшательства. Его тѣло было зарыто въ ямѣ близь дороги. Черезъ нѣсколько дней, наканунѣ Тюренченскаго боя, получилось распоряженіе генерала Куропаткина, строго воспрещавшее хоронить самоубійцу по христіанскому и воинскому обряду.

свою почти игрушечную пушку и открыли огонь по мосту. Они дали два выстрѣла.

Японцы, повидимому, были готовы къ тому, что мы откроемъ по ихъ мосту огонь; японскіе артиллеристы стояли на-готовѣ у орудій, чтобы прикрыть переправу. Не прошло и полуминуты со времени нашего перваго выстрѣла, какъ на японскомъ берегу блеснули четыре огонька, и четыре шрапнели одновременно разорвались какъ разъ передъ нашей маленькой пушченкой. Интервалъ разрыва былъ нѣсколько великъ, но послѣдовавшіе второй и третій залпы были выпущены японцами необыкновенно быстро за первымъ и съ совершенно точнымъ прицѣломъ и трубкой. Наши охотники, однако, ихъ не дожидались; подобравъ двухъ своихъ раненыхъ, они быстро очистили свою артиллерійскую позицію.

Эти событія произвели такое впечатлѣніе на охотникахъ 12-го полка, что они быстро отошли на правый берегъ Эйхо. Появилось ложное сказаніе о переправѣ на нашъ берегъ Ялу трехъ японскихъ полковъ; ошибочно утверждали, что японцы по лѣвому берегу Эйхо выставили сторожевое охраненіе. Связь съ отрядомъ полковника Лечицкаго у Амбихэ порвалась. Вслѣдъ за охотниками 12-го полка прибыли и остатки команды N-го полка; на встрѣчу имъ были высланы санитары съ носилками, чтобы помочь перенести раненыхъ.

Завѣдывающій артиллерійскими развѣдчиками поручикъ Ч. былъ командированъ на площадь, обстрѣливавшуюся японскими орудіями; вскорѣ онъ вернулся съ шрапнельнымъ стаканомъ. Шрапнель была трехдюймоваго калибра; наши артиллеристы продолжали настаивать на томъ, что

у японцевъ имѣются только горныя пушки: калибръ, какъ они говорили, у полевыхъ и у горныхъ орудій одинъ и тотъ-же, а дистанція тамъ, въ самомъ узкомъ мѣстѣ долины Ялу, не выходила изъ предѣловъ досягаемости горныхъ пушекъ. Не смотря на весь авторитетъ командира 6-ой Восточно-Сибирской стрѣлковой бригады, георгіевскаго кавалера, мы уже относились къ его объясненіямъ далеко не съ полнымъ довѣріемъ.

VI.

На Ялу.

Отчетливое донесеніе охотниковъ 12-го полка о переправѣ трехъ полковъ японцевъ черезъ Ялу было принято начальникомъ Тюренченскаго отряда за неоспоримое. Съ высотъ у Тюренчена дѣйствительно можно было разсмотрѣть мостъ отъ японскаго берега на островъ черезъ рукавъ Ялу; по этому мосту шло безпрерывное движеніе. Никакихъ активныхъ мѣръ для препятствія переправѣ японцевъ мы не принимали. Артиллеристы безпрерывно находились у своихъ орудій и въ бинокль осматривали горизонтъ. Начальникъ штаба организовалъ съ ихъ помощью безпрерывное наблюденіе за долиной Ялу; цѣнныхъ результатовъ, однако, это наблюденіе не дало.

Въ теченіе 12-го апрѣля произошло нѣсколько интересныхъ событій. На японскомъ берегу было замѣчено какое-то движеніе — какъ разсказывали наши артиллеристы, появилась батарея. Быть можетъ, японцы рискнули днемъ подвезти свои орудія [illegible] овъ вырытымъ окопамъ; я

лично этого не думаю. Быть можетъ, это была группа начальниковъ или просто группа солдатъ, ѣдущихъ съ лошадьми на водопой. Вслѣдствіе удаленія на 5 верстъ трудно было разобрать въ чемъ дѣло. Всѣ наши 16 орудій, стоявшія у Тюренчена въ трехъ группахъ, немедленно открыли огонь. Цѣль скрылась въ дыму рвавшихся шрапнелей. Затѣмъ артиллеристы перенесли огонь на рядомъ стоявшіе домики—они немедленно загорѣлись.

Какъ только началась стрѣльба, командовавшій артиллерійской бригадой полковникъ М. попытался остановить огонь, но безуспѣшно; это была невозможная задача, такъ какъ телефонной связи между батареями не было [1]); когда же полковникъ М. узналъ, что стрѣляютъ по батареѣ, то онъ одобрилъ веденіе огня. Намъ приходилось экономить снаряды. Кромѣ боевого комплекта въ передкахъ и батарейныхъ зарядныхъ ящикахъ, мы располагали только запасомъ въ 2000 снарядовъ въ Фын-хуан-ченѣ, въ двухъ переходахъ позади; этотъ запасъ составлялъ только по 50 патроновъ на каждое орудіе Восточнаго отряда. Всего, слѣдовательно, артиллерія Восточнаго отряда имѣла снарядовъ только на 2—3 часа боя.

Эта стрѣльба особенно мнѣ памятна потому, что генералъ Т. донесъ о ней, какъ объ отбитомъ переходѣ японцевъ въ наступленіе. Эта нелѣпость прошла черезъ всѣ штабы; потомъ я имѣлъ удовольствіе читать въ газетахъ, какъ японская батарея повела наступленіе на Тюренченъ отъ Ичжу, но была уничтожена нашимъ огнемъ. Точно

---

[1]) Въ Тюренченскомъ отрядѣ вообще не имѣлось ни одной телефонной линіи.

батареи вскачь ведутъ наступленіе, и плывутъ, какъ утки, черезъ глубокія и широкія рѣки.

Слѣдующимъ эпизодомъ было появленіе у насъ полковника Карцева, получившаго приказаніе вступить въ командованіе казачьей бригадой, стоявшей на нашемъ лѣвомъ флангѣ, значительно выше по теченію Ялу. Онъ просилъ проводниковъ. Я отправился въ команду 12-го полка; начальникъ ея меня увѣрялъ, что въ этомъ направленіи уже нельзя проѣхать, что японцы заняли всѣ дороги. Тѣмъ не менѣе онъ далъ двухъ охотниковъ съ порученіемъ провести полковника Карцева кружнымъ путемъ.

Одинъ батальонъ N-го полка былъ высланъ къ деревнѣ Потетынза, чтобъ прикрыть лѣвый флангъ Тюренченскаго отряда отъ обхода японцевъ. Настроеніе было крайне тревожно — уже за недѣлю до боя носились мрачные слухи о появленіи японцевъ у насъ далеко въ тылу.

Въ это время мнѣ пришлось встрѣтиться съ добродушнымъ солдатикомъ, который опровергалъ всѣ басни о переходѣ японцами въ значительныхъ силахъ главнаго русла Ялу. Этотъ солдатъ былъ денщикомъ подпоручика С., начальника конныхъ охотниковъ N-го полка, убитаго на разсвѣтѣ. Онъ отправился на мѣсто боя охотничьей команды, чтобы раздобыть тѣло своего убитаго барина и похоронить его по-христіански. Съ нимъ отправился другой удалецъ, руководимый, можетъ быть, тѣми-же чувствами, а можетъ быть и стремленіемъ попользоваться крупной суммой денегъ, бывшихъ въ бумажникѣ подпоручика С. Эта оригинальная развѣдочная партія изъ двухъ неграмотныхъ солдатъ пр[illegible]ъ самому мѣсту боя. Они ви-

дѣли наши, еще не убранные, трупы, но уже опоздали — 5 японцевъ съ офицеромъ переѣхали на лодкѣ на нашъ берегъ и помѣшали имъ добыть тѣло. Эти пятеро японцевъ пока и изображали символически три японскихъ полка!

Съ этимъ извѣстіемъ добровольные развѣдчики вернулись въ полкъ. Сообщенныя ими свѣдѣнія были чрезвычайно важны. Мы оставили безъ обороны главное русло Ялу, но японцы еще не перешли его; если мы дѣйствительно хотѣли мѣшать переправѣ японцевъ черезъ Ялу, то еще было время занять гористый берегъ противъ захваченнаго японцами острова. Около 5-ти часовъ вечера офицеры полка привели ко мнѣ денщика подпоручика С.; какъ важнаго свидѣтеля, я его представилъ начальнику дивизіи. Изъ этого, однако, ничего не вышло. Начальникъ дивизіи былъ глубоко убѣжденъ, что японцы въ превосходныхъ силахъ обошли нашъ лѣвый флангъ и въ скоромъ времени отрѣжутъ намъ путь отступленія. Его мысль, сама по себѣ вѣрная, по отношенію къ обстановкѣ 12-го апрѣля отличалась сильной предвзятостью. Всѣ заботы начальника дивизіи направлялись къ тому, чтобъ услать въ тылъ всѣ повозки и подготовиться къ отступленію. Показаніе двухъ солдатъ, шедшее совершенно въ разрѣзъ съ его представленіемъ объ обстановкѣ, было имъ отброшено, какъ явно невѣрное.

Къ этому времени начальникъ дивизіи, генералъ Т., уже совершенно разнервничался. Вмѣсто того, чтобъ предпринять какія нибудь активныя дѣйствія, генералъ Т. телеграфировалъ начальнику Восточнаго отряда: „если въ теченіе двухъ часовъ я не получу отъ васъ противопо-

ложнаго приказанія, то вслѣдствіе совершившагося перехода японцевъ черезъ Ялу и обхода моего лѣваго фланга, я отступлю". Прошло два томительныхъ часа. Отвѣта не получилось. Послѣ нѣкотораго колебанія, генералъ Т. остался съ отрядомъ на Тюренченской позиціи. Но слухъ о его намѣреніи отступить широко распространился въ войскахъ и вскорѣ вызвалъ новыя недоразумѣнія.

Стемнѣло—и опять весь отрядъ лежалъ на позиціи въ боевомъ порядкѣ, готовясь встрѣтить атаку непріятеля. Всѣ напряженно вглядывались въ темень; нервное напряженіе достигло высокой степени. Генералъ Т. былъ совсѣмъ боленъ; — онъ обращался то направо, то налѣво и говорилъ: „видите, блеснулъ зеленый огонекъ; потухъ; видите, загорѣлся красный; видите, синій? Мы ровно ничего не видѣли, но вскорѣ его галлюцинаціи заразили еще нѣсколько человѣкъ; имъ тоже стало представляться, что во тьмѣ мелькаютъ какія-то разноцвѣтныя точки.

Впослѣдствіи мнѣ приходилось быть свидѣтелемъ массовыхъ галлюцинацій, тогда цѣлые полки видѣли по ночамъ мигающіе огни. Я глубоко убѣжденъ, что, если не вполнѣ, то по крайней мѣрѣ на $^7/_8$, разсказы о ночной сигнализаціи японцевъ разноцвѣтными огнями—басня, выдумка, основанная на чрезвычайно заразительной галлюцинаціи. Лицамъ, которыя мнѣ возразятъ, что они лично видѣли эти мелькающіе въ темнотѣ по всему горизонту огни разныхъ цвѣтовъ, я отвѣчу: „и я ихъ видѣлъ, но это не мѣняетъ моего мнѣнія".

Генералъ Т. вообще былъ странный человѣкъ. Ночью онъ почти не спалъ, днемъ —ничего не ѣлъ. Онъ поддерживалъ свои силы только крѣпкимъ кофе и краснымъ ви-

номъ. Вечеромъ онъ выпивалъ бутылки 4 вина; за каждымъ стаканомъ вина слѣдовалъ стаканъ кофе. Когда порція приближалась къ концу, генералъ оживлялся, его разговоръ становился остроумнымъ, мысль работала рѣзко, высказываемые имъ тактическіе и стратегическіе взгляды являлись глубоко обоснованными. Мысль его проникала сквозь завѣсу будущности; дальнѣйшія событія подтвердили намъ, что генералъ Т. былъ правъ – онъ ни секунды не заблуждался въ сравнительной оцѣнкѣ силъ нашихъ и нашихъ противниковъ; онъ ясно видѣлъ грозящее намъ пораженіе, будущую атаку японцевъ на Чингоу и Потетынзу. Тогда какъ всѣ мы радовались, что на нашу долю выпала честь первымъ обмѣняться ударами съ японцами, генералъ Т. говорилъ намъ, что центръ тяжести нашей операціи заключается вовсе не въ боѣ, а въ отступленіи. „И если", добавлялъ онъ, „вы имѣете понятіе о боѣ, то не понимаете, что такое отступленіе, къ чему оно ведетъ; а я это знаю". Въ эти минуты намъ казалось, что генералъ каркалъ и созывалъ на наши головы несчастье. Впослѣдствіи, въ тяжелыя минуты отступленій, мнѣ всегда припоминались вѣщія слова Т...

Однако генералъ Т. могъ ясно разсуждать только въ томъ видѣ, въ которомъ находился отъ 12-ти часовъ ночи до 4-хъ утра. Несомнѣнно, уже его организмъ совершенно не годился для полевой работы; его нервная система быстро расшаталась; а тутъ наступилъ еще кризисъ: красное вино все вышло, и негдѣ было купитъ эту единственную поддержку жизненныхъ силъ генерала. Онъ сталъ быстро сдавать и, какъ я упомянулъ выше, началъ превратно доносить.

Ночь на 13-е ознаменовалась новымъ инцидентомъ. Часовъ въ 10 вечера на островахъ загорѣлся стогъ гаоляновой соломы и раздалось нѣсколько выстрѣловъ; это былъ сигналъ, означавшій наступленіе японцевъ. Затѣмъ запылалъ рядъ стоговъ по всему фронту сторожевого охраненія, расположеннаго на островахъ; сторожевое охраненіе — двѣ роты 12-го полка — снялось и отошло на позицію. Генералъ Т. немедленно донесъ о то́мъ, что японцы перешли въ наступленіе по всему фронту, и что завязался бой. Донесенія онъ началъ уже писать собственноручно, такъ какъ всякій разъ, какъ онъ хотѣлъ продиктовать донесеніе одному изъ офицеровъ штаба, ему приходилось выслушивать столько просьбъ и убѣжденій измѣнить редакцію, что генералъ Т. предпочиталъ писать самостоятельно. Начальникъ штаба, узнавъ, что начальникъ дивизіи взялъ изъ штаба полевую книжку и пишетъ неизвѣстныя ему донесенія, уговаривалъ генерала Т. не писать безъ совмѣстнаго обсужденія, увѣрялъ, что это не приведетъ къ добру, но ничто не помогало.

Если не считать электрическаго прожектора, въ значительномъ отдаленіи — съ низовьевъ рѣки — пускавшаго зайчики на нашу позицію, то ночь въ дальнѣйшемъ прошла совершенно спокойно. На островахъ не раздалось ни одного выстрѣла.

Утромъ пришелъ по телеграфу запросъ начальника Восточнаго отряда о результатахъ ночного боя — пришлось сознаться, что по независящимъ причинамъ бой не состоялся — японцевъ не оказалось. Эти фальшивыя донесенія рѣшили судьбу генерала Т. Послѣдовало представле-

ніе командующему арміей объ отчисленіи его отъ командованія.

13-е апрѣля ознаменовалось стрѣльбой по японскому мосту. Съ Телеграфной горы у Тюренчена, гдѣ были расположены два нашихъ орудія, до японскаго моста было верстъ семь. Но подкопавъ хоботъ орудія, удалось выпустить два снаряда, которые шлепнулись въ воду близъ моста. Въ этой невинной стрѣльбѣ изъ одной пушки принимало большое участіе начальство. Инженеръ Восточнаго отряда подполковникъ К., вмѣсто того чтобы настаивать на необходимости поторопиться съ серьезными оборонительными работами, принималъ личное участіе въ изготовленіи ямки для хобота лафета.

Черезъ мостъ во время нашей стрѣльбы проходили, вѣроятно, японскіе кули, подносившіе на острова различные грузы. Среди нихъ произошло изрядное смятеніе; затѣмъ японцы развели мостъ и перевели его на версту вверхъ по рѣкѣ, окончательно внѣ досягаемости нашей артиллеріи. Японцы на этотъ разъ выдержали характеръ и промолчали, хотя и могли легко задавить огонь нашихъ пушекъ съ Телеграфной горы. Имъ не было разсчета пугать насъ и выгонять изъ логова, на которое они теперь вели облаву.

Насколько мало имѣли мы понятія о японцахъ и насколько мы были склонны вѣрить всякимъ сказкамъ, показываетъ слухъ, разнесшійся тогда въ Восточномъ отрядѣ: говорили, будто японцы повѣсили на воротахъ города Ичжу трупъ убитаго начальника конныхъ охотниковъ N-го полка, подпоручика С., чтобы японскіе солдаты могли ознакомиться съ формой русскаго офицера.

Днемъ пришлось видѣть странную картину. Пять стрѣлковъ конвоировали въ тылъ дюжину китайцевъ. Стрѣлки объяснили, что это шпіоны, которыхъ командиръ 12-го полка приказалъ выпроводить за черту расположенія войскъ. Мы сначала удивились такому мягкому рѣшенію полковника Ц.; но затѣмъ оказалось, что это были не шпіоны, а только заподозрѣнные въ шпіонствѣ китайцы: они были властью командира полка приговорены къ содержанію въ теченіе недѣли на хлѣбѣ и водѣ; арестъ усиливался производимымъ утромъ и вечеромъ тѣлеснымъ наказаніемъ. По истеченіи недѣли заподозрѣнныя лица выводились за черту расположенія войскъ съ наказомъ — уходить и впредь не грѣшить, т. е. не попадаться снова на глаза. Можетъ быть, въ ихъ средѣ и были шпіоны; они, вѣроятно, рѣшили, что надо мириться съ непріятностями, которыя имѣются въ каждомъ ремеслѣ; но большинство подвергавшихся экзекуціи китайцевъ было непричемъ и платилось только за свойственное ихъ расѣ излишнее любопытство.

VII.

На развѣдкѣ.

Въ 4 часа дня пришла диспозиція Восточному отряду. Указывалось новое расположеніе, Два баталіона N-го полка направлялись къ Чингоу. Мы располагались для обороны рѣки Эйхо; войскамъ указано было занять позицію противъ открытыхъ на Эйхо бродовъ близъ Тю-

ренчена, Потетынзы и Чингоу. Промежутки между бродами оставались почти безъ всякаго наблюденія. Они были поручены вниманію конно - охотничьихъ командъ. Р. Эйхо—капризная, горная рѣка, и вопросъ о переправахъ через нее чрезвычайно деликатенъ. Уровень воды въ устьѣ рѣки колеблется въ зависимости отъ уровня Ялу. На него имѣетъ вліяніе весенное половодье Ялу, а также морскіе приливы и отливы. Въ самой-же рѣкѣ Эйхо уровень находится въ полной зависимости отъ количества дождей, выпадающихъ въ бассейнѣ рѣки. Я произвелъ рекогносцировку бродовъ на Эйхо 8-го апрѣля, когда уровень былъ высокъ — весенніе дожди вызвали быстрое таяніе снѣга. Затѣмъ послѣдовало нѣсколько сухихъ дней, и черезъ недѣлю, когда мы расположились для обороны Эйхо, рѣка представляла уже совершенно другія условія. Уровень воды понизился на 2 фута, и открылось много бродовъ, которыхъ мы не знали. Въ день же Тюренченскаго боя вода еще сбыла, и японцы получили возможность переходить черезъ рѣку широкимъ фронтомъ. Мы слишкомъ привыкли имѣть дѣло съ неподвижными величинами, учитываемыми разъ навсегда. Такую же оборонительную линію, какъ Эйхо, надо изслѣдовать по 3—4 раза въ день; надо наблюдать за ней въ оба глаза на всемъ ея протяженіи, а не прикрывать только броды. Вѣдь нашъ противникъ не страдалъ водобоязнью. А вмѣсто этого, мы въ самое горячее время, 15-го апрѣля, наканунѣ боевыхъ дѣйствій, смѣнили начальника и штабъ Тюренченскаго отряда, когда они только что начали разбираться въ сложной обстановкѣ незнакомаго края.

Всему лѣвому боевому участку — войскамъ, разбросаннымъ отъ Тюренчена до Чингоу, — указывался новый путь отступленія. Войска должны были, въ случаѣ необходимости, отходить не по большой этапной дорогѣ отъ Тензы, а по другому, параллельному пути, который выходилъ на этапную дорогу на полъ-пути къ Фынхуан-чену.

Весь этотъ день (**13** апрѣля) мы стояли очень близко отъ противника, но непосредственное съ нимъ соприкосновеніе было потеряно,—сторожевое охраненіе послѣ ночного недоразумѣнія не заняло вновь острововъ. Генералъ Т. каждую минуту былъ готовъ отдать приказъ объ отступленіи, и потому первой заботой его была рекогносцировка новаго пути. Эта рекогносцировка была поручена мнѣ; она состояла въ томъ, что я наспѣхъ долженъ былъ съ нѣсколькими охотниками проѣхать на одинъ переходъ въ тылъ, чтобы въ случаѣ нужды были проводники, которые могли-бы направлять движеніе частей войскъ. На карту генералъ Т. плохо разсчитывалъ; дѣйствительно, ею въ горахъ большинство офицеровъ еще не научилось пользоваться. Къ сожалѣнію, подготовленные мною проводники, вслѣдствіе смѣны штабовъ, оказались въ день боя далеко отъ лѣвофлангового участка, при резервѣ; наши части, отступая отъ Тюренчена, Потетынзы и Чингоу, все время путались и сбивались съ дороги; на указанный путь отступленія никто не вышелъ. Если-бы при войскахъ были люди, знавшіе мѣстность, быть можетъ, удалось-бы спасти нѣсколько орудій и пулеметовъ.

Мнѣ предстояло проѣхать 60 верстъ — 30 верстъ туда и 30 обратно; времени въ моемъ распоряженіи было 7 часовъ. Я выбралъ себѣ крѣпкаго коня изъ обоза отъ двуколки и на немъ совершилъ эту поѣздку. Вернулся я въ половинѣ перваго ночи; 60 верстъ было пройдено въ 7½ часовъ ночного времени по незнакомымъ дорогамъ. Этотъ рекордъ въ дальнѣйшей моей службѣ въ Манчжуріи мнѣ не пришлось побить. Изъ 7½ часовъ надо отбросить 1 часъ на отдыхъ, на которомъ мы немного покормили лошадей и перекусили сами. Во время этой поѣздки я неожиданно встрѣтилъ команду N-го полка. Оказалось, что N-ый полкъ уже терпѣлъ нужду не только въ хлѣбѣ, но и въ мясѣ. Чтобы добыть скотъ, командиръ полка организовалъ реквизиціи. Высылалась команда стрѣлковъ, изъ которыхъ часть была безоружной; эта команда загоняла въ полкъ скотъ съ извѣстнаго пространства, не входя ни въ какія объясненія съ владѣльцами. Часть хозяевъ являлась затѣмъ въ полкъ, заявляла свои претензіи и получала за скотъ плату по довольно высокой оцѣнкѣ. Но само производство реквизиціи сильно пугало китайцевъ. Толпа солдатъ неожиданно врывалась въ поселки китайцевъ; подымалась паника. Иные стрѣлки, быть можетъ, и обижали китайцевъ. Теперь я понялъ, что значило, что на каждой выдѣляющейся вершинѣ я видѣлъ точно посты китайцевъ. Это были не японскіе шпіоны, а деревенскіе стражники, которые предупреждали населеніе о реквизиціяхъ. Какъ только появлялась команда нашихъ стрѣлковъ, сейчасъ-же по горнымъ вершинамъ начиналась сигнализація, и женщины и скотъ спасались

изъ деревень. О томъ, что команда идетъ на реквизицію, китайцы догадывались потому, что часть стрѣлковъ шла безъ оружія, чтобъ удобнѣе загонять скотъ. Слѣдуя съ разъѣздомъ, я два раза встрѣчалъ несшіяся по горнымъ долинамъ хорошимъ галопомъ стада; затѣмъ стада разбѣгались и прятались въ глухихъ лощинахъ.

Работа по реквизиціи скота была трудна; почти всюду наши стрѣлки запаздывали. Тѣмъ не менѣе, за два дня облавы поручикъ К. со своимъ отрядомъ успѣлъ наловить до 100 штукъ рогатаго скота и теперь возвращался въ полкъ. Пока онъ съ командой отдыхалъ, скотъ былъ загнанъ въ обширный дворъ; ворота были заняты карауломъ. Китайцы мнѣ сказали, что здѣсь отсиживается русскій офицеръ. Я поѣхалъ къ поручику К. и убѣдился, что онъ дѣйствительно выдерживаетъ осаду. Масса хозяевъ и хозяекъ воловъ слезно просили отдать имъ ихъ скотину—они боялись, что это, можетъ быть, послѣднее ихъ имущество пропадетъ даромъ. Поручику К. оставалось только жестами отсылать ихъ въ полкъ; переводчика у него не было. Завѣдующій хозяйствомъ не далъ ему никакого аванса; онъ заявилъ, что всѣ разсчеты будутъ дѣлаться имъ лично въ полку. Не знаю, было-ли это злоупотребленіе или способъ избѣжать злоупотребленій, но это было не остроумно, такъ какъ возстанавливало противъ насъ мирныхъ китайцевъ. Половина хозяевъ не являлась за полученіемъ денегъ за отнятый скотъ; китайцы или не понимали, или не знали дороги, или не имѣли времени, или, наконецъ, боялись.

Въ первомъ часу ночи вернулся я въ штабъ дивизіи. За мое отсутствіе не случилось ничего новаго.

Я былъ очень гордъ своей самостоятельной рекогносцировкой; однако, впослѣдствіи выяснилось, что капитану генеральнаго штаба Я. (штаба Восточнаго отряда) было поручено прорекогносцировать ту же дорогу. Черезъ два дня я получилъ его весьма обстоятельную рекогносцировку съ легендой и нѣсколькими кроки переваловъ и удобныхъ для обороны позицій [1]). Раздѣленіе одной и той же работы между нѣсколькими офицерами можетъ быть и было разумно; однако, впослѣдствіи постоянное ощущеніе, что порученная работа не является самостоятельной, что то же дѣло исполняютъ и другіе, вредно вліяло на качество работы, дѣлало ее менѣе тщательной.

Утро 14-го апрѣля застало отрядъ у Тюренчена попрежнему въ неопредѣленномъ положеніи; соприкосновеніе съ противникомъ было утрачено. Говорили, что японцы распространяются по лѣвому берегу Эйхо. Никакой попытки противодѣйствовать японцамъ и ихъ предполагаемому обходному движенію не дѣлалось; мы безпокоились на мѣстѣ. Связь съ отрядомъ полковника Лечицкаго была утрачена.

Неожиданно, часовъ въ 9 утра, къ намъ прибыла конно-охотничья команда, высланная полковникомъ Ле-

---

[1]) Эта рекогносцировка при смѣнѣ штаба Тюренченскаго отряда была увезена въ резервъ и тамъ подшита къ дѣлу.

чицкимъ отъ Амбихэ. Тамъ еще все было спокойно. Охотничья команда спокойно прошла по горной тропинкѣ, шедшей въ двухъ-трехъ верстахъ отъ берега Ялу. Обстоятельства этого движенія представляли высокій интересъ, такъ какъ охотники прошли по полосѣ, которая, согласно распространеннымъ слухамъ объ обходѣ нашего лѣваго фланга, должна была быть прочно занята японцами. Начальникомъ конныхъ охотниковъ былъ поручикъ Н-скій, неудачный офицеръ; вскорѣ его смѣнили и отправили командовать взводомъ дивизіоннаго обоза. Начальникъ конныхъ охотниковъ совершенно завялъ, когда ему сказали, что онъ прошелъ среди японскаго расположенія. Онъ никого не пытался убѣдить, что эти слухи — вздоръ.

Начальникъ штаба приказалъ ему произвести рекогносцировку только что пройденнаго пространства высотъ лѣваго берега Эйхо. Но эта рекогносцировка такъ и не состоялась. Сначала Н-скій попросилъ разрѣшенія выкормить лошадей, затѣмъ заявилъ, что, когда стемнѣетъ, двинется на ночную развѣдку. Утромъ онъ разсказалъ, что отказался отъ ночной развѣдки, такъ какъ ночью все равно ничего не увидишь—лучше ѣхать днемъ. Потомъ онъ куда-то пропалъ, а команда осталась мирно бивакировать. Дѣло грозило принять для поручика Н-скаго нехорошій оборотъ, но ходъ событій заставилъ временно забыть о немъ.

Съ самаго начала было уже ясно, что на его развѣдку нельзя возлагать особыхъ надеждъ. Начальникъ штаба приказалъ отправиться на развѣдку и мнѣ съ дву-

Мнѣ предстояло проѣхать 60 верстъ — 30 верстъ туда и 30 обратно; времени въ моемъ распоряженіи было 7 часовъ. Я выбралъ себѣ крѣпкаго коня изъ обоза отъ двуколки и на немъ совершилъ эту поѣздку. Вернулся я въ половинѣ перваго ночи; 60 верстъ было пройдено въ $7^1/_2$ часовъ ночного времени по незнакомымъ дорогамъ. Этотъ рекордъ въ дальнѣйшей моей службѣ въ Манчжуріи мнѣ не пришлось побить. Изъ $7^1/_2$ часовъ надо отбросить 1 часъ на отдыхъ, на которомъ мы немного покормили лошадей и перекусили сами. Во время этой поѣздки я неожиданно встрѣтилъ команду N-го полка. Оказалось, что N-ый полкъ уже терпѣлъ нужду не только въ хлѣбѣ, но и въ мясѣ. Чтобы добыть скотъ, командиръ полка организовалъ реквизиціи. Высылалась команда стрѣлковъ, изъ которыхъ часть была безоружной; эта команда загоняла въ полкъ скотъ съ извѣстнаго пространства, не входя ни въ какія объясненія съ владѣльцами. Часть хозяевъ являлась затѣмъ въ полкъ, заявляла свои претензіи и получала за скотъ плату по довольно высокой оцѣнкѣ. Но само производство реквизиціи сильно пугало китайцевъ. Толпа солдатъ неожиданно врывалась въ поселки китайцевъ; подымалась паника. Иные стрѣлки, быть можетъ, и обижали китайцевъ. Теперь я понялъ, что значило, что на каждой выдѣляющейся вершинѣ я видѣлъ точно посты китайцевъ. Это были не японскіе шпіоны, а деревенскіе стражники, которые предупреждали населеніе о реквизиціяхъ. Какъ только появлялась команда нашихъ стрѣлковъ, сейчасъ-же по горнымъ вершинамъ начиналась сигнализація, и женщины и скотъ спасались

изъ деревень. О томъ, что команда идетъ на реквизицію, китайцы догадывались потому, что часть стрѣлковъ шла безъ оружія, чтобъ удобнѣе загонять скотъ. Слѣдуя съ разъѣздомъ, я два раза встрѣчалъ несшіяся по горнымъ долинамъ хорошимъ галопомъ стада; затѣмъ стада разбѣгались и прятались въ глухихъ лощинахъ.

Работа по реквизиціи скота была трудна; почти всюду наши стрѣлки запаздывали. Тѣмъ не менѣе, за два дня облавы поручикъ К. со своимъ отрядомъ успѣлъ наловить до 100 штукъ рогатаго скота и теперь возвращался въ полкъ. Пока онъ съ командой отдыхалъ, скотъ былъ загнанъ въ обширный дворъ; ворота были заняты карауломъ. Китайцы мнѣ сказали, что здѣсь отсиживается русскій офицеръ. Я поѣхалъ къ поручику К. и убѣдился, что онъ дѣйствительно выдерживаетъ осаду. Масса хозяевъ и хозяекъ воловъ слезно просили отдать имъ ихъ скотину—они боялись, что это, можетъ быть, послѣднее ихъ имущество пропадетъ даромъ. Поручику К. оставалось только жестами отсылать ихъ въ полкъ; переводчика у него не было. Завѣдующій хозяйствомъ не далъ ему никакого аванса; онъ заявилъ, что всѣ разсчеты будутъ дѣлаться имъ лично въ полку. Не знаю, было-ли это злоупотребленіе или способъ избѣжать злоупотребленій, но это было не остроумно, такъ какъ возстанавливало противъ насъ мирныхъ китайцевъ. Половина хозяевъ не являлась за полученіемъ денегъ за отнятый скотъ; китайцы или не понимали, или не знали дороги, или не имѣли времени, или, наконецъ, боялись.

Въ первомъ часу ночи вернулся я въ штабъ дивизіи. За мое отсутствіе не случилось ничего новаго.

Я былъ очень гордъ своей самостоятельной рекогносцировкой; однако, впослѣдствіи выяснилось, что капитану генеральнаго штаба Я. (штаба Восточнаго отряда) было поручено прорекогносцировать ту же дорогу. Черезъ два дня я получилъ его весьма обстоятельную рекогносцировку съ легендой и нѣсколькими кроки переваловъ и удобныхъ для обороны позицій [1]). Раздѣленіе одной и той же работы между нѣсколькими офицерами можетъ быть и было разумно; однако, впослѣдствіи постоянное ощущеніе, что порученная работа не является самостоятельной, что то же дѣло исполняютъ и другіе, вредно вліяло на качество работы, дѣлало ее менѣе тщательной.

Утро 14-го апрѣля застало отрядъ у Тюренчена попрежнему въ неопредѣленномъ положеніи; соприкосновеніе съ противникомъ было утрачено. Говорили, что японцы распространяются по лѣвому берегу Эйхо. Никакой попытки противодѣйствовать японцамъ и ихъ предполагаемому обходному движенію не дѣлалось; мы безпокоились на мѣстѣ. Связь съ отрядомъ полковника Лечицкаго была утрачена.

Неожиданно, часовъ въ 9 утра, къ намъ прибыла конно-охотничья команда, высланная полковникомъ Ле-

---

[1]) Эта рекогносцировка при смѣнѣ штаба Тюренченскаго отряда была увезена въ резервъ и тамъ подшита къ дѣлу.

чицкимъ отъ Амбихэ. Тамъ еще все было спокойно. Охотничья команда спокойно прошла по горной тропинкѣ, шедшей въ двухъ-трехъ верстахъ отъ берега Ялу. Обстоятельства этого движенія представляли высокій интересъ, такъ какъ охотники прошли по полосѣ, которая, согласно распространеннымъ слухамъ объ обходѣ нашего лѣваго фланга, должна была быть прочно занята японцами. Начальникомъ конныхъ охотниковъ былъ поручикъ Н-скій, неудачный офицеръ; вскорѣ его смѣнили и отправили командовать взводомъ дивизіоннаго обоза. Начальникъ конныхъ охотниковъ совершенно завялъ, когда ему сказали, что онъ прошелъ среди японскаго расположенія. Онъ никого не пытался убѣдить, что эти слухи — вздоръ.

Начальникъ штаба приказалъ ему произвести рекогносцировку только что пройденнаго пространства высотъ лѣваго берега Эйхо. Но эта рекогносцировка такъ и не состоялась. Сначала Н-скій попросилъ разрѣшенія выкормить лошадей, затѣмъ заявилъ, что, когда стемнѣетъ, двинется на ночную развѣдку. Утромъ онъ разсказалъ, что отказался отъ ночной развѣдки, такъ какъ ночью все равно ничего не увидишь—лучше ѣхать днемъ. Потомъ онъ куда-то пропалъ, а команда осталась мирно бивакировать. Дѣло грозило принять для поручика Н-скаго нехорошій оборотъ, но ходъ событій заставилъ временно забыть о немъ.

Съ самаго начала было уже ясно, что на его развѣдку нельзя возлагать особыхъ надеждъ. Начальникъ штаба приказалъ отправиться на развѣдку и мнѣ съ дву-

мя штабными охотниками. Я съ удовольствіемъ принялъ это порученіе, такъ какъ уже три дня тщетно доказывалъ, что обходъ нашего лѣваго фланга пока что является миѳомъ.

Уже вечерѣло, когда я выѣхалъ. Я разсчитывалъ, что конные охотники N-скаго уже ушли впередъ, что я нагоню и присоединюсь къ нимъ. Но, когда я проѣзжалъ линію нашего сторожевого охраненія на Эйхо, то узналъ, что черезъ эту рѣку еще никто не переходилъ. Назадъ возвращаться не приходилось; я и два сопровождавшихъ меня охотника тронулись дальше. Насъ охватило то непріятное, жуткое чувство, которое извѣстно всѣмъ, направлявшимся на развѣдку отъ нашей линіи сторожевого охраненія къ непріятельской.

Многое на лѣвомъ берегу Эйхо казалось подозрительнымъ. Кое гдѣ выглядывали китайцы — въ спускавшихся сумеркахъ ихъ легко было принять за японскихъ часовыхъ. Мѣстами острый взоръ охотниковъ угадывалъ даже какъ-будто бы окопы. Это была игра воображенія, но мы довольно нервно принимали къ сѣверу отъ этихъ воображаемыхъ препятствій; наконецъ, мы выбрались на лѣвый берегъ Эйхо и укрылись въ небольшой лощинкѣ. Я слѣзъ съ лошади и съ однимъ охотникомъ поползъ на вершину. Нигдѣ не было видно японцевъ, но на многихъ сопкахъ почему то стояли отдѣльные китайцы. Японскіе развѣдчики несомнѣнно побывали уже въ этой мѣстности; часть ихъ очевидно и теперь наблюдала за нашими войсками на другомъ берегу Эйхо и видѣла переходъ черезъ рѣку моей маленькой

партіи. Дальнѣйшее движеніе впередъ, пока свѣтло, должно было привести разъѣздъ къ гибели. Особенно подозрительнымъ казался мнѣ китаецъ, ходившій на перевалѣ въ двухстахъ шагахъ отъ меня взадъ и впередъ. Онъ насъ еще не видѣлъ; манеры у него были совершенно такія же, какъ у часового мирнаго времени. Я рѣшилъ дождаться темноты.

Черезъ 20 минутъ ожиданія, вечерняя заря начала гаснуть; насъ окутали густыя сумерки. Когда охотники садились на лошадей, они себя чувствовали совершенно безоружными — у нихъ не было шашекъ; а что стоила винтовка за плечами, когда ничего не было видно въ двадцати шагахъ. Охотники просили у меня разрѣшенія примкнуть штыки къ заброшеннымъ за плечи винтовкамъ, чтобы имѣть хоть какое-нибудь оружіе на случай встрѣчи съ японцами. Мнѣ вспомнился разговоръ о томъ, что коннымъ охотникамъ потому не дали шашекъ, что боялись, что они будутъ увлекаться атаками въ конномъ строю. Я думаю, что всѣ, кому приходилось быть въ разъѣздѣ съ безоружными въ конномъ строю охотниками, также, какъ и я, поминали лихомъ авторовъ этого неостроумнаго распоряженія. При лунномъ освѣщеніи штыки блестѣли и выдавали нашихъ охотниковъ; насколько японцы не любили рубиться съ казаками, настолько они смѣло бросались въ шашки на разъѣзды конныхъ охотниковъ.

Я поставилъ цѣлью своего движенія высоту противъ острова, гдѣ былъ бой команды конныхъ охотниковъ N-го полка.

Помню, по дорогѣ мы услыхали топотъ и шумъ. Въ глухую ночь получалось впечатлѣніе, что скачетъ цѣлый эскадронъ. Мы свернули съ дороги и спрятались за деревьями. Мимо насъ большой рысью проѣхала китайская арба, запряженная восьмеркой лошадей: на арбѣ сидѣло 5 человѣкъ. Хотя эти люди и казались въ высшей степени подозрительными, но мы ихъ не остановили: у меня было слишкомъ мало силъ, чтобы заняться разслѣдованіемъ; кромѣ того я имѣлъ свою спеціальную задачу.

На крутомъ горномъ гребнѣ неожиданно злобно залаяла на насъ собака. Инстинктивно мы бросились въ сторону и въ темнотѣ пустились галопомъ по головокружительному скату; такіе фокусы можно позволить себѣ только разъ въ жизни.

Наконецъ, мы выбрались на тропинку, шедшую по гребню горъ въ двухъ верстахъ отъ берега Ялу. Если бы хотя одинъ японскій батальонъ переправился черезъ Ялу, то несомнѣнно на этой тропинкѣ были бы японскіе посты.

Охотники понимали это такъ же хорошо, какъ и я. Въ неясномъ ночномъ освѣщеніи камни на каждой вершинѣ, черезъ которую шла тропинка, представлялись въ видѣ группы людей. Мы спѣшились и подвигались съ лошадьми въ поводу. Чтобы не погибнуть сразу всѣмъ троимъ, мы установили очередь движенія: двое шли съ лошадьми, а очередной пробирался впередъ и тихимъ свистомъ давалъ знать, что на вершинѣ никого нѣтъ. Опасность угрожала всѣмъ, но идти впереди было много страшнѣе. На мою долю выпало взобраться первымъ на

двѣ вершины. Приходилось переживать непріятныя минуты. Очередной охотникъ однажды прямо отказался идти дальше, такъ какъ японскій постъ представлялся ему совершенно отчетливо. Когда я вползъ на вершину и вмѣсто японцевъ оказались камни, онъ былъ очень сконфуженъ и вызвался далѣе идти безсмѣнно впереди.

Наконецъ, мы поравнялись съ нужнымъ намъ островомъ, повернули къ Ялу и здѣсь, близъ самой рѣки, увидѣли настоящую японскую заставу. Трудно было предполагать, что это китайцы. Мы видѣли огонекъ, четырехъ — пятерыхъ человѣкъ. Тамъ услыхали шумъ нашего приближенія — огонекъ погасъ, люди бросились на землю. Странное дѣло: когда охотники увидали настоящаго врага, они пріободрились и стали держать себя вполнѣ увѣренно; опасеніе быть захваченнымъ съ любой стороны, пугливый розыскъ врага въ темнотѣ — все это сильно понижаетъ бодрость духа на ночной развѣдкѣ. Когда охотники увидѣли японцевъ, — ночные страхи у нихъ мгновенно исчезли, проснулся охотничій инстинктъ, и они стали просить у меня разрѣшенія подползти поближе, чтобы снять или хоть подстрѣлить когонибудь съ заставы. Я разумѣется отказалъ, такъ какъ цѣль развѣдки была уже достигнута, и не было никакого разсчета „обмѣнять на рану рану". Мы видѣли, что на островахъ не было никакихъ огней; нельзя было предполагать, что тамъ бивакируютъ значительныя японскія силы. На корейскомъ берегу Ялу огни такъ и блестѣли; получалось феерическое зрѣлище. Видно было, что здѣсь сосредоточена цѣлая армія. Отъ Тюренченскихъ

высотъ японскіе биваки были укрыты высотой Ичжу; съ моей же точки наблюденія бивачные огни были видны совершенно отчетливо. Было холодно, японцы развели много костровъ. Получалось впечатлѣніе, что пылаетъ цѣлый рядъ пожаровъ. Особенно яркіе огни образовывали 6 черточекъ одинаковой длины, съ небольшими интервалами между ними. Средній интервалъ былъ побольше и разбивалъ эти огневыя черточки на двѣ группы. Я не могъ себѣ составить точнаго заключенія о размѣрѣ японскаго бивака; ночью очень трудно оцѣнить размѣры яркихъ огней съ дистанціи въ 6—7 верстъ. Можно сильно ошибиться. Вѣроятно, каждая черточка обозначала бивакъ батальона.

Наблюденіе японскихъ биваковъ являлось второстепеннымъ результатомъ развѣдки; главнымъ результатомъ — свѣдѣніе, что, за исключеніемъ отдѣльныхъ постовъ, ни одна значительная японская часть еще не перешла на нашъ берегъ. Еще было время принять энергичное рѣшеніе и воспрепятствовать переходу японцевъ черезъ Ялу.

Съ развѣдки мы возвращались большимъ аллюромъ. По тяжелымъ горнымъ тропинкамъ, въ темную ночь наши лошади бодро неслись большой рысью, временами переходя въ галопъ. Точно и лошади, и всадники выпили хорошую дозу пѣнящагося, искристаго шампанскаго. Вѣроятность встрѣчи съ японскимъ разъѣздомъ мы ставили ни во что. Было уже за полночь, когда мы подъѣхали къ Эйхо; часовой нашего сторожевого охраненія окликнулъ насъ и прицѣлился. Мы, конечно, не знали пропуска, но отвѣтили часовому такъ весело и добро-

душно на истинно-русскомъ жаргонѣ, что всѣ его сомнѣнія должны были разсѣяться.

Немедленно по возвращеніи въ штабъ дивизіи я написалъ донесеніе и лично доложилъ начальнику штаба результаты развѣдки. Начальникъ штаба, подполковникъ Од., за мое отсутствіе сильно осунулся. Его безпокоило и подавляло то состояніе, въ которомъ находился генералъ Т. Мнѣ хотѣлось смѣяться, кричать, громко говорить, но Од. показалъ мнѣ на постель Т. и шепотомъ произнесъ: „Тсс, кажется, въ эту ночь генералъ немного поспитъ, тише".

Я бросился на канъ и быстро заснулъ. Утромъ, 15-го апрѣля, я всталъ поздно. Послѣ обѣда меня снова отправили на развѣдку, чтобы днемъ провѣрить мои ночныя впечатлѣнія. На этотъ разъ я ѣхалъ съ большой неохотой. Испытавъ неудобство движенія въ разъѣздѣ изъ двухъ охотниковъ, я запасся предписаніемъ къ начальнику охотничьей команды 12-го В. С. стр. полка, въ которомъ указывалось дать въ мое распоряженіе 10 охотниковъ сверхъ моихъ двухъ вчерашнихъ спутниковъ. Поручика Я. я нашелъ въ китайскомъ дворѣ близъ Потетынзы; онъ усиленно меня отговаривалъ отъ поѣздки. „Я знаю, что вы вчера ѣздили ночью и тамъ японцевъ почти не было. И я побывалъ утромъ на лѣвомъ берегу Эйхо. Но китайскій переводчикъ принесъ мнѣ только что свѣдѣнія, что теперь въ лодкахъ много японцевъ переѣхало черезъ Ялу. Совѣтую не ѣхать". Я его очень поблагодарилъ и за совѣты, и за данныя свѣдѣнія, но отъ развѣдки отказаться не могъ. Я не былъ самостоятельнымъ начальникомъ охотниковъ; я не могъ вести раз-

вѣдку, когда и какъ мнѣ было угодно; я не могъ довольствоваться свѣдѣніями отъ китайцевъ: мнѣ была дана опредѣленная задача, и если существовала преграда, мѣшавшая ее исполнить, то мнѣ надлежало стукнуться о нее лбомъ.

Пожавъ руки офицерамъ своего батальона, расположеннаго у Потетынзы, я переѣхалъ первый рукавъ Эйхо. Съ высотъ у Потетынзы за моимъ разъѣздомъ наблюдало нѣсколько сотъ стрѣлковъ и артиллеристовъ. Въ этихъ условіяхъ мнѣ чрезвычайно не хотѣлось попасть въ смѣшное положеніе. Между тѣмъ обстановка была такова, что вызывала недоразумѣніе. Близъ устья Эйхо, у Хуссана видно было нѣсколько японцевъ; а мнѣ нужно было выбраться на лѣвый берегъ Эйхо. Я началъ принимать влѣво, въ сторону Лизавена, но тамъ на горкѣ тоже виднѣлось кое-что подозрительное. Я хотѣлъ скомандовать галопомъ и двинуться напроломъ. Вдругъ отъ того берега отдѣлилось четверо людей съ винтовками и направились ко мнѣ навстрѣчу. Я спѣшилъ разъѣздъ, и съ четырьмя охотниками отправился впередъ. Къ счастью, я воздержался отъ желанія обстрѣлять приближавшихся ко мнѣ людей; они оказались нашими дозорами, высланными отъ батальона N полка. Когда я повстрѣчался съ дозорными, я успѣлъ уже отойти отъ коноводовъ почти на 800 шаговъ; до высотъ лѣваго берега оставалось только 600 шаговъ. Дозорные мнѣ объяснили, что ротный командиръ послалъ ихъ на развѣдку, что на томъ берегу наступаютъ японскія цѣпи, что одного изъ дозорныхъ уже легко ранили въ руку. И дѣйствительно, прость   зомъ я замѣтилъ на дальнихъ скло-

нахъ горъ быстро скатывающіяся съ нихъ одна за другой разомкнутыя шеренги въ черныхъ мундирахъ. Я схватилъ бинокль и сталъ разсматривать горы. Въ это мгновеніе раздался рѣзкій залпъ — высоты берега въ 600 шагахъ отъ насъ были уже заняты японской цѣпью. Прежде, чѣмъ я успѣлъ сообразить, что дѣлать, бывшіе со мной охотники и дозорные бросились назадъ; это было единственное рѣшеніе, которое отвѣчало обстановкѣ. Пули съ воемъ неслись черезъ наши головы. Японцы, очевидно, считали насъ уже своими жертвами; огонь ихъ направлялся черезъ наши головы по коноводамъ, удаленнымъ отъ японцевъ примѣрно на версту. Островъ между рукавами и Эйхо не давалъ никакого укрытія; люди и лошади стояли совершенно открыто. Я видѣлъ, какъ ураганъ пуль стегнулъ по коноводамъ. Лошади поднялись на дыбы, вырвались и карьеромъ отступили къ Потетынзѣ. Три лошади были ранены, изъ нихъ на мѣстѣ осталась только одна съ перебитой ногой.

Всѣ эти наблюденія я сдѣлалъ въ одно мгновеніе. Въ слѣдующую секунду я уже бѣжалъ вслѣдъ за своими стрѣлками. Первый разъ приходилось быть подъ сильнымъ огнемъ; самыя разнообразныя мысли лѣзли въ голову. За недѣлю до этого времени на островахъ во время рекогносцировки я попалъ подъ дальній огонь—около 3000 шаговъ — японской заставы у Ичжу; японцы стрѣляли по смѣнявшемуся на островахъ сторожевому охраненію пластуновъ [1]). Хотя тогда и я, и пластуны употребили классическій на войнѣ способъ отступленія

---

[1]) Пѣшихъ охотниковъ.

бѣгомъ, но впечатлѣніе отъ огня получилось сравнительно ничтожное; теперь было не то.

Около двухъ ротъ японцевъ, за отсутствіемъ другой цѣли; перенесли огонь на насъ. Прицѣлъ у нихъ остался прежній — на 1500 шаговъ, и пули летѣли черезъ головы. Помню, я подумалъ, что хуже всего тѣмъ, кто бѣжитъ впереди.

На бродъ намъ нельзя было бѣжать, такъ какъ для этого надо было уклоняться въ полъ-оборота влѣво; японскія пули заставляли насъ держать направленіе прямо отъ врага. Я нѣсколько разъ повторялъ команду разбѣжаться пошире въ цѣпь, и не скучиваться. Я помнилъ, что намъ придется пересѣчь два рукава Эйхо, въ бродъ непроходимые; я это хорошо зналъ, такъ какъ недѣлю тому назадъ рекогносцировалъ самъ эту мѣстность.

Когда мы выбѣжали на одну линію съ мѣстомъ, гдѣ были ранѣе расположены коноводы, японскія пули начали падать между нами. А тутъ еще приходилось задержаться — по топкому песку едва можно было двигаться. Нога уходила по колѣно, мы падали одинъ за другимъ; самое топкое мѣсто у берега пришлось проползти. Первый рукавъ Эйхо кое-какъ прошли; невозможное на рекогносцировкѣ оказалось возможнымъ подъ огнемъ; на бродѣ пули такъ и плескались. Когда выбирались изъ воды, со стономъ повалился одинъ стрѣлокъ, за нимъ другой, третій. Я пытался остановить одного изъ дозорныхъ, унтеръ-офицера, чтобъ помочь раненымъ; но послѣ отступленія перебѣжкой въ 1000 шаговъ подъ огнемъ это было не легко. Дозорный пробормоталъ: „я, ваше благородіе, за носилками", и бухнулся въ послѣдній рукавъ

Эйхо, въ бродъ непроходимый. Навстрѣчу мнѣ была выслана отъ Потетынзы лодка, но трое или четверо бѣжавшихъ впереди забрались въ нее изъ воды на полъ-пути отъ нашего берега, и лодка съ ними повернула назадъ.

Я остановился и оглядѣлся кругомъ. Пули сыпались немного рѣже. Часть японскихъ стрѣлковъ стрѣляла съ предѣльнымъ прицѣломъ по толпѣ зрителей у Потетынзы.

Въ рукахъ у меня оказалась винтовка отъ одного изъ раненыхъ. Я замѣтилъ, что выдѣляюсь—нижніе чины были въ фуражкахъ, а я въ папахѣ. Снялъ папаху и началъ поправлять волоса, какъ бы причесывая ихъ рукой. Хотѣлось очень лечь, но я все же остался стоять. Кругомъ меня на пескѣ лежало 7 человѣкъ. Изъ нихъ одинъ набрасывалъ передъ собой кучку песку—окапывался; всѣ другіе казались убитыми. Со мною остался очень дѣльный стрѣлокъ, старшій изъ охотниковъ 12-го В. С. стр. полка; онъ обѣжалъ всѣхъ лежавшихъ и доложилъ мнѣ, что раненыхъ только трое, остальные здоровы. Начали помогать раненымъ; снимали съ нихъ снаряженіе. Одинъ стрѣлокъ былъ раненъ въ животъ; онъ страшно страдалъ, у него была рвота.

Въ это время два нашихъ скорострѣльныхъ орудія открыли огонь по японцамъ. Дистанція была менѣе 1000 саженъ; шрапнели удачно ложились по занятому японской цѣпью гребню. Японская пѣхота нѣсколько минутъ безуспѣшно пыталась заставить замолчать наши орудія; затѣмъ скрылась. Никогда съ большимъ удовольствіемъ не слушалъ я громъ пушечныхъ выстрѣловъ, какъ въ этотъ разъ.

Наконецъ, подъѣхала лодка; мы снесли въ нее раненыхъ; мой бравый старшій охотникъ отправился назадъ, забралъ раненую лошадь и погналъ ее на бродъ. Лошадь прискакала на трехъ ногахъ: не пропадать же аммуниціи. Одну изъ раненыхъ лошадей моего разъѣзда я нашелъ въ деревнѣ Потетынза. Лошадь вскочила въ какой-то сарай и спокойно ѣла ячмень. Потникъ сѣдла около заднихъ угловъ былъ насвозь прострѣленъ съ обѣихъ сторонъ.

Офицеры N-го полка, наблюдавшіе за мною отъ Потетынзы, поздравляли меня съ счастливымъ минованіемъ непріятнаго номера, но мнѣ было не весело: было и совѣстно, и больно, и раненые давили мое сознаніе; я задавалъ себѣ вопросъ, не я ли виною въ ихъ мученіяхъ.

Очень жалѣлъ, что не могъ наградить браваго охотника 12-го полка; я написалъ объ его отличіи начальнику охотничьей команды, но подвиги, совершенные подъ командой чужихъ, случайныхъ начальниковъ, у насъ мало цѣнятся. И не потому-ли люди подъ случайной командой такъ плохо работаютъ, что на нихъ сваливаютъ всѣ неудачи, а результатъ ихъ работы присваиваютъ себѣ другіе самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Въ штабѣ дивизіи меня тоже встрѣтили, какъ побѣдителя. Обѣщали изукрасить отличіемъ. Мою ночную толковую развѣдку, обошедшуюся безъ выстрѣловъ, почти не похвалили; а теперь пролитіе крови, неудачу, къ которой долженъ быть готовъ каждый разъѣздъ, считали чуть-ли не выдающимся подвигомъ. Извѣстіе, добытое развѣдкой, что отъ 2 до 4-хъ японскихъ ротъ появилось на лѣвомъ берегу Эйхо, многаго не стоило; оно меня не

удовлетворяло: японцы обнаружили бы себя и безъ особой развѣдки.

VIII.

Позорное изгнаніе.

15-го апрѣля, вечеромъ, послѣ моего возвращенія съ развѣдки, мы благодушествовали въ штабѣ дивизіи за чаемъ. Дверь нашей фанзы неожиданно растворяется — входитъ генералъ К—скій; за нимъ слѣдуетъ его начальникъ штаба, подполковникъ Л—а. Генералъ К—скій обращается къ Т.:

— Я давно уже собирался навѣстить ваше превосходительство.

— Милости просимъ.

— А тутъ, кстати, я получилъ предписаніе; я назначенъ командующимъ Тюренченскимъ боевымъ участкомъ. Не угодно-ли взглянуть?

Въ бумагѣ указывалось, что генералъ Т. назначался командовать общимъ резервомъ въ Тензахъ, а подъ Тюренченомъ его замѣщалъ К—скій

Это былъ страшный ударъ и для генерала Т., и для его ни въ чемъ неповиннаго штаба. Т. поблѣднѣлъ и сейчасъ-же сталъ укладывать свои вещи, чтобы уѣзжать въ позорное изгнаніе изъ боевой части. Позоръ распространялся и на штабъ, который такъ-же изгонялся изъ боевой части. Мы хотѣли протестовать: мы шли сюда сражаться съ японцами; мы изучили Тюренченъ и Потетынзу, мѣстность впереди, на флангахъ и въ тылу; мы могли

принести въ бою серьезную пользу, а насъ изгоняли. Какой будетъ прокъ отъ того, что насъ замѣнятъ люди, незнакомые ни съ мѣстностью, ни съ расположеніемъ войскъ. Можно-ли наканунѣ важныхъ событій мѣнять штабы, какъ мѣняютъ перчатки? Преемственность работы утрачивалась; новый штабъ опять долженъ былъ начинать съ азовъ, долженъ былъ повторять уже сдѣланныя нами ошибки.

Одной изъ причинъ отрѣшенія генерала Т. отъ командованія являлся докладъ о его болѣзненномъ состояніи, представленный его штабомъ начальнику штаба Восточнаго отряда. Несмотря на это, мы были очень злы на Т., злоключенія котораго мы должны были дѣлить. Мы рѣшили во всякомъ случаѣ демонстративно отмѣтить нашу несолидарность съ Т. Штабъ уходилъ вмѣстѣ съ генераломъ Т. въ резервъ, въ тылъ; но энергичный начальникъ штаба рѣшилъ пока что остаться со мною у Тюренчена—можетъ быть, мы пригодились бы здѣсь хоть на черную работу. „Васъ-то еще могутъ пристроить—вы молоды", – говорилъ мнѣ подполковникъ Од. — „а на меня и сейчасъ косо посматриваютъ, я старше подполковника Л—ы".

Вечеромъ нашъ штабъ уѣхалъ; остались ночевать только подполковникъ Од., я, наши вѣстовые, вѣрный песъ Дурдилка и одна двуколка.

Наступило 16-ое апрѣля. Чтобы намъ не чувствовать себя совершенно одинокими, мы переѣхали въ самое селеніе Тюренченъ, на берегъ Ялу, въ фанзу къ артиллеристамъ нашей бригады. Мы перебрались со всѣми вещами. Расположеніе наше было довольно безпечное—обозы располагались на высотѣ стрѣлковыхъ окоповъ. Саженяхъ въ 20-ти сзади на пригоркѣ стояли орудія въ

окопахъ. Лошади батареи стояли на коновязи тутъ-же на позиціи.

Вообще вся позиція была полна обозными, лошадьми и различными повозками. Генералъ К—скій хотѣлъ во что бы то ни стало поднять духъ войскъ, расшатанный, по его мнѣнію, его предмѣстникомъ. К—скій находилъ, что эшелонированіе обозовъ вдоль пути отступленія, весьма тщательно произведенное генераломъ Т., слишкомъ напоминаетъ войскамъ о ретирадѣ. Поэтому, для подбодренія войскъ, онъ распорядился притянуть на боевыя позиціи всѣ войсковые обозы.

Мой начальникъ штаба и я, стремясь найти работу, „наняться", какъ иронически говорили впослѣдствіи, держались поближе къ генералу К—скому. Но намъ пришлось убѣдиться, что мы совершенно лишніе. Насъ не замѣчали, съ нами не разговаривали: „прожекты" отъ насъ скрывались. За то мнѣ пришлось увидѣть и услышать много любопытнаго.

К—скій вообще не краснорѣчивъ; ему пришлось напрягать всѣ свои усилія, чтобы сказать стрѣлкамъ что-нибудь бойкое, выдѣляющееся, подбадривающее. Въ этихъ условіяхъ можно договориться до ужасныхъ вещей. Таковыя мнѣ и пришлось услышать. Одной ротѣ говорилось, что самое важное теперь—построить хорошую баньку, такъ какъ придется тутъ стоять до августа мѣсяца — раньше командующій арміей не хочетъ гнать японцевъ изъ Кореи. А безъ баньки здѣсь можно прямо мохомъ обрасти. Другой ротѣ такъ объяснялся бой съ японцами: „чтобъ у меня плѣнныхъ въ бою не было — всѣхъ надо докалывать дочиста:—япошекъ много — гдѣ тутъ ихъ въ плѣнъ брать—

кто ихъ будетъ брать въ плѣнъ, съ того будетъ строго взыскано...” и т. д.

Это, конечно, только цвѣты военнаго краснорѣчія, и ихъ серьезно нельзя принимать во вниманіе ни для характеристики генерала К-скаго, ни тѣмъ болѣе для характеристики войскъ. По этому поводу я могу привести справку, сообщенную мнѣ моими товарищами.

Въ этотъ-же день, 16 апрѣля, при атакѣ Хуссанскихъ высотъ, цѣпь N полка набрела на раненаго пулей японца. Одинъ тупой новобранецъ, проходя мимо, кольнулъ его штыкомъ. Въ этотъ-же вечеръ онъ былъ такъ избитъ другими солдатами, его поступокъ поднялъ въ ротѣ такую бурю негодованія, что ужъ навѣрное повтореніе такого поступка во всемъ полку стало немыслимымъ.

Новое начальство тоже забавлялось орудійной стрѣльбой по противоположному берегу Ялу, по предполагаемымъ мѣстамъ квартированія японцевъ. Полковникъ М., командовавшій артиллерійской бригадой, относился къ этому баловству очень неблагосклонно. Одно орудіе съ Телеграфной горы на предѣльномъ прицѣлѣ было пристрѣляно по городу Ичжу. Рѣшено было ночью бомбардировать городъ шрапнелями съ установкой на ударъ, чтобы учинить непріятность занимавшимъ его японцамъ; за послѣдующими событіями это рѣшеніе было забыто.

Въ то время, какъ изрѣдка раздавались наши орудійные выстрѣлы, одинъ изъ артиллерійскихъ офицеровъ открылъ книгу— какое-то описаніе японско-китайской войны, и прочелъ тамъ слѣдующее выраженіе, которое произвело на насъ сильное впечатлѣніе: „въ то время, какъ японцы готовили серьезный ударъ на лѣвый флангъ Тюренченской позиціи, китайцы убивали время въ безплодной бомбар-

дировкѣ Ичжу". За 10 дней соприкосновенія съ японцами мы начали смотрѣть на обстановку серьезнѣе, и намъ дѣйствительно показалась странною дѣятельность нашего управленія, слѣпо повторявшаго ошибки китайскихъ генераловъ.

Послѣ полудня на островахъ задымились китайскіе поселки. Изъ какого-то двора по нашимъ охотникамъ стрѣлялъ японскій дозоръ. Генералъ К—скій, во избѣжаніе недоразумѣній, приказалъ выжечь всѣ постройки на островахъ. Мѣра рѣшительная, но жестокая. Эту экзекуцію приводили въ исполненіе пѣшіе охотники. Китайцы и корейцы, пока относившіеся къ намъ мирно и любовно, покорно выходили на порогъ своихъ фанзъ съ женщинами и дѣтьми и плакали надъ пожарищемъ. Тяжело было смотрѣть на это зрѣлище; наши охотники еще не были ожесточены; скоро у нихъ не хватило духу, и экзекуція неповиннаго населенія прекратилась на четвертой своей части.

Передавали подъ большимъ секретомъ, что 16-го апрѣля, послѣ обѣда, будетъ произведено наступленіе для захвата Хуссанскихъ высотъ. Магическое слово „наступленіе" раздавалось въ первый разъ въ рядахъ манчжурской арміи. Высокая честь первымъ наступать на врага выпала на 2-ой батальонъ N полка.

Вслѣдствіе событій 15-го апрѣля, въ ночь на 16-ое одинъ батальонъ N полка съ 4-мя орудіями сдѣлалъ переходъ отъ Чингоу къ Потетынзѣ; переходъ въ 8 верстъ вслѣдствіе безтолковой организаціи марша превратился въ форсированное движеніе; двигались, съ остановками въ полѣ, всю ночь. Теперь у Потетынзы было 6 орудій, которыя своимъ огнемъ должны были поддержать наступ-

леніе на Хуссанъ. Цѣлью этого наступательнаго предпріятія являлось разрушеніе японскаго моста черезъ Ялу. Наступавшая пѣхота должна была занять такія позиціи, которыя прикрыли-бы выѣздъ двухъ полевыхъ орудій на лѣвый берегъ Эйхо, чтобы обстрѣлять японскій мостъ.

Въ сущности задуманное наступленіе принадлежало къ типу тѣхъ удальскихъ мелкихъ предпріятій, которыми неспособные къ крупнымъ дѣламъ начальники стремятся дать иллюзію активной дѣятельности. Эти мелочныя предпріятія представляютъ печальное вырожденіе принципа частной инииціативы на почвѣ общей пассивности, неподготовленности и отсутствія духа отвѣтственности у начальниковъ. Навстрѣчу надвигавшемуся обходу нашего лѣваго фланга, навстрѣчу двумъ японскимъ дивизіямъ выдвигали одинъ батальонъ съ двумя орудіями — обычный пріемъ пѣнкоснимательства. При отсутствіи широкихъ взглядовъ на явленія боя не ставятъ себѣ серьезныхъ цѣлей; стремятся достигнуть хоть мелочного результата. Но не такимъ пріемомъ завоевываютъ себѣ успѣхъ люди. Мелочность въ постановкѣ цѣлей — это не блестящее свойство для вождя; часто оно ведетъ къ невозможнымъ положеніямъ, всегда — къ неудачамъ [1]).

---

[1]) По этому поводу мнѣ вспоминается слѣдующій случай. Въ N-ый полкъ на походѣ прибылъ уже немолодой капитанъ М., служившій ранѣе 9 лѣтъ дѣлопроизводителемъ уѣзднаго воинскаго начальника. Ему, какъ незнакомому со строемъ офицеру, роты не дали; это было понятно. Но одинъ батальонъ полка временно не имѣлъ командира, и

Съ вершины Телеграфной горы у Тюренчена я наблюдалъ это наступленіе. Пѣхота энергично подвигалась впередъ. Японцы близъ Эйхо не держали большихъ частей, вѣроятно, не желая приковывать наше вниманіе къ мѣсту будущей атаки. Намъ оказывала сопротивленіе только одна японская рота. Она была сбита со скалистыхъ сопокъ Хус-

---

капитанъ М. былъ назначенъ временно командовать батальономъ. Командиръ полка при этомъ назначеніи руководился, конечно, не пользой службы, не сложными требованіями, предъявляемыми въ бою къ командиру батальона, а тѣмъ, что исправленіе этой должности было безплатно — столовыя продолжалъ получать подполковникъ К., лежавшій въ госпиталѣ. Въ день Тюренченскаго боя капитанъ М , которому не довѣряли роты, оказался во главѣ особаго отряда, въ отдѣлѣ у Чингоу. Въ ряду его знаменитыхъ распоряженій выдѣляется слѣдующее приказаніе: на фронтѣ батальона перестрѣлка; начальникъ заставы подпоручикъ С., съ лѣваго берега Эйхо доноситъ: „на заставу наступаетъ по меньшей мѣрѣ бригада японцевъ; что дѣлать?" Капитанъ М. приказываетъ немедлено батальону отступать, а начальнику заставы лаконически отвѣчаетъ: „спрячтесь въ ханшинный (водочный) заводъ"; приказаніе это, какъ явно абсурдное, было отставлено ротнымъ командиромъ, капитаномъ Р., который на свой страхъ приказалъ заставѣ присоединиться къ ротѣ. Не ясно, что хотѣлъ сказать капитанъ М. своимъ лаконическимъ приказаніемъ. Хотѣлъ-ли онъ, чтобы вмѣсто всего батальона съ японцами дралась одна застава и исполняла порученную ему задачу? Капитанъ М. былъ въ тотъ-же день отставленъ отъ командованія батальономъ; но съ него много нельзя было и требовать, а между тѣмъ въ охотничьихъ дѣлахъ часто и высшіе начальники подражали капитану М., сваливая задачу цѣлаго отряда на небольшую его часть.

сана почти исключительно шрапнельнымъ огнемъ батареи подполковника Покатилло отъ Потетынзы. Подполковникъ Покатилло очень искусно руководилъ огнемъ своихъ шести орудій. Онъ былъ въ то время на рѣдкость искусный батарейный командиръ, успѣвшій уже изучить свойства скорострѣльныхъ пушекъ.

Наступленіе пѣхоты прикрывалось и двумя конно-охотничьими командами. Охотники выскочили передъ нашей цѣпью, спѣшились и открыли огонь по японцамъ. Переѣздъ конныхъ охотниковъ впередъ на большомъ аллюрѣ для прикрытія наступленія пѣхоты былъ очень эффектенъ; но этотъ пріемъ можетъ практиковаться лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ серьезнаго врага...

Эти охотничьи команды должны были нести службу связи между нашими отрядами у Чингоу, Потетынзы и Тюренчена; онѣ должны были наблюдать теченіе рѣки Эйхо между этими пунктами. При наступленіи 16-го апрѣля мы поступили по совѣту Суворова: „идешь въ бой, снимай посты и коммуникаціи". За всю войну это было, быть можетъ, единственное приложеніе этого правила, выражающаго сущность военнаго искусства; но и оно было совершенно неудачно. Въ бою конные охотники своей фронтальной атакой не могли много помочь, а по окончаніи боя они начали отдыхать, и 17 и 18-го апрѣля, въ дни главныхъ боевыхъ событій, службы связи и службы наблюденія на промежуткахъ между нашими отрядами никто не несъ. Это упущеніе тяжело отразилось на результатахъ Тюренченскаго боя.

Наши [illegible]уссана пострѣляли и сейчасъ же вернулись [illegible]случилось съ японскимъ мостомъ, не

знаю. Во всякомъ случаѣ переправа японцевъ черезъ Ялу не была сколько нибудь замѣтно задержана. Батальонъ N-го полка потерялъ убитыми и ранеными полусотню стрѣлковъ; на слѣдующій день, вслѣдствіе охвата серьезными японскими силами, поддержанными сильной артиллеріей, нашъ батальонъ долженъ былъ возвратиться къ Потетынзѣ. Стрѣлки N-го полка передъ рѣшительнымъ боемъ были сильно утомлены. За это предпріятіе никто не былъ награжденъ, кромѣ иниціатора его, подполковника Л—а, получившаго золотое оружіе. Онъ на короткое время пріѣзжалъ къ войскамъ, атаковавшимъ Хуссанъ.

16-го апрѣля вечеромъ японскіе артиллеристы не удержались; нѣкоторыя батареи открыли огонь, чтобъ помѣшать нашему наступленію. Подполковникъ Покатилло, командовавшій орудіями у Потетынзы, безнадежно доносилъ: „на батареѣ рвутся японскіе снаряды; отвѣчать не могу, такъ какъ не знаю, откуда стрѣляютъ японцы". Я видѣлъ на островахъ вспыхивавшіе въ разныхъ мѣстахъ огни, и самъ навелъ одно орудіе на Телеграфной горѣ, чтобы показать, гдѣ стоитъ японская батарея.

Ночь на 17-ое апрѣля прошла спокойно. Утромъ было также совершенно тихо. Подполковникъ Од. получилъ записку отъ генерала Т., — нужно было ѣхать въ Тензы къ общему резерву; тамъ мы могли пригодиться на что нибудь, здѣсь же, у Тюренчена, мы были лишніе люди. Генералъ Т. получилъ приказаніе отправиться въ Ляоянъ; онъ выѣзжалъ 17-го апрѣля вечеромъ; предстояло съ нимъ разсчитаться и попрощаться. Мы поблагодарили артиллеристовъ за гостепріимство и двинулись къ дивизіонному

лазарету; тамъ находился нашъ денежный ящикъ, нужно было устроить кое-какія денежныя дѣла.

Когда мы отъѣхали отъ Тюренчена съ версту, раздались орудійные выстрѣлы; разрывы снарядовъ появились вдоль всего нашего расположенія. На Телеграфной горѣ стоялъ все время густой дымъ отъ тяжелыхъ бризантныхъ бомбъ. Шрапнели не только засѣивали позицію, но и разрывались въ тылу ея, на обратныхъ склонахъ, гдѣ японцы, вѣроятно, предполагали присутствіе нашихъ резервовъ. Иныя шрапнели рвались, перелетѣвъ двѣ версты за линію расположенія войскъ. Это меня поразило; ясно было видно, что японская армія располагаетъ тяжелыми, дальнобойными гаубицами. „А нашъ то М., артиллеристъ, увѣрялъ, что у японцевъ только горныя пушки, и что японцы не могутъ добросить снаряды до нашихъ батарей"—невольно вырвалось у меня.

Покончивъ дѣла въ дивизіонномъ лазаретѣ и закусивъ, мы уже собирались выѣзжать, когда увидѣли быстро катящійся по дорогѣ отъ Тюренчена экипажъ. Въ немъ ѣхалъ раненый командиръ нашей артиллерійской бригады, полковникъ М., котораго я только что вспоминалъ; его сопровождалъ бригадный ветеринаръ. Полковникъ М. былъ страшно взволнованъ. Раненъ онъ былъ въ руку, но получилъ еще нѣсколько царапинъ—его лицо было въ крови. Онъ расцѣловалъ насъ всѣхъ и твердилъ намъ: „на батареѣ адъ, ужасъ!" Бывшій въ лазаретѣ искусный хирургъ, баронъ О. С., дѣлалъ ему перевязку раны. Я слушалъ въ это время очень интересный разсказъ ветеринарнаго врача — онъ оказался съ обозомъ и лошадьми на коновязяхъ близъ самой батареи. Лошадямъ перерѣзали чум-

бурные ремни, и онѣ табуномъ умчались въ тылъ — едва потомъ ихъ поймали. Самъ же онъ съ обозными уползъ съ позиціи, пользуясь малѣйшими прикрытіями. Услышалъ еще нѣсколько подробностей, указывавшихъ на то, какой хаосъ творится теперь у Тюренчена, гдѣ нашъ мирный станъ былъ застигнутъ врасплохъ артиллерійскимъ огнемъ японцевъ. Были офицеры, убитые въ палаткахъ, были нестроевые, лошади и двуколки, попавшіе подъ японскіе снаряды...

Мы поспѣшно отправились къ общему резерву. Одно время насъ потянуло назадъ къ Тюренчену, но подполковникъ Од. во-время одумался; насъ, быть можетъ, уже разыскивали въ общемъ резервѣ, намъ надо было торопиться вести его на поддержку.

Проѣзжали мимо Тюренчена, въ тылу позиціи. Наши орудія уже молчали; огонь японцевъ методически продолжался. Ружейной трескотни не было слышно, слѣдовательно, сегодня серьезнаго дѣла еще не было.

Нашъ штабъ расположился въ отдѣльномъ дворикѣ, шагахъ въ 200 отъ штаба Восточнаго отряда. Генералъ Т. такъ и не вступилъ въ командованіе резервомъ; онъ былъ совершенно надломленъ происшедшими событіями, со слезами распрощался со всѣми нами и уѣхалъ въ тотъ же день въ Ляоянъ, къ командующему арміей.

Въ этотъ же вечеръ къ намъ прибылъ взамѣнъ вновь назначенный бригадиръ, генералъ Я.; ему предстояло временно командовать 6-ой В. С. стрѣлковой дивизіей. Вся дивизія была въ разбросѣ и подчинялась намъ только въ командномъ отношеніи. Ближайшая задача заключалась въ управленіи общимъ резервомъ, состоявшимъ изъ полковъ

3-ей дивизіи—9-го и 11-го и двухъ батарей. Вступленіе въ командованіе было отложено до слѣдующаго дня. Генералъ Я., такъ-же, какъ и Т., былъ боленъ; у него былъ серьезный порокъ сердца; онъ совершенно не могъ ходить пѣшкомъ; верхомъ могъ ѣздить только шагомъ.

Я отправился къ сосѣдямъ – во дворъ, гдѣ помѣщался штабъ Восточнаго отряда. У воротъ встрѣтилъ начальника Восточнаго отряда, генерала Зас—ича. Онъ меня спросилъ, былъ ли я сегодня подъ Тюренченомъ и какъ тамъ дѣла? Я доложилъ, что уѣхалъ передъ самымъ началомъ бомбардировки; сколько могу судить по личнымъ наблюденіямъ и разсказамъ раненыхъ, положеніе тамъ неважное – утромъ былъ большой переполохъ. Теперь наша артиллерія молчитъ, пѣхота скрылась въ окопы и складки мѣстности; японскіе артиллеристы продолжаютъ насъ методически бомбардировать. Ранены такіе-то и такіе-то. „Вы, штабсъ-капитанъ, распространяете ложные слухи. Какъ вы можете говорить такія вещи! Потерь у насъ нѣтъ, настроеніе духа превосходное, наша артиллерія бьетъ японскую!"—рѣзко оборвалъ меня генералъ Зас—ичъ. Я смутился: мой чистосердечный докладъ съ глазу на глазъ съ начальникомъ никакъ не подходилъ подъ категорію распространенія паническихъ слуховъ. На всякій случай я взялъ подъ козырекъ, вытянулся и заявилъ: „слушаю, ваше превосходительство".

Въ это время крупною рысью подъѣзжаетъ начальникъ штаба Восточнаго отряда полковникъ О—скій. Утромъ онъ уѣхалъ къ Тюренчену, чтобы лично посмотрѣть положеніе дѣлъ; теперь, возвратившись, онъ былъ, видимо, утомленъ впечатлѣніями своей поѣздки. Полковникъ О-скій

соскочилъ съ лохматаго неказистаго коня; изъ фанзъ высыпалъ штабъ отряда, всѣ окружили полковника; генералъ Зас—ичъ засыпалъ его вопросами.

— Подъ Тюренченомъ ничего, все хорошо. Потери у насъ незначительныя, пустяки — человѣкъ 20 раненыхъ. Японцы много стрѣляли—на пространствѣ небольшого двора лежало болѣе 100 шрапнельныхъ стакановъ. Наши артиллеристы замолчали—имъ дали соотвѣтствующее приказаніе — надо беречь снаряды, да и артиллеристовъ жаль. Настроеніе духа превосходное. Вотъ суть доклада полковника О—скаго. Быть можетъ, это были только слова для присутствующихъ, а наединѣ начальнику Восточнаго отряда былъ представленъ докладъ о серьезности положенія? Едва-ли, — послѣдующій ходъ событій не даетъ основанія это допустить [1]).

Когда полковникъ О—скій представлялъ свой полный оптимизма докладъ, генералъ Зас—ичъ разыскивалъ меня взглядомъ въ окружавшей толпѣ — было новое основаніе для кислыхъ словъ по моему адресу, но я предпочелъ пока что стушеваться за другихъ.

— Отчего вы не вернулись на вашей лошади?—обратился вдругъ генералъ Зас-ичъ къ своему начальнику штаба,—развѣ она ранена?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство — отвѣчалъ полковникъ О-скій — дѣло въ томъ, что ее привязали

---

[1]) Какъ извѣстно, вечеромъ генералъ К-скій просилъ у начальника Восточнаго отряда разрѣшеніе отступить подъ прикрытіемъ ночи; генералъ Зас-ичъ отказалъ ему въ этомъ и предписалъ принять бой на занимаемыхъ позиціяхъ.

къ такому мѣсту, дорога къ которому обстрѣливалась такъ, что ее нельзя было вывести оттуда; поэтому я вернулся на охотничьей лошади. Когда бомбардировка кончится, мнѣ пришлютъ мою лошадь.

Я отправился домой, въ свой штабъ, и по дорогѣ размышлялъ, что едва-ли все такъ благополучно на позиціяхъ, гдѣ всадники не могутъ подойти къ своимъ лошадямъ.

IX.
Пораженіе.

Счастливы тѣ, которые могутъ описывать побѣды, повѣствовать объ одержанныхъ успѣхахъ. Трудъ писателя, взявшаго на себя изобразить неудачи, пораженія—гораздо неблагодарнѣе и тяжелѣе, „Въ счастьѣ кудри вьются, а въ несчастьѣ русыя сѣкутся". Приходится вновь переживать ужасныя впечатлѣнія, ужасныя сцены. Я хочу разсказать современникамъ то, что нормально должно было быть опубликовано черезъ 30—40 лѣтъ въ „Русской Старинѣ". И мнѣ, конечно, извѣстно, какъ тяжело обращаться съ матеріаломъ, представляющимъ сплошныя раны въ серцахъ насъ, современниковъ и участниковъ войны. Должно ли это соображеніе остановить попытку правдиваго пересказа событій войны? На мой вглядъ — нѣтъ.

У насъ, русскихъ, есть общая наклонность къ схематизированію; мы схватываемъ скелетъ событій, но упускаемъ изъ виду контуры. Мы часто не замѣчаемъ суть дѣла, выражающуюся не въ теоріи, не въ сухомъ остовѣ событій, въ жизни, въ послѣдовательномъ наслоеніи дѣйствія. Въ нашей [illegible]ой наукѣ этотъ общій нашъ недоста-

токъ отражается въ полной мѣрѣ. Она рвется подъ облака, въ сферу вѣчныхъ истинъ, вѣчнаго покоя. Нужна, быть можетъ, и мелкая, но земная работа, указывающая истинный обликъ вещей.

Только теперь, послѣ войны, читая описаніе различныхъ боевыхъ операцій въ сухомъ схематическомъ изложеніи, мнѣ, участнику ихъ, стало понятно знаменитое Толстовское. „Die erste Colonne marschirt.., die zweite Colonne marschirt...“ Въ военномъ дѣлѣ, кромѣ геометрической плоскости плана, есть еще многое другое; измѣреніе циркулемъ не заключаетъ еще въ себѣ всего военнаго искусства...

Насъ призываютъ изучать войну, учиться, анализировать свои пораженія, чтобы извлечь изъ нихъ себѣ уроки: надо же намъ воскресить въ XX-омъ столѣтіи Суворовскую науку побѣждать. Но причины неудачъ никогда не будутъ нами обнаружены, если мы будемъ закрывать глаза на тяжелыя зрѣлища, умалчивать, забывать о нихъ. Можно-ли щуриться во время анализа? Не такъ легко, какъ кажется, учиться на собственныхъ неудачахъ, и не всѣ къ этому способны. Исторія пораженій даже поучительнѣе исторіи побѣдъ, но нужно имѣть мужество глядѣть въ лицо печальной дѣйствительности.

Ночь на 18-ое апрѣля мы мирно спали. Мнѣ точно чувствовалось, что не скоро придется снова выспаться. Но подъ утро сонъ сталъ неспокойнымъ; начиная съ 5-ти часовъ утра снилась ружейная перестрѣлка. Когда я совершенно пробудился, то оказалось, что стрѣльба не сонъ, а дѣйствительность — издали доносился звукъ

частой ружейной стрѣльбы. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ насъ рокотали пачки.

Насъ не спѣша угощалъ чаемъ генералъ Я. Онъ сообщалъ намъ свѣжія Ляоянскія новости; помню, я выпилъ три стакана чая съ вкусными сухарями. Офицеръ, завѣдывавшій штабной столовой, просилъ не наѣдаться, такъ какъ вскорѣ должны были подать вкусный завтракъ. Но я недвусмысленно указалъ на выстрѣлы — кто знаетъ, гдѣ сегодня еще придется позавтракать.

Одинъ изъ охотниковъ, ѣздившій по хозяйственнымъ дѣламъ, сообщилъ, что все укладывается, биваки снимаются; ходятъ слухи, что японцы уже близко, что они уже овладѣли Тюренченомъ и сильно поддались впередъ. Когда служба связи плохо поставлена, когда въ управленіи царитъ хаосъ, когда начальниковъ и войска непрестанно тасуютъ и раскладываютъ по новому, то надо чутко прислушиваться къ свѣдѣніямъ, распространяющимся по низамъ арміи. Часто циркулируютъ и ложные слухи, но надо знать и ихъ, чтобы судить о настроеніи войскъ и умѣть противодѣйствовать злу.

Но часто по низамъ армій распространяются и очень важныя, достовѣрныя извѣстія. Разговоръ между собой телефонистовъ и телеграфистовъ, разъѣзжающіе по хозяйственнымъ дѣламъ конные посыльные, наконецъ, та масса праздношатающихся, которая составляетъ язву въ организаціи нашей арміи на войнѣ, — все это создаетъ въ боевомъ порядкѣ родъ почты, по которой вѣсти быстро передаются изъ конца въ конецъ поля сраженія... Что же дѣлать, когда нѣтъ другой организаціи, другой связи, — надо пользоваться и этой „пантофельной“ связью, рабо-

тающей по низамъ арміи[1]). Начали и мы укладываться на основаніи темныхъ, доходившихъ до насъ слуховъ. Такъ какъ у меня никакихъ вещей не было, то я былъ свободенъ и пошелъ за новостями въ штабъ Восточнаго отряда. Тамъ на меня сразу накинулись — куда пропалъ начальникъ аріергарда генералъ Я. со своимъ штабомъ въ такой важный моментъ? Я показалъ на сосѣднюю фанзу, въ которой мы были расположены; этотъ пунктъ былъ извѣстенъ нѣсколькимъ лицамъ штаба Восточнаго отряда. Оказалось, что насъ съ ранняго утра кто-то разыскивалъ, не нашелъ; насъ сосчитали за пропавшихъ безъ вѣсти и безъ нашего вѣдома взяли изъ резерва 11-ый В. С. стр. полкъ и одну батарею.

Виновата была общая неурядица, удивительно все перепутавшая къ моменту боя, но весь потокъ упрековъ по адресу нашего штаба вылился на мою голову. Я былъ совершенно не при чемъ въ происшедшемъ недоразумѣніи, но выслушалъ все спокойно: надо же въ тяжелую минуту людямъ отвести душу хоть на комъ нибудь.

9-ый В. С. стр. полкъ, остававшійся въ резервѣ, уже начиналъ отступать по дорогѣ къ Фын-хуан-чену. Я поспѣшно вернулся въ нашъ штабъ и въ мягкой формѣ передалъ, что насъ просятъ, такъ какъ уже пора. Генералъ Я. сѣлъ на лошадь и пропустилъ мимо себя роты резерва, здороваясь съ ними. Вслѣдъ за резервомъ поплелись и мы.

---

[1]) О прорывѣ японцевъ черезъ Эйхо между Потетынзой и Тюренченомъ генералу К-скому было доложено фельдшеромъ; профессіональная связь бездѣйствовала.

Мой старый киргизскій конь имѣлъ дурную привычку — требовать себѣ послѣ каждаго перехода дневку; отдыхъ черезъ день ему былъ настоятельно необходимъ. Онъ не отдохнулъ еще отъ вчерашняго перехода—какихъ-нибудь 20 верстъ перемѣннымъ аллюромъ, — сегодня шелъ изъ рукъ вонъ плохо. А работы предстояло много.

Меня встрѣтилъ начальникъ штаба Восточнаго отряда полковникъ О-скій и далъ порученіе: стать на перекресткѣ дорогъ и предупреждать проходящихъ офицеровъ, что, по полученнымъ донесеніямъ, нѣсколько эскадроновъ японской конницы находятся въ востоку отъ этапной дороги—чтобы держались на чеку, на случай кавалерійской атаки справа. Я передалъ это приказаніе нѣсколькимъ десяткамъ офицеровъ; затѣмъ я замѣтилъ, что вѣсть объ японской конницѣ распространяется и помимо меня. Въ проходившей мимо колоннѣ, среди частей резерва и остатковъ дравшихся полковъ—11-го, 12-го и 22-го — только и говорили, что объ ежеминутно ожидаемой кавалерійской атакѣ. Я замѣтилъ крайне неблагопріятное впечатлѣніе, производимое на войска исполняемымъ мною порученіемъ, и замолчалъ. Но было уже поздно—слухъ о японской конницѣ проносился по рядамъ разбитаго отряда, все нарастая, какъ нарастаетъ падающая съ горы снѣжная лавина; въ обозахъ и отбившихся отъ частей стрѣлкахъ произошла паника — насколько въ ней виновата японская конница и насколько исполненное мною порученіе — судить не берусь.

Я стоялъ на перекресткѣ дорогъ съ двумя охотниками и молча пропускалъ мимо войска. Остатки 11-го и 12-го В. С. стр. полковъ дебушировали прямо на меня

изъ-подъ японскаго разстрѣла. О порядкѣ или безпорядкѣ среди нихъ не могло быть и рѣчи — это были только носильщики съ тяжело ранеными. Налегкѣ, безъ груза человѣческаго мяса, шли только легко раненые. Лѣвѣе изъ горъ, въ сравнительномъ порядкѣ выходили роты N-го полка, оставившіе позиціи у Чингоу почти безъ боя.

Ко мнѣ подъѣхалъ личный адъютантъ генерала Зас--ича; онъ получилъ приказаніе — спѣшивать всѣхъ конныхъ нижнихъ чиновъ, безъ различія ихъ назначенія, и сажать на ихъ лошадей раненыхъ, которые были еще въ состояніи ѣхать верхомъ. — Вы ничего не дѣлаете?— обратился онъ ко мнѣ. —Ничего.—Такъ пожалуйста, сдѣлайте одолженіе, исполните мое порученіе, спѣшивайте всѣхъ именемъ начальника отряда, а то я очень тороплюсь въ Фын-хуан-ченъ [1]). Я согласился.

Я взялся за очень трудную задачу. Когда отрядъ разбитъ и отступаетъ, всякій, безъ различія званія, начинаетъ очень дорожить конемъ, на которомъ онъ сидитъ. Въ глазахъ всадника конь представляется средствомъ спасенія въ случайностяхъ отступленія.

При пораженіи въ сознаніи каждаго разгорается эгоизмъ, каждый помнитъ прежде всего свои собственные

---

[1]) Въ какомъ-то ресторанѣ, черезъ нѣсколько дней, онъ повѣствовалъ, какъ скакалъ по большой этапной дорогѣ и шашкой прокалывалъ кожи брошенныхъ въ паникѣ барабановъ! Такъ пишется исторія. Хорошо, что нашлись обстоятельные люди, установившіе, что въ стрѣлковыхъ полкахъ нѣтъ барабановъ, за исключеніемъ большихъ турецкихъ, которые всѣ прибыли въ Фын-хуан-ченъ въ полной исправности.

интересы. Альтруизмъ, забвеніе себя для другихъ, стремленіе „жизнь свою за друзей своихъ положить“ — характеризуетъ побѣдоносную армію; эгоизмъ, подлое забвеніе всего, кромѣ ничтожнаго личнаго „я“ — армію разбитую; это наиболѣе рѣзкое отличіе побѣды отъ пораженія. Вслѣдствіе развитія эгоистическихъ интересовъ, разбитая армія не представляетъ цѣльнаго организма, а лишь толпу, обуреваемую дурными инстинктами, сборище, которое можно гнать не только кавалеріей, но даже слухами и призраками.

Я приступилъ къ своей задачѣ. Многіе конные охотники, при моемъ требованіи спѣшиться, думали, что я хочу взять ихъ лошадь себѣ, и стремились ускользнуть. Но и уяснивъ себѣ мое требованіе, лишь не многіе охотно подчинялись авторитету начальника Восточнаго отряда; эти охотники заботливо сажали раненыхъ на лошадь и осторожно вели ихъ въ поводу. Большинство же оказывало сопротивленіе и уступало только силѣ. Впослѣдствіи, когда я обгонялъ колонну, я убѣдился, что нашлось нѣсколько такихъ солдатъ, которые, скрывшись съ моихъ глазъ, ссадили раненыхъ и уѣхали налегкѣ. Всего мнѣ удалось устроить такимъ образомъ около 40 раненыхъ. Меня поражала выносливость нѣкоторыхъ изъ нихъ. Одинъ молодой стрѣлокъ, совсѣмъ мальчикъ, съ простреленной грудью прошелъ 15 верстъ отъ Тюренчена; на его рубашкѣ посреди груди и спины были кровавыя пятна.— Нѣсколькихъ раненыхъ удалось устроить на проѣзжавшихъ мимо двуколкахъ.

П [illegible] конецъ колонны раненыхъ. На горахъ на [illegible] лись подозрительныя фигуры; стрѣлки

увѣряли, что это японцы, которые не открываютъ огня потому, что очень устали и израсходовали всѣ патроны. Я еще не успѣлъ разобраться въ этомъ вопросѣ, какъ ко мнѣ подъѣхалъ охотникъ — меня требовали въ штабъ дивизіи. Я отправился.

Войска, занимавшія боевой участокъ у Шахедзы — участокъ, не имѣвшій никакого значенія, —отходили только теперь. Шахедзамъ ошибочно было сразу придано несоотвѣтствующее значеніе. Уже за недѣлю до боя было ясно, что этотъ участокъ не имѣетъ значенія; однако, бездѣйствовавшія на немъ войска не были отозваны — за два мѣсяца сидѣнія на одномъ мѣстѣ войска пустили глубокіе корни. Съ самаго начала войны у насъ былъ слишкомъ силенъ позиціонный духъ; мы держались печальной обозной тактики, унаслѣдованной нами со старины — еще съ Шереметьевскихъ походовъ нашихъ прадѣдовъ. Шахедзы въ нашемъ расположеніи на Ялу имѣла значеніе столицы, значеніе мало выясненное въ стратегіи и въ тактикѣ, но весьма серьезное на практикѣ. Мы почему-то стремились удержать Шахедзы въ своихъ рукахъ до послѣдней минуты.

Нашъ резервъ несъ теперь службу арьергарда; онъ занималъ позицію верстахъ въ 5-ти отъ деревни Тензы, по этапной дорогѣ къ сѣверу. Безпорядокъ былъ большой. Кромѣ 9-го В.-С. стр. полка въ арьергардѣ задерживались всѣ войсковыя части, выходившія на этапную дорогу въ сносномъ порядкѣ. Временно въ арьергардъ вошло нѣсколько ротъ N-го полка; одинъ изъ ротныхъ командировъ утверждалъ, что лично видѣлъ 4 японскихъ эскадрона, пробиравшихся въ обходъ нашего лѣваго фланга.

Артиллерія арьергарда состояла изъ двухъ орудій, успѣвшихъ ускользнуть отъ Чингоу. Офицера не было; командиръ взвода и наводчики уже убыли за ранами изъ строя. Фейерверкеръ доложилъ, что при орудіи онъ можетъ работать, но самостоятельно командовать взводомъ скорострѣльныхъ пушекъ неспособенъ; „безъ артиллерійскаго офицера толку не будетъ"—добавилъ онъ. Мой начальникъ штаба куда-то съѣздилъ и раздобылъ свободнаго артиллерійскаго офицера, поручика Куропаткина. Онъ немедленно принялъ командованіе взводомъ; артиллеристы, съ появленіемъ офицера у орудій, пріободрились.

Предполагалось, въ случаѣ натиска японцевъ, отходить уступами; подполковникъ Од. поручилъ мнѣ прорекогносцировать 5 — 6 тыловыхъ позицій. Моя лошадь плохо передвигала ноги; я рекогносцировалъ позиціи пѣшкомъ, съ лошадью въ поводу. Много пришлось бѣгать по горамъ. Правая нога разболѣлась — я ее сильно натеръ; образовалась рана, мучительно отзывавшаяся при ходьбѣ.

Наконецъ, подошелъ Шахедзинскій отрядъ. Отъ командованія арьергардомъ генералъ Я. былъ временно освобожденъ. Мы двинулись по этапной дорогѣ на Фынхуан-ченъ.

По обѣимъ сторонамъ дороги пылали китайскіе дома. Первоначально было отдано распоряженіе — жечь только войсковые запасы. При отсутствіи порядка это приказаніе начали понимать все болѣе и болѣе широко. Поджигалъ, кто хотѣлъ и что хотѣлъ. Были даже офицеры, которые, вспоминая роль пожаровъ въ отечественную вой[illegible] и за собою все уничтожить, чтобы

остановить голымъ, выжженнымъ пустыремъ наступленіе японцевъ. Въ этомъ дѣлѣ — въ обращеніи къ красному пѣтуху — широко дѣйствовала частная инициатива. Практика многихъ отступленій—отъ Тюренчена до Сыпингая, - въ которыхъ мнѣ приходилось участвовать, привела меня къ убѣжденію, что въ создающихъ пораженіе элементахъ огромное значеніе имѣетъ безпорядокъ въ тылу и въ особенности безпорядокъ въ поджогахъ. Гораздо лучше сдать противнику даже большіе запасы, чѣмъ разстроить уничтоженіемъ ихъ свои войска. Сначала уничтожаютъ запасы, затѣмъ жгутъ селенія, а потомъ начинаютъ грабить и свой обозъ. Чѣмъ хуже обстановка, тѣмъ болѣе нуженъ порядокъ. Къ уничтоженію запасовъ надо приступать хладнокровно, методически, чтобы не разбрасывать сѣмянъ безпорядка въ войскахъ въ наиболѣе сомнительныя минуты отступленій. Надо, чтобы войска были воспитаны въ сознаніи, что, чѣмъ сильнѣе назрѣваетъ кризисъ, тѣмъ болѣе каждому надо знать свое мѣсто и свое дѣло. Нужно, чтобы мысли всѣхъ были направлены на положительный трудъ; разрушительную работу надо ограничивать самыми необходимыми предѣлами и предоставлять ее отдѣльной, небольшой командѣ. Работа разрушенія во время отступленія поднимаетъ въ арміи въ наиболѣе критическій моментъ волну анархизма. Скиѳскіе пріемы борьбы вредно вліяютъ на организмъ регулярныхъ армій.

Появились мародеры. Страдало неповинное китайское сельское населеніе. А между тѣмъ, китайцы относились къ намъ еще очень хорошо. Мнѣ извѣстны случаи, когда китайцы подбирали нашихъ раненыхъ и са-

жали ихъ на своихъословъ. Китайцамъ говорили, что ословъ имъ не придется получить обратно; китайцы утвердительно кивали головой — это былъ ихъ подарокъ раненымъ...

Проѣхали этапъ. Арьергардъ былъ еще въ двухъ часахъ пути, а зданія этапа горѣли. На этапѣ былъ складъ патроновъ; едва успѣли ихъ вытащить изъ горящихъ построекъ. Ящики съ патронами были положены у дороги, чтобы проходящая мимо пѣхота пополнила свой разстрѣленный запасъ.

За этапомъ дорога имѣла печальный видъ. Видны были первые слѣды паники; нѣсколько походныхъ кухонъ были брошены; валялись двуколки съ офицерскимъ и ротнымъ имуществомъ. Печальныя картины отступленій стали общеизвѣстны послѣ очищенія Мукдена. Для меня Мукденское отступленіе было уже девятымъ по счету и не производило особо сильнаго впечатлѣнія. Картины первыхъ отступленій гораздо сильнѣе запечатлѣлись въ моемъ сознаніи.

Имѣла-ли какое нибудь основаніе паника въ обозахъ или нѣтъ, мнѣ было неизвѣстно; но мѣсто, гдѣ лежали брошенныя повозки, показалось мнѣ чрезвычайно подозрительнымъ. На востокѣ, въ сторонѣ, откуда ожидалась японская кавалерія, горы понижались, образуя широкую лощину. Здѣсь былъ перекрестокъ путей; предполагалось, что въ этомъ мѣстѣ войска Тюренченскаго отряда выйдутъ на этапную дорогу. Это былъ конецъ рекогносцированнаго мною пути отступленія отъ Тюренчена. Ни одна наша часть на него не попала, но японская кавалерія, если только предполагала появиться на

дорогѣ къ Фын-хуан-чену, должна была воспользоваться этимъ направленіемъ. Если намъ суждено было встрѣтиться съ японской кавалеріей, то именно на этомъ мѣстѣ. Я доложилъ объ этомъ генералу Я. — „А я-то что могу сдѣлать?" развелъ онъ руками въ отвѣтъ и продолжалъ ѣхать, отнюдь не задерживая хода своей лошади. Я взглянулъ на него, и глубоко безпомощнымъ показался онъ мнѣ въ грозномъ хаосѣ отступленія... Я доложилъ, что въ колоннѣ нашей громадные разрывы — строевыя части удалены другъ отъ друга на три, четыре версты; японская кавалерія могла напасть на слѣдовавшіе безъ прикрытія обозы и на носильщиковъ съ ранеными, тянувшихся безконечной цѣпью; поэтому, необходимо здѣсь задержать первую-же пѣхотную часть, которая подойдетъ, чтобы образовать здѣсь заслонъ.—„Хорошо, оставайтесь и задерживайте моимъ именемъ",—сказалъ генералъ Я. Я слѣзъ съ лошади. Генералъ со штабомъ скоро скрылся изъ вида.

Я сидѣлъ на пригоркѣ и наблюдалъ движеніе по дорогѣ. Солдаты интересовались содержимымъ брошенныхъ двуколокъ, разрывали лежавшіе въ нихъ сундуки и чемоданы. Въ одной двуколкѣ оказался пиленый сахаръ -- проходя, солдаты набивали себѣ сахаромъ карманы. Были носильщики съ ранеными, выбившіеся совершенно изъ силъ; нѣкоторые несли раненыхъ уже на протяженіи 30 верстъ. Они обращались ко мнѣ, прося смѣны; нѣкоторые заявляли, что такъ устали, что и налегкѣ не въ силахъ передвигать свои ноги. Изъ бродячихъ, одиночныхъ стрѣлковъ я формировалъ имъ подмогу. Время проходило въ невеселыхъ размышленіяхъ.

Солнце уже пряталось, когда показалась первая отступавшая часть — батальонъ N-го полка. Я его остановилъ, высказалъ батальонному командиру его задачу — выждать здѣсь арьергардъ, обезпечивая проходящую колонну обозовъ и раненыхъ отъ попытокъ врага, показалъ занять позицію — и тронулся догонять свой штабъ.

По дорогѣ встрѣтилъ офицера нашего штаба, несшаго службу переводчика. Онъ учился во Владивостокѣ, въ институтѣ восточныхъ языковъ, былъ хорошій офицеръ, но, какъ переводчикъ, уступалъ многимъ сибирякамъ-солдатамъ, сжившимся съ китайцами и коверкавшимъ мѣстное нарѣчіе болѣе понятно.

Мы ѣхали вмѣстѣ. Колонна обозовъ тянулась по дорогѣ. Иногда мы обгоняли обозъ какой-нибудь части, шедшей съ офицеромъ въ полномъ порядкѣ. Но въ большинствѣ случаевъ двигались отдѣльныя повозки, безпорядочно обгоняя другъ друга.

Было уже поздно. Наши лошади устали до крайности. Нога у меня болѣла — я съ утра шелъ почти все время пѣшкомъ. По дорогѣ, въ общемъ кавардакѣ, двигаться было прямо противно. Мой спутникъ, помню, даже упалъ съ лошади — подпруга у него была слабо подтянута, и онъ скатился вмѣстѣ съ сѣдломъ. Лошадь мы поймали. О штабѣ свѣдѣній не было. Мы рѣшили дождаться разсвѣта.

Мы завернули въ одну изъ уцѣлѣвшихъ еще близъ дороги фанзъ и начали располагаться для отдыха. Только что успѣли зажечь огонь, какъ къ намъ подъѣхалъ генералъ К-скій, командовавшій въ этотъ день войсками подъ [illegible]ъ. Онъ отвелъ меня въ сторону и сообщилъ

мнѣ шепетомъ: „не задерживайтесь, слѣдуйте дальше; на дорогѣ появилась японская кавалерія. Если будете отдыхать, то васъ заберутъ зря". Я поблагодарилъ его за сообщеніе, и мы снова тронулись въ путь. Совѣтъ генерала К-скаго для меня былъ очень лестенъ. Повидимому, генералъ мнѣ довѣрялъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ грозилъ разстрѣлять на мѣстѣ офицера, громко говорившаго о видѣнной имъ японской конницѣ.

Наконецъ, мы подъѣхали къ селенію Пьямынь, гдѣ уже заранѣе была намѣчена и рекогносцирована позиція. Въ ближайшемъ къ дорогѣ дворѣ мы застали нашъ штабъ въ полномъ составѣ, генерала К-скаго и начальника штаба отряда, полковника О-скаго. Арьергардъ Восточнаго отряда былъ ввѣренъ генералу Я., при которомъ былъ и нашъ штабъ. Распоряжался именемъ начальника Восточнаго отряда его начальникъ штаба; поговоривъ немного, полковникъ О-скій поскакалъ въ Фын-хуан-ченъ за генераломъ Зас-ичемъ.

Вечеромъ, въ мое отсутствіе, нашъ штабъ былъ обстрѣлянъ своими обозными. Кто то крикнулъ: „кавалерія!", и въ обозѣ пули начали летать во всѣ стороны. Одинъ изъ штабныхъ охотниковъ получилъ рану въ голову: совершенно обезумѣвшій нестроевой выстрѣлилъ въ него въ упоръ.

Вооруженіе нестроевыхъ винтовками въ прошлую кампанію представляло одно изъ наиболѣе неудачныхъ мѣропріятій. Обозные подавали примѣръ неумѣлаго, небрежнаго, паническаго отношенія къ оружію. Многіе начальники объясняли это распоряженіе, какъ особую милость къ нестроевымъ. Но на нестроевыхъ въ про-

шлую кампанію и безъ того лились потоки всякихъ милостей; и каждая милость нестроевымъ шла въ ущербъ строевымъ. Вооруженіе винтовками обозныхъ не увеличило ни на іоту силу нашей арміи; развитіе паники облегчилось; въ то-же время оружіе перестало составлять исключительную привилегію и гордость строевыхъ.

На дорогѣ у Пьямыня офицеры нашего штаба устроили заставу, гдѣ останавливались всѣ идущіе безъ команды стрѣлки и разсортировывались по полкамъ. За два часа работы собралось нѣсколько сотъ человѣкъ; вдругъ кто то крикнулъ: „японская кавалерія!“ и все сборище покинувшихъ строй нижнихъ чиновъ въ одинъ мигъ разлетѣлось. На дорогѣ продолжалъ стоять лишь одинъ нашъ хозяйственный адъютантъ, бравый штабсъ-капитанъ Баллодъ, всѣ труды котораго въ теченіе безсонной ночи пропали даромъ.

Къ утру на Пьямынскую позицію отошли послѣднія части арьергарда. На короткое время появился генералъ Зас-ичъ, за которымъ полковникъ О-скій ѣздилъ въ Фын-хуан-ченъ, за 15 верстъ.

Въ Пьямынѣ я еще засталъ свѣжіе слѣды паники. Въ фанзѣ, гдѣ остановился штабъ, была сложена дюжина казачьихъ сѣделъ. Здѣсь стояла казачья застава; паника въ обозѣ подѣйствовала на казаковъ такъ, что они вскочили на неосѣдланныхъ коней и ускакали. Черезъ двое сутокъ нѣсколько казаковъ вернулись за своими сѣдлами. Безъ нихъ мы уже похозяйничали въ ихъ вьюкахъ. Помню, и я воспользовался случаемъ перемѣнить бѣлье за счетъ брошенныхъ казаками вещей; я уже мѣсяцъ обходился въ походѣ безъ всякаго имущества, не

имѣлъ даже смѣнной рубашки, и находка чужого бѣлья меня крайне устраивала. Возвратившіеся казаки на наши упреки дали знаменитый отвѣтъ: „правительство бѣжало, и мы за нимъ".

Была или не была японская кавалерія на этапной дорогѣ? Я и по сейчасъ затрудняюсь разрѣшеніемъ этого вопроса. Многіе несомнѣнно принимали за японцевъ нашихъ артиллеристовъ, потерявшихъ свои орудія, и парковыхъ, покинувшихъ на нѣкоторое время свои зарядные ящики. Артиллеристы въ полномъ безпорядкѣ, галопомъ, съ подручными лошадьми шумно неслись вдоль этапной дороги, пугая ночью обозныхъ до потери сознанія. Цѣлый рядъ нижнихъ чиновъ мнѣ потомъ докладывалъ, что японская кавалерія добрая: „она такъ себѣ скачетъ вдоль дороги, а никому вреда не дѣлаетъ".

Съ другой стороны, я видѣлъ и стрѣлковъ, которые увѣряли, что японскіе кавалеристы захватывали ихъ въ плѣнъ, откуда они убѣжали; что японскіе разъѣзды устроились въ 3—4 стахъ шагахъ отъ дороги и нападали на отдѣльныхъ людей. Но показанія ихъ были весьма сбивчивы и неправдоподобны.

Вѣроятнѣе всего, японскіе разъѣзды находились близъ этапной дороги, но держали себя весьма скромно, преслѣдуя исключительно развѣдочную цѣль. Паника въ обозахъ произошла не отъ японской кавалеріи, а отъ внутреннихъ причинъ, отъ отсутствія въ обозахъ организаціи, дисциплины, порядка. Обозы у насъ совершенно не пріучены къ порядку. И на маневрахъ можно наблюдать, что диспозиціи говорятъ одно, а хозяйственныя соображенія каждой части — другое. Обозные чины ру-

ководятся не интересами цѣлаго, не диспозиціей, а мелкими эгоистическими интересами частей. Въ общей колоннѣ корпуса обозы представляютъ ужасный сбродъ, всѣ частицы котораго находятся во взаимной борьбѣ; объ умѣніи маневрировать не можетъ быть и рѣчи. Весьма часто вся колонна обозовъ задерживается повозкой, которую чинятъ, не убирая съ дороги, или же какой нибудь повозкой—часто съ вещами или закуской имѣющаго значеніе лица или штаба, которую требуютъ назадъ изъ головы обоза; вопреки пословицѣ, что семеро одного не ждутъ, сотни повозокъ сторонятся и пропускаютъ одну фаворитку по дорогѣ противъ общаго теченія.

Надо ввести въ тылу желѣзную дисциплину; надо ограничить размѣры полковыхъ обозовъ самымъ необходимымъ; всѣ остальныя повозки надо собрать въ особые транспорты. Затѣмъ существенно важно, чтобы начальники отдѣльныхъ частей не проникались стремленіемъ урвать удобства для своей части въ ущербъ другимъ; чтобы они не только не требовали отъ своихъ начальниковъ обоза передергиванія и отступленія отъ приказаній высшаго начальства въ пользу своей части, но и рѣзко порицали ихъ за это. Въ теоріи кажется, что легко достигнуть этого результата, но практика говоритъ, что его можно добиться лишь труднымъ путемъ воспитанія въ арміи чувства солидарности всѣхъ защитниковъ родины въ ущербъ развитія эгоизма отдѣльныхъ частей. Интересы арміи въ сознаніи каждаго должны быть выше интересовъ своего полка; а это не такъ просто и не такъ легко достигается.

X.

Пьямынь.

Части, потерявшія воинскій видъ вслѣдствіе отступательнаго 70-ти-верстнаго марша съ грузомъ раненыхъ, обозъ, побросавшій свою кладь, артиллеристы безъ пушекъ – все это въ хаосѣ сосредоточивалось въ Фын-хуан-ченѣ. Надо было выиграть нѣсколько дней, чтобы эвакуировать этотъ пунктъ. Перевозочныхъ средствъ было мало, а приходилось поднять свыше 1000 раненыхъ. Прочно отстаивать Фын-хуан-ченъ не представлялось возможнымъ — состояніе Восточнаго отряда не допускало этого.

Арьергардъ Восточнаго отряда отошелъ на Пьямынскую позицію въ порядкѣ, прикрывая путаницу и панику, происходившія въ головѣ отряда. Арьергардъ, отступая, по возможности уничтожалъ слѣды происходившихъ въ обозѣ недоразумѣній. На дорогѣ валялись патроны къ скорострѣльнымъ пушкамъ, которые были выброшены „для легкости" попавшимъ въ панику артиллерійскимъ паркомъ. Арьергардъ потопилъ въ небольшой рѣчкѣ брошенные патроны. Работѣ арьергарда по уничтоженію слѣдовъ паники дѣятельно помогали китайцы; чуть скрывались наши стрѣлки, какъ на дорогѣ появлялись китайцы, которые набрасывались на брошенныя вещи, растаскивали и прятали ихъ по своимъ норамъ. Въ одной китайской фанзѣ мнѣ попался наборъ болѣе дюжины какихъ то огромныхъ, спеціальнаго назначенія ножницъ. Китайцы тащили и прятали не только такія мелочи, но и цѣлыя повозки, бро-

шенныя нами: японцы не нашли и половины потерянныхъ нами походныхъ кухонъ. Дѣятельность китайцевъ была чрезвычайно полезна для насъ, такъ какъ помогала скрыть отъ японцевъ слѣды происшедшихъ недоразумѣній.

Когда черезъ 5—6 дней впечатлѣніе отступленія нѣсколько изгладилось, то пришли къ заключенію, что наши матеріальныя потери отъ паники не такъ значительны. Все имѣетъ и свою хорошую сторону, замѣчали оптимисты. Не на чемъ было вывести изъ Фын-хуанъ-чена раненыхъ, но кстати опросталось большое количество двуколокъ. Въ старину, напримѣръ, въ кавказскихъ походахъ нашихъ дѣдовъ, при отступленіяхъ нарочно сжигали частное имущество, чтобы освободить въ обозѣ мѣсто для раненыхъ. Теперь на такія крутыя мѣры наши начальники не рѣшились бы, но ходъ событій самъ привелъ къ этому результату.

Охотники нашего штаба отбили отъ китайцевъ въ горахъ 6 русскихъ лошадей; китайцевъ застали какъ разъ въ моментъ, когда они занимались парикмахерской операціей — они подстригали лошадямъ гриву на китайскій образецъ. Перепутались лошадьми между собою и полки. Еще долго послѣ этого солдаты одного полка узнавали въ другомъ своихъ лошадей и заявляли примѣты: въ такихъ случаяхъ новые владѣльцы безпрекословно уступали коней старымъ.

Арьергардъ Восточнаго отряда задержался въ 15 верстахъ отъ Фын-хуан-чена на заблаговременно выбранной Пьямынской позиціи. Позиція эта образовывалась небольшимъ горнымъ отрогомъ, пересѣкавшимъ этапную дорогу. Обстрѣлъ открывался на одну версту. Правый флангъ

былъ совершенно открытъ; на лѣвомъ высилась на рѣдкость трудно доступная огромная скалистая стѣна, которая привела бы арьергардъ къ гибели, если-бъ во время боя онъ былъ отброшенъ на нее.

Что дѣлалось за этой скалистой стѣной въ долинѣ Эйхо, въ арьергардѣ не было извѣстно. Мы просили штабъ Восточнаго отряда выслать въ этомъ направленіи развѣдку, такъ какъ это направленіе было чрезвычайно опасно для арьергарда. Полковникъ О - скій обѣщалъ отправить туда первыя свободныя кавалерійскія части.

Позиція была выбрана на корпусъ, а арьергардъ состоялъ всего изъ 5-ти батальоновъ, изъ частей третьей В. С. стрѣлковой дивизіи—9-го и 10-го полковъ и 8-ми орудій. Казалось бы, при такомъ составѣ арьергарда естественнѣе всего было командованіе имъ поручить начальству третьей дивизіи. Но начальникъ и штабъ третьей дивизіи были настолько утомлены впечатлѣніями боя, что командованіе арьергардомъ было поручено свѣжимъ силамъ - генералу Я., бригадиру 6-ой В. С. стрѣлковой дивизіи, который вмѣстѣ со штабомъ дивизіи не имѣлъ особаго дѣла, такъ какъ дивизія была раздроблена по тремъ операціоннымъ направленіямъ. При томъ дробленіи войсковой организаціи, которое въ Манчжуріи являлось постояннымъ правиломъ, часто у многихъ генераловъ и штабовъ не было прямого дѣла. Изъ нихъ формировалась вторая смѣна начальниковъ, облегчавшая и несомнѣнно сильно путавшая труды боевого руководства войсками. Если бы не тактъ моего начальника штаба, то и на Цьямынѣ путаница съ подчиненіемъ чужихъ частей могла бы имѣть крайне непріятныя послѣдствія.

Въ арьергардѣ сохранялся полный наружный порядокъ; волна безпорядка и паники, возбужденная японскимъ ударомъ, прокатилась уже дальше къ Ляояну. Потокъ бросившихъ свои части людей находился уже на Феншуйдинскомъ хребтѣ. Тамъ, среди частей, расположенныхъ на этапной дорогѣ и работавшихъ надъ укрѣпленіемъ переваловъ, подъ вліяніемъ зловѣщихъ слуховъ, распространяемыхъ преимущественно нестроевыми, потерявшими свой обозъ, разразился рядъ недоразумѣній. Была ночная стрѣльба, раненые и убитые; одинъ почтенный батальонный командиръ успѣлъ донести объ обходѣ его фланга японцами, вынуждающемъ его къ отступленію. Нѣкій телеграфный чиновникъ успѣлъ разрушить линію и отступить съ аппаратомъ; телеграфная связь Ляояна съ Фын-хуан-ченомъ оборвалась въ самый критическій моментъ. Все это было въ полуторастахъ верстахъ отъ поля сраженія. Передаю объ этихъ событіяхъ со словъ офицера-очевидца.

Въ арьергардѣ, повторяю, ничего подобнаго не было. Сохранялся полный наружный порядокъ. Но моральное настроеніе было не блестящее. Всѣ чувствовали невыгоды положенія и нервничали. Арьергардъ состоялъ изъ частей свѣжихъ, не участвовавшихъ въ бою, а только присутствовавшихъ при пораженіи товарищей; но присутствіе при пораженіи въ моральномъ отношеніи часто равносильно самому пораженію. Это одна изъ причинъ, почему надо избѣгать вводить войска въ бой по частямъ и избѣгать сохранять до конца на полѣ сраженія большое количест[illegible] дѣйствующихъ войскъ, что является у насъ [illegible]равиломъ.

Въ первый же вечеръ на Пьямынской позиціи мнѣ пришлось присутствовать при массовой галлюцинаціи. Командиру одного изъ полковъ, полковнику М., показалось, что на фронтѣ и передъ правымъ флангомъ нашего расположенія мелькаютъ разноцвѣтные огни, точно насъ обходила цѣлая армія сигнальщиковъ. Онъ заразилъ очень многихъ офицеровъ и солдатъ; кучки людей собирались на позиціи и вглядывались въ темноту, въ горизонтъ. У всѣхъ уже сложилось убѣжденіе, что японцы обойдутъ нашъ правый флангъ, и соотвѣтственно этимъ соображеніямъ являлись галлюцинаціи. Высланныя штабомъ конно-охотничьи команды опровергали слухи о японскомъ обходѣ, но большинство болѣе довѣряло своимъ непосредственнымъ зрительнымъ впечатлѣніямъ.

Какъ выяснилось, японскій авангардъ стоялъ отъ насъ въ 15 верстахъ; японцы, вѣроятно, отдыхали отъ боя и налаживали свой тылъ. Наступленіе японцевъ могло начаться въ любую минуту. Мы готовились къ бою и усиливали свое расположеніе окопами. Войска еще не искусились въ саперномъ дѣлѣ, и начальникамъ приходилось присматривать за работами. Помню, былъ возведенъ какой-то удивительный окопъ, изъ котораго былъ виденъ только голубой небосклонъ. Выбрали 3—4 тыловыхъ позиціи для послѣдовательнаго отступленія; на первой тыловой позиціи заблаговременно установили половину нашей артиллеріи — четыре пушки, вырыли ложементы и колѣнные окопы. Начальникъ арьергарда, генералъ Я., былъ не вполнѣ здоровъ и поручилъ своему начальнику штаба распоряжаться всѣмъ. Подполковникъ Од. леталъ по всей позиціи, налаживалъ и телефонное сообщеніе, и уста-

новку пушекъ, помогалъ ротнымъ командирамъ трассировать окопы. Онъ принадлежалъ къ числу людей, которые въ минуты затишья предоставляютъ работу другимъ, ограничиваясь только общимъ наблюденіемъ; но въ минуты кризиса, когда у другихъ руки начинаютъ опускаться, — эти люди выступаютъ на первый планъ: чѣмъ хуже положеніе, тѣмъ тверже они держатъ бразды правленія. Подполковникъ Од. былъ прекраснымъ работникомъ въ арміи, полагающимъ свою задачу въ устраненіи треній, въ соединеніи всѣхъ усилій въ одно цѣлое. Въ немъ не было никакого эгоизма, что въ манчжурской атмосферѣ производило даже странное впечатлѣніе.

Генералъ Куропаткинъ въ Ляоянѣ, повидимому, сильно безпокоился за арьергардъ Восточнаго отряда. Безпокойство это выражалось въ стремленіи командующаго арміей руководить укрѣпленіемъ позиціи на пять батальоновъ, во вмѣшательствѣ въ небольшую работу, производившуюся на 170-ти верстномъ разстояніи отъ него. Досужіе ляоянскіе критики приписали наше Тюренченское пораженіе отсутствію у насъ сомкнутыхъ укрѣпленій; выводъ былъ сдѣланъ à priori, безъ точныхъ данныхъ о боѣ. Поэтому генералъ Куропаткинъ предъявилъ требованіе, чтобы Пьямынская позиція, допускавшая только одинъ методъ дѣйствія — отступленіе послѣдовательно частями — была усилена редутами. Пришла одна телеграмма, затѣмъ другая. 20-го апрѣля утромъ въ штабъ явился офицеръ, изъ числа окончившихъ инженерную академію и отрапортовалъ: по приказанію командующаго арміей, наряженъ строить намъ редуты.

Стрѣлки еще не отошли отъ впечатлѣній и усталости 50-ти верстнаго отступательнаго марша; работы было вдоволь и по устройству стрѣлковыхъ окоповъ. Въ распоряженіе прибывшаго офицера была дана небольшая команда для трассированія тыловыхъ позицій. Сомкнутые опорные пункты только намѣчались; на тыловыхъ позиціяхъ возводили лишь небольшіе участки колѣнныхъ окоповъ, которые при отступленіи все-таки представили бы зацѣпку и составили бы остовъ арьергардныхъ позицій. Дѣлали, что могли; больше не было ни силъ, ни средствъ, ни времени. Но явилась возможность донести командующему арміей, что приступлено къ устройству трехъ или четырехъ редутовъ. Ненормальныя отношенія къ командующему арміей уже устанавливались. Въ отвѣтъ на стѣснительныя попытки центра руководить издали по телеграфу, на мѣстѣ изворачивались по - своему; исполненіе получало формальный характеръ, сущность распоряженій упускалась; внѣшность — безъ жизни, безъ смысла — вотъ все, къ чему приводили неудачныя попытки руководить мелочами издали.

20-го апрѣля, съ горъ, откуда наканунѣ чудились японскіе огни, выѣхалъ фейерверкеръ Тр-ій, мой старшій товарищъ по академіи, разжалованный изъ-за исторіи съ Д. Онъ явился къ намъ гонцомъ отъ конницы Мищенко. Вскорѣ къ намъ прибылъ и самъ Мищенко со своей казачьей бригадой. Въ арьергардѣ, при общей моральной подавленности, прибытіе отряда уважаемаго генерала было встрѣчено какъ свѣтлый праздникъ. Всѣ кричали „ура" и чуть ли не цѣловались другъ съ другомъ. Сразу моральное настроеніе измѣнилось. Общій подъемъ духа захватилъ и

меня, и я съ особымъ удовольствіемъ слушалъ спокойную рѣчь дѣльнаго генерала. Репутація его и тогда стояла очень высоко среди В. С. стрѣлковъ. Я видѣлъ теперь собственными глазами, какъ иногда важно подсыпать чего-нибудь свѣжаго и крѣпкаго духомъ къ людямъ, уже морально истощеннымъ и колеблющимся. Какъ опасно убирать что-нибудь изъ боевой части— въ этомъ я убѣдился впослѣдствіи, въ бою подъ Тхавуаномъ.

Отрядъ генерала Мищенко подошелъ къ намъ отъ устьевъ Ялу. О нашей неудачѣ у Тюренчена Мищенко узналъ не сразу; получивъ приказъ объ отступленіи, онъ по своему обыкновенію отступалъ не спѣша. На слѣдующій же день его отрядъ снова покинулъ насъ; онъ ушелъ въ направленіи къ Сюяню. Посѣщеніе имъ нашего арьергарда у Пьямыня оказалось такимъ образомъ визитомъ кратковременнымъ, но чрезвычайно благодѣтельнымъ, по крайней мѣрѣ для нашего арьергарда.

Черезъ наше расположеніе рысью проѣхали на развѣдку первыя сотни дивизіи генерала Ренненкампфа, прибывшія усиленными переходами на поддержку Восточнаго отряда. Свѣдѣній о противникѣ и объ обстановкѣ у насъ не спрашивали. Черезъ два часа провезли назадъ нѣсколько раненыхъ казаковъ; ихъ развѣдка только подтвердила донесеніе нашихъ конно-охотничьихъ командъ, остававшихся въ соприкосновеніи съ противникомъ.

Вечеромъ, 21-го апрѣля, Фын-хуан-ченъ былъ очищенъ отъ нашихъ обозовъ и раненыхъ; въ ночь на 22-е арьергарду было указано очистить Пьямынскую позицію. Японцы уже надвигались. Помню, произошелъ случай, который могъ привести нашъ арьергардъ къ гибели. Штабъ

арьергарда былъ соединенъ со штабомъ Восточнаго отряда телефономъ и линіей летучей почты. Въ 2 часа ночи арьергарду было послано приказаніе немедленно отходить—и по телефону и по летучей почтѣ. Телефонограмма была редактирована такъ: „Пьямынь, генералу Я. Начальникъ Восточнаго отряда приказалъ вамъ немедленно прибыть въ Фын хуан-ченъ". Телефонная станція находилась отъ штаба въ одной верстѣ, такъ какъ не хватило проволоки. Лично переговорить по телефону было затруднительно. Генералъ Я., получивъ ночью телефонограмму, рѣшилъ, что онъ за что-то отставленъ отъ командованія арьергардомъ; съ тяжелымъ сердцемъ собралъ онъ свои пожитки, передалъ подполковнику Од., чтобы онъ распоряжался впредь до назначенія другого начальника, и потихоньку отправился въ Фын-хуан-ченъ, куда прибылъ въ 8 часовъ утра. Толково написанное приказаніе, направленное по летучей почтѣ, несмотря на стоявшіе на конвертѣ три креста, двигалось, повидимому, съ остановками: отправленное въ 2 часа ночи, оно было доставлено только въ 7 часовъ утра; 15 верстъ приказаніе съ тремя крестами шло 5 часовъ. Только поздно утромъ арьергардъ собрался отступать. Японцы не насѣдали, и намъ не пришлось расплатиться кровью за происшедшее недоразумѣніе.

XI.

Феншуйлинъ.

Во время нашей задержки на Пьямынской позиціи всѣ очень безпокоились за отрядъ полковника Лечицка-

го — батальонъ съ горной батареей, — выдѣленный къ Амбихэ. Болѣе слабые начальники упрекали полковника Лечицкаго за фантазію взять съ собою въ опасную командировку знамя, которое можно было заблаговременно отправить въ обозъ. Потери знамени боялись по крайней мѣрѣ столько же, какъ и уничтоженія всего отряда. Только мой начальникъ штаба, подполковникъ Од., твердилъ, что знамя находится въ хорошихъ рукахъ, и японцамъ не легко будетъ захватить его.

Связь съ полковникомъ Лечицкимъ пресѣклась еще до Тюренченскаго сраженія. Генеральнаго штаба капитанъ Куракинъ утонулъ подъ японскими пулями въ рѣкѣ Эйхо, дѣлая тщетную попытку прорваться къ Амбихэ.

Наконецъ, 22-го Апрѣля отрядъ Лечицкаго въ образцовомъ порядкѣ подошелъ къ Фынъ-хуан-чену. Помню, мимо меня проходила горная батарея. На вооруженіи ея состояли какія то удивительныя орудія не только что образца, но и изготовленія 1875 года; эти пушки на своемъ вѣку дали уже во много разъ болѣе выстрѣловъ, чѣмъ положено. Съ объявленіемъ мобилизаціи, съ помощью искусныхъ китайскихъ кузнецовъ, удалось подправить немного матеріальную часть. Эти пушки могли еще стрѣлять, но по дѣйствительности ихъ огонь на всѣхъ дистанціяхъ значительно уступалъ ружейному огню, и потому эти пушки оказались для боя непрактичными. За то лошади были въ прекрасномъ видѣ. Каждая изъ нихъ, кромѣ положеннаго по штату вьюка, несла еще добавочный грузъ — всякіе запасы и живность. Солдатики посмѣивались — „провизія сама ѣдетъ" — восклицали они, когда какой нибудь пѣтухъ, привязанный къ навьючен-

ному лафету, начиналъ кричать. Видно было, что здѣсь о паникѣ не могло быть и рѣчи.

При эвакуаціи Фын-хуан-чена произошло недоразумѣніе: забыли уничтожить остатки нашего интендантскаго склада и громадные амбаръ съ зерномъ двухъ китайскихъ купцовъ. Эти купцы отказывались продавать намъ свои запасы даже по очень большой цѣнѣ. Быть можетъ, они занимались спекуляціей и ожидали дальнѣйшаго повышенія цѣнъ; а можетъ быть было и такъ, какъ говорили въ Восточномъ отрядѣ,—что эти склады собраны по заказу японскихъ интендантовъ. Склады должны были быть сожжены нами; но въ послѣднюю минуту что-то остановило приведеніе въ исполненіе этого намѣренія.

Отъ Фын-хуан-чена Восточный отрядъ двинулся двумя колоннами: части третьей В. С. стрѣлковой дивизіи отходили по большой этапной дорогѣ, части шестой В. С. стр. дивизіи — горными дорогами на Модулинскій перевалъ. Эти дороги не были предварительно рекогносцированы; штабъ Восточнаго отряда не могъ дать намъ точнаго маршрута. По картѣ намъ было указано нѣсколько комбинацій горныхъ дорогъ — изъ нихъ одна была вѣрная. Начальникъ штаба Восточнаго отряда, полковникъ О—скій, сообщилъ намъ, что онъ не можетъ ручаться ни за одно направленіе, но что здѣсь безусловно можно пройти—китайскія арбы проѣзжаютъ этой стороной изъ Ляояна въ Фын-хуан-ченъ, когда по какимъ либо основаніямъ уклоняются отъ слѣдованія большой дорогой. Чтобы облегчить маршъ нашей колонны, при ней были оставлены лишь самыя нужныя повозки; на шесть ба-

тальономъ нашей пѣхоты намъ было придано только два уцѣлѣвшихъ въ Тюренченскомъ бою орудія.

Дневка намъ указывалась уже на Феншуйлинскомъ хребтѣ, у Модулинскаго перевала. До этого времени, въ теченіе трехъ переходовъ, мы должны были двигаться самостоятельно; связь съ главной колонной въ теченіе этихъ трехъ дней нарушалась.

Маршъ къ Модулину по неизвѣстнымъ дорогамъ удался вполнѣ. Въ нашемъ штабѣ, кромѣ меня, имѣлся и другой офицеръ генеральнаго штаба, капитанъ С. М., только что прибывшій на театръ военныхъ дѣйствій. Мы ѣхали поочередно впереди съ конными охотниками, руководствуясь проторенностью дороги и имѣвшейся картой; два раза мы забирались въ тупики, но успѣвали своевременно задержать движеніе колонны; крюковъ дѣлать не приходилось; удалось даже случайно найти кратчайшій и удобнѣйшій колесный перевалъ, не обозначенный на картѣ. Это была единственная крупная ошибка нашей двухверстной инструментальной карты южной Манчжуріи, которую мнѣ пришлось замѣтить въ прошлую кампанію.

Нашъ маршъ ознаменовался недоразумѣніемъ съ китайцами. По мѣрѣ движенія мы замѣчали, что на вершинахъ горъ загорались огромные костры. Сразу же было рѣшено, что это сигнализація японскихъ шпіоновъ. Охотники поймали китайца, поджигавшаго на горѣ костеръ; дѣло для него могло-бы принять дурной оборотъ, но онъ воспользовался халатностью штабныхъ охотниковъ, и убѣжалъ изъ подъ ихъ присмотра. Я лично не допускаю, чтобъ у японцевъ была такая сложная организація шпіон-

ства и сигнализаціи. Дѣло объясняется проще; у китайцевъ въ горахъ еще господствуетъ подсѣчная система земледѣлія. Для удобренія пашенъ на высокихъ сопкахъ употребляется зола; весной на пашню сносится срубаемый по близости молодой лѣсъ и хворостъ: все это зажигается и образуетъ огромный костеръ. Случайное совпаденіе этихъ полевыхъ работъ китайцевъ съ движеніемъ нашей колонны и вызвало наши подозрѣнія.

На походѣ мы довольствовались мѣстными средствами; въ главной колоннѣ, получавшей припасы отъ интендантства, произошли недоразумѣнія. Такъ какъ колоннѣ приходилось двигаться по раіону, средства котораго были уже исчерпаны, то интендантство оборудовало этотъ путь отступленія продовольственными запасами; черезъ каждый переходъ на дорогѣ были оставлены магазины съ запасами въ размѣрѣ однодневной потребности колонны. Однако, войсковыя части не обращались съ требованіями въ эти склады. За отпущенные запасы съ частей удержали-бы соотвѣтствующую часть приварочныхъ и фуражныхъ денегъ. У интендантства не было перевозочныхъ средствъ, и поэтому не разобранные войсками запасы приходилось сжигать. Войска усвоили такой пріемъ: всѣ выжидали послѣдней минуты, когда отдавалось распоряженіе поджечь складъ, чтобы тогда разобрать его безплатно. Понятно, выходили недоразумѣнія съ чинами интендантства: ихъ совершенно точные разсчеты вводили казну въ убытокъ, что ихъ не рекомендовало. Даже въ тяжелыя минуты, подъ вліяніемъ нежданнаго пораженія, въ нашихъ частяхъ сильно чувствовался духъ эгоизма отдѣльныхъ частей; рутина завѣдыванія хозяй-

ствомъ и въ критическія минуты вела къ тому, что боролись за интересы полка противъ интересовъ казны; часть боролась противъ цѣлаго.

На Модулинскомъ перевалѣ къ намъ прибылъ генералъ-маіоръ Ром-овъ, назначенный командовать дивизіей вмѣсто генерала Т. Съ новымъ начальникомъ въ нашъ штабъ прибыли новыя лица — третій офицеръ генеральнаго штаба, капитанъ С., и ординарецъ, штабсъ капитанъ Ск., бывшій гусаръ. Для имѣвшихся въ наличіи шести батальоновъ штабъ сталъ нѣсколько многочисленнѣе, чѣмъ было нужно.

Я исполнилъ двѣ рекогносцировки; въ одну изъ нихъ могъ убѣдиться, насколько вреденъ обычай принимать во время войны на службу отставныхъ офицеровъ съ замаранной репутаціей. Мнѣ указано было проѣхаться къ китайской деревушкѣ Тинтею, верстахъ въ 40 отъ нашего штаба, чтобы показать дорогу къ ней четыремъ казакамъ, которые могли бы впослѣдствіи служить проводниками. Отъѣхавъ уже верстъ 10 за линію расположенія нашихъ войскъ, я неожиданно наткнулся на отдыхающихъ въ рощицѣ три взвода казаковъ. На рекогносцировкѣ очень пріятно встрѣтить своихъ, но полученное мною тогда впечатлѣніе было самымъ непріятнымъ за всю кампанію. Я и теперь излагаю его съ большимъ чувствомъ гадливости.

Я встрѣчаю казачьяго офицера, спрашиваю его, куда они и зачѣмъ. Онъ указываетъ мнѣ начальника разъѣзда, Д., за весьма громкую исторію уволеннаго два года передъ тѣмъ въ отставку; воспользовавшись войною,

онъ снова оказался на службѣ, но такъ какъ общество его было мало пріятно, то его съ сильнымъ разъѣздомъ высылали куда нибудь подальше. Подхожу къ Д., представляюсь. Вижу, Д. совершенно ненормаленъ; съ нимъ дѣлается припадокъ рвоты, я не успѣваю уклониться,— мой сюртукъ пострадалъ. — Простите,—говоритъ Д.,— у меня желудокъ болѣлъ, я принялъ большую дозу опіума, и теперь у меня рвота отъ отравленія опіумомъ. — Запахъ спирта ясно давалъ понять, сколько вѣры можно было дать его объясненію.

Оказалось, что и онъ получилъ приказаніе идти къ деревнѣ Тинтею. По отношенію къ японцамъ приходилось совершать фланговый маршъ. Въ Тинтею вели двѣ дороги — одна опасная, поближе къ японцамъ, на которой уже побывали непріятельскіе разъѣзды, и другая—спокойная и сравнительно хорошая— удобная и кратчайшая. Д. получилъ приказаніе освѣтить опасное направленіе, „но", говорилъ онъ мнѣ, „куда я дѣнусь съ моими тремя взводами на узкой горной дорожкѣ въ случаѣ встрѣчи съ японцами?" Онъ меня просилъ проѣхать по ней, причемъ для усиленія моего разъѣзда давалъ еще шесть своихъ казаковъ. Хотя я предполагалъ сначала ѣхать по болѣе вѣрной и хорошей дорогѣ, но глядя на состояніе Д., я рѣшилъ, что бѣдные казаки могутъ сильно пострадать подъ руководствомъ такого начальника; я согласился, и немедленно отправился дальше, такъ какъ на душѣ дѣлалось нехорошо.

Мой разъѣздъ состоялъ изъ двухъ моихъ охотниковъ, четырехъ казаковъ одного полка и шести казаковъ другого. Тяжело двигаться въ сферѣ вліянія противни-

ка съ такимъ смѣшаннымъ составомъ. Постоянно приходилось разбирать пререканія—кому ѣхать въ головномъ дозорѣ, постоянно приходилось увѣщевать и грозить головному дозору, чтобы онъ, хотя бы на 100 шаговъ, отдѣлялся отъ ядра разъѣзда; трудно командовать незнакомыми людьми. Я былъ настолько занятъ внутреннимъ управленіемъ разъѣзда, что не замѣтилъ, какъ мы сбились съ пути. Кто знаетъ, какъ нелегко разобратъся въ незнакомыхъ горахъ по картѣ, лишенной оріентировочныхъ пунктовъ, тотъ не будетъ меня строго осуждать. Мы проѣхали въ нужномъ направленіи по параллельнымъ тропинкамъ, пересѣкая огромные хребты, наконецъ, очень усталые, вышли на большую дорогу въ двухъ верстахъ отъ Тинтею. Лошадь у моего охотника захромала; ее можно было вести только въ поводу. Я рѣшилъ остановиться и сдѣлать привалъ. Задачу свою я счелъ оконченной: казаки, которымъ я долженъ былъ показать дорогу въ Тинтею, видѣли издали это селеніе и при обратномъ возвращеніи должны были изучить ведущую въ Тинтею хорошую дорогу.

Черезъ два часа ожиданія ко мнѣ подошелъ съ разъѣздомъ Д.; онъ уже протрезвился и выглядѣлъ сконфуженно. Я ему объяснилъ путь, который прошелъ, передалъ ему его казаковъ, и тронулся назадъ. Мы ѣхали шагомъ, часто спѣшиваясь. Жалко было охотника съ захромавшей лошадью. И онъ, и лошадь выбивались изъ силъ. Поздно вечеромъ вернулся я въ штабъ, сдѣлавъ въ этотъ день 80 очень тяжелыхъ верстъ, и доложилъ по картѣ, что мною было исполнено.

На слѣдующій день пришло донесеніе Д. Онъ доносилъ начальнику Восточнаго отряда, но по пути его донесенія должны были прочитываться въ нашемъ штабѣ. Боясь, вѣроятно, что я сообщу куда слѣдуетъ, въ какомъ видѣ я его засталъ, онъ начиналъ съ доноса на меня, хотя наша встрѣча была совершенно случайная: „разъѣздъ штабсъ капитана Свѣчина не исполнилъ поставленной ему задачи. Штабсъ капитанъ Свѣчинъ сбился съ дороги и шелъ безъ всякаго толка, безъ дорогъ. Указанной ему цѣли движенія — Тинтею — штабсъ - капитанъ Свѣчинъ не достигъ, остановившись въ деревнѣ такой-то, въ 2-хъ верстахъ отъ нея". О, милый боевой товарищъ!...

Обстановка въ это время была туманная — мы не знали и не догадывались о намѣреніяхъ командующаго арміей. Японцы медленно подвигались вслѣдъ за нами. Для характеристики неясности положенія привожу слѣдующій фактъ: генеральнаго штаба капитанъ С.-М. доносилъ, что по свѣдѣніямъ ресторатора въ Таванѣ, грека, мы еще 2 недѣли будемъ занимать Феншуйлинскій хребетъ; онъ разсчитываетъ еще торговать это время.

На Модулинскомъ перевалѣ наши войска укрѣплялись. Работа шла еще въ то время, когда наши войска держались на Ялу. При общей слабости нашихъ силъ, выставленныхъ къ Востоку отъ Ляояна, мы заблаговременно удержали на Феншуйлинскомъ хребтѣ значительную часть пѣхоты и саперъ для заблаговременнаго укрѣпленія переваловъ. Результатъ этой работы былъ сравнительно ничтоженъ. Прежде чѣмъ падать, мы предусмотрительно подстилали себѣ солому.

Позиціи на горномъ хребтѣ такого характера, какъ Феншуйлинскій, чрезвычайно трудны для обороны. Феншуйлинскій хребетъ былъ проходимъ почти повсюду и для пѣшихъ, и для конныхъ. Нужно было умышленно закрывать себѣ глаза, чтобы съ серьезнымъ видомъ закупоривать 5 — 6 изъ сотни проходовъ Феншуйлинскаго хребта.

Расположеніе нашихъ войскъ на Феншуйлинскомъ хребтѣ объяснялось только умышленнымъ самообманомъ, умышленнымъ предвзятымъ взглядомъ на хребетъ высотою въ 2000 фут., какъ на непроходимое препятствіе. Вслѣдствіе общей фальшивой идеи расположенія войскъ, въ принятомъ каждой частью положеніи для боя должны были заключаться недоразумѣнія. На ложномъ основаніи зиждилось и укрѣпленіе горныхъ проходовъ. Работа нашихъ саперъ, весьма почтенная въ деталяхъ, по сути своей никуда не годилась. Все вниманіе обращалось на то, чтобы обстрѣлять перекрестнымъ огнемъ колесную дорогу, шедшую на перевалъ, — будто противникъ угрожалъ намъ атакой на автомобиляхъ, или будто онъ собирался повторить атаку Наполеоновской конницы подъ Соммо-Сіера. Фланги расположенія нашихъ отдѣльныхъ отрядовъ заранѣе предлагались на съѣденіе противнику. Тяжелые вопросы, которые ставила обстановка, не разрѣшались, а откладывались въ дальній уголъ. Употреблялся методъ, обычный для тѣхъ случаевъ, когда явная несообразность логически угрожаетъ всему выработанному плану дѣйствій — хватались за якорь спасенія — за охотничьи команды. Ихъ активнымъ дѣйствіямъ поручались задачи, не разрѣшимыя попеченіемъ строевыхъ начальниковъ. Въ общемъ, наше

расположеніе въ горныхъ проходахъ никуда не годилось.

Повидимому, генералъ Куропаткинъ сознавалъ это и не обманывалъ себя призрачной надеждой на силу горныхъ позицій. Тюренченскій урокъ пока еще хорошо держался въ памяти. Поэтому командующій арміей рѣшилъ, въ случаѣ серьезнаго наступленія японцевъ, не рисковать новой неудачей въ аріергардныхъ бояхъ на Феншуйлинѣ. Главная масса войскъ Восточнаго отряда была отведена сразу къ Ландясаню; 11-ый и 12-ый В. С. стрѣлковые полки тамъ устраивались, пополняя потери въ людяхъ и матеріальной части. На перевалахъ было оставлено только 2 полка — 9-ый и 24-ый; имъ генераломъ Куропаткинымъ была дана инструкція — не только не ввязываться въ бой съ превосходнымъ въ силахъ противникомъ, но отходить и передъ численно равнымъ. Драться имъ разрѣшалось только навѣрняка. Въ поддержку имъ въ переходѣ позади, у Тавана, былъ удержанъ N-ый Восточно-Сиб. стр. полкъ. Командованіе тремя полками было объединено въ рукахъ начальника нашей дивизіи, генерала Ром-ова. Одна угроза наступленія японской арміи заставила-бы насъ очистить перевалы и отойти къ Ландясаню. Но это движеніе было-бы стратегической авантюрой, и японцы на это не пошли. Куроки оттянулъ свой авангардъ къ Селюджану.

XII.

Бездѣлье.

Штабная работа заключалась въ простой перепискѣ бумагъ и донесеній. Всѣ входящія бумаги, имѣвшія ка-

кое-либо отношеніе къ боевымъ дѣйствіямъ, немедленно передавались, безъ всякой критики, въ слѣдующія инстанціи. Практическій пріемъ былъ таковъ: за адресомъ начальствующаго лица писалось — „N доноситъ" — двоеточіе (обязательно прописью), затѣмъ слѣдовала точная копія донесенія, буква въ букву. Малѣйшая попытка проявить свою частную инициативу, хотя бы въ видѣ правильной разстановки знаковъ препинанія, встрѣчала свыше жестокое порицаніе. Этотъ методъ, принятый и многими другими начальниками, объясняетъ происхожденіе того моря бумагъ, въ которомъ тонули штабы; критики не было отъ начала до конца, любая нелѣпость проходила черезъ всѣ инстанціи; къ такому способу дѣйствій мы уже подготавливаемся въ мирное время, распложая циркуляры и всякую переписку. Часто вмѣсто того, чтобы написать одному лицу 2 строчки, сообщаютъ длиннѣйшее посланіе всѣмъ чинамъ россійской арміи. Изъ общаго бумажнаго хлама мы не пріучаемъ себя выдѣлять нужное и дѣльное.

Моя лично дѣятельность была ограничена перепиской; когда начальнику дивизіи приходилось самому диктовать какую-нибудь бумагу, онъ не довѣрялъ моему искусству въ письмѣ подъ диктовку и всегда вызывалъ писать самого начальника штаба.

Начальникъ дивизіи затребовалъ справку, когда утромъ пробуждаются японцы? По обсужденіи этого вопроса представленъ былъ докладъ, что японцы встаютъ, вѣроятно, около шести часовъ утра. Послѣдовала резолюція: „намъ вставать всегда въ пять часовъ утра, дабы во всемъ и всегда предупреждать японцевъ".

Нѣсколько дней такого режима — и въ штабѣ „люди стали тѣнями“.

Нашъ новый начальникъ дивизіи получилъ особую задачу — подтянуть и подбодрить дивизію. На N-ый полкъ взвалена была отвѣтственность за Тюренченское пораженіе. Естественно, что разъ случилась неудача, и не догадались и не захотѣли или не рѣшились объяснить ее общими причинами, то надо было искать физическихъ виновниковъ, искать козла отпущенія. Въ тѣхъ случаяхъ, когда между частями одной дивизіи оказываются части другой, то, конечно, на случайныхъ товарищей и подчиненныхъ легче всего свалить причины неудачи, если этому не препятствуютъ рыцарскіе взгляды начальниковъ на общую солидарность всѣхъ чиновъ арміи.

Не скажу, чтобы N-ый полкъ дѣйствовалъ особенно хорошо подъ Тюренченомъ. Но и въ немъ были люди отличившіеся, отступавшіе медленно, не охотно, упорно сдерживавшіе натискъ японцевъ. Ни одна изъ дравшихся въ Тюренченскомъ бою частей совершенно не проявила военнаго искусства; еще большой вопросъ, кто дѣйствовалъ неискуснѣе всѣхъ. При общей спутанности тактическихъ понятій тогда судили о доблести главнымъ образомъ по потерямъ, а N-ый полкъ потерялъ вчетверо менѣе другихъ полковъ, такъ какъ при отступленіи ему удалось уклониться отъ разстрѣла. Недостатокъ потерь былъ главнымъ минусомъ N-го полка, и это рѣшило невыгодное для него направленіе тыловыхъ сплетенъ. Назначено было дознаніе — третье за промежутокъ времени въ 2 недѣли. Въ результатѣ былъ отста-

вленъ отъ командованія полкомъ полковникъ Г., что во всякомъ случаѣ было очень хорошо.

Какъ всегда, при бездѣйствіи обратили особое вниманіе на развѣдку—будто развѣдка, если ничего не предпринимается, не обращается въ пустое любопытство. Зачѣмъ собирать дорого стоющія свѣдѣнія, если ими никто не будетъ пользоваться?

Въ самомъ началѣ мая, мы увидѣли шедшую на подкрѣпленіе Восточнаго отряда развѣдочную команду. Она была не велика числомъ — всего около 30 человѣкъ, но за-то замѣчательна по своему составу. Она была сформирована попеченіемъ полковника П. Л., офицера черногорской, итальянской и русской службы. Непосредственно командовалъ отрядомъ пѣхотный офицеръ съ большимъ Маузеромъ въ деревянной кобурѣ на боку. Обмундированъ былъ отрядъ по черкесскому образцу, съ шашками и кинжалами. Лошади были осѣдланы по казачьему.

Начальникъ штаба нашей дивизіи заинтересовался этими добровольцами. Оказалось, что изъ трехлинейной винтовки эти добровольцы еще ни разу не стрѣляли. Нѣкоторые и вообще впервые видѣли ружья. Половина ихъ въ первый разъ сѣла на лошадей. Одинъ доброволецъ, по профессіи морякъ, на вопросъ, какъ онъ поѣдетъ, отвѣчалъ, что катался же онъ на лодкахъ; отчего же ему не ѣхать верхомъ? Отвѣтъ прямо изъ крыловской басни „Щука и котъ".

Добровольцы были неудачниками всѣхъ профессій: моряки, повара, недоучившіеся гимназисты и кадеты. Главная масса состояла изъ восточныхъ людей, которыхъ привела сюда страсть къ приключеніямъ и наживѣ; до чуждаго имъ русскаго отечества имъ было, конечно,

очень мало дѣла. Начальникъ штаба отобралъ изъ этого общества четырехъ порядочныхъ юношей, и устроилъ ихъ вольноопредѣляющимися въ стрѣлковые полки; жалко было оставлять ихъ въ этомъ сомнительномъ отрядѣ. Черезъ нѣсколько дней на развѣдкѣ добровольцы разсѣялись; каждый занялся болѣе свойственной ему профессіей. Снаряженъ отрядъ былъ, конечно, не на собственныя, а на казенныя деньги.

Развѣдка велась, однако, не добровольцами, да и не кавалеріей — по преимуществу работали охотничьи команды и работали въ этотъ первый періодъ войны добросовѣстно. Въ общемъ, развѣдка велась крайне неумѣло. Особенно неопытны и неумѣлы были не младшіе начальники - исполнители, а высшіе, руководившіе развѣдкой. Крайне робкое въ серьезныхъ дѣйствіяхъ, наше управленіе въ организаціи развѣдки отличалось и большой смѣлостью, и непрактичностью. Развѣдочныя команды получали странныя задачи. Обслѣдованіемъ фронта противника не довольствовались; стремились войсковыми частями обслѣдовать тылъ противника, расположеніе его главныхъ силъ, открыть „планы и намѣренія врага". Какъ сквозь сито, гнали черезъ непріятельскіе аванпосты наши охотничьи команды. Изъ полковъ выбирались лучшіе нижніе чины, лучшіе офицеры; имъ давались самыя туманныя инструкціи; собранныя команды угонялись за 100 верстъ на гибель, тѣмъ болѣе вѣрную, чѣмъ отважнѣе были офицеры. Сотни пропавшихъ безъ вѣсти оплачивали совершенно нестоющее свѣдѣніе, принесенное однимъ удачникомъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1904 года это преступное уничтоженіе лучшихъ силъ Восточнаго отряда

воспитались на побѣдахъ; побѣда необходима арміи, какъ воздухъ. Иначе теряется смѣлость и рука, наносящая ударъ, сама задерживаетъ его въ послѣднее мгновеніе. Нужна полная стратегическая бездарность, чтобы изъ ряда пораженій и отступленій комбинировать стратегическіе планы.

Организовывалась и тайная развѣдка; но къ этому дѣлу пристроились темные люди, не имѣвшіе никакого понятія о развѣдочной работѣ. Они занимались не установленіемъ фактовъ, а предсказаніемъ. Каждый изъ нихъ по своему гадалъ и своими пророчествами путалъ довѣрявшихся имъ начальниковъ. Не имѣя никакого понятія о веденіи военныхъ операцій, естественно, они предрекали совершенныя нелѣпости. Чтобы дать понятіе о цѣнности собираемаго ими фактическаго матеріала, приведу два примѣра. Одно сообщеніе гласило, что въ арміи Куроки появились новыя части, комплектованныя маленькими людьми съ большими головами. Въ штабѣ нашей дивизіи много смѣялись по этому поводу, въ особенности, когда узнали, что горе-развѣдчикъ предполагаетъ подъ этимъ прибытіе дивизіи съ острова Формозы, комплектованной по его мнѣнію мѣстными уроженцами, почему то отличающимися малымъ ростомъ и большой головой. Другое сообщеніе гласило, что у японцевъ появились малыя пушки, стрѣляющія безъ лафета. Ихъ или привязываютъ къ деревьямъ при стрѣльбѣ, или опираютъ на солдатскую спину. Въ подтвержденіе этого извѣстія показывалась гильза, доставленная агентомъ-китайцемъ. Помню, у насъ въ штабѣ какъ разъ всѣ завтракали, и гильза пошла по рукамъ. Нашему ветеринарному врачу удалось

15 охотниковъ погибли безъ вѣсти. 21-го іюня начальнику команды въ единственномъ числѣ удалось прорваться черезъ японскіе посты и выйти къ намъ. Онъ воспользовался тѣмъ, что вниманіе японцевъ было отвлечено боемъ, который ниже будетъ описанъ. Видъ поручика К. былъ ужасенъ. Босой, хромой, почти голый, съ однимъ револьверомъ, исхудавшій и почти сумасшедшій, онъ, единственный вернувшійся назадъ изъ полусотни погибшихъ на томъ же дѣлѣ офицеровъ,—не могъ сказать объ японцахъ ничего цѣннаго.

Въ этихъ развѣдочныхъ дѣлахъ мы теряли не только лучшихъ людей Восточнаго отряда,—мы теряли вѣру въ себя, мы постепенно пріучали всѣхъ къ неудачамъ, постепенно разучивались одерживать побѣды.

На вопросъ, могутъ ли боевыя дѣйствія разучить драться, можно смѣло отвѣтить, что могутъ. Если каждый бой оканчивается неудачей, то постепенно теряется способность къ совмѣстной работѣ, которая въ военномъ дѣлѣ представляетъ такую цѣнность, теряется „сердце". Съ этимъ явленіемъ знакомъ каждый, кто принималъ участіе въ скачкахъ: ѣздокъ прекрасно беретъ барьеры, но одно неудачное паденіе—и сердце теряется, всадникъ передъ каждымъ барьеромъ или падаетъ, или лошадь подъ нимъ закидывается; точно такъ же человѣкъ прекрасно прыгаетъ черезъ гимнастическій снарядъ, называемый кобылой, но одинъ разъ неудачно стукнется — и съ большимъ трудомъ начинаетъ вскакивать только на начало ея. Побѣда необходима войскамъ, необходима полководцамъ; на неудачахъ можно воспитать только неудачниковъ. Всѣ великіе полководцы

воспитались на побѣдахъ; побѣда необходима арміи, какъ воздухъ. Иначе теряется смѣлость и рука, наносящая ударъ, сама задерживаетъ его въ послѣднее мгновеніе. Нужна полная стратегическая бездарность, чтобы изъ ряда пораженій и отступленій комбинировать стратегическіе планы.

Организовывалась и тайная развѣдка; но къ этому дѣлу пристроились темные люди, не имѣвшіе никакого понятія о развѣдочной работѣ. Они занимались не установленіемъ фактовъ, а предсказаніемъ. Каждый изъ нихъ по своему гадалъ и своими пророчествами путалъ довѣрявшихся имъ начальниковъ. Не имѣя никакого понятія о веденіи военныхъ операцій, естественно, они предрекали совершенныя нелѣпости. Чтобы дать понятіе о цѣнности собираемаго ими фактическаго матеріала, приведу два примѣра. Одно сообщеніе гласило, что въ арміи Куроки появились новыя части, комплектованныя маленькими людьми съ большими головами. Въ штабѣ нашей дивизіи много смѣялись по этому поводу, въ особенности, когда узнали, что горе-развѣдчикъ предполагаетъ подъ этимъ прибытіе дивизіи съ острова Формозы, комплектованной по его мнѣнію мѣстными уроженцами, почему то отличающимися малымъ ростомъ и большой головой. Другое сообщеніе гласило, что у японцевъ появились малыя пушки, стрѣляющія безъ лафета. Ихъ или привязываютъ къ деревьямъ при стрѣльбѣ, или опираютъ на солдатскую спину. Въ подтвержденіе этого извѣстія показывалась гильза, доставленная агентомъ-китайцемъ. Помню, у насъ въ штабѣ какъ разъ всѣ завтракали, и гильза пошла по рукамъ. Нашему ветеринарному врачу удалось

прочесть на ней названіе завода и номеръ калибра; все это было написано настоящими русскими буквами. Къ конфузу развѣдчиковъ, это оказалась обыкновенная гильза отъ охотничьяго ружья.

Я передаю не анекдоты, а факты; эти факты могутъ быть и теперь провѣрены по сохранившимся документамъ; и горе-развѣдчики, и свидѣтели ихъ дѣяній еще живы.

Впослѣдствіи наша тайная развѣдка давала точныя свѣдѣнія, но вначалѣ получалось что то удивительное. Какъ репортеръ уличнаго листка гонится за самыми сенсаціонными, хотя бы и ложными, слухами, такъ и наши развѣдчики изобрѣтали что-нибудь по фантастичнѣе. Когда они говорили о матеріальныхъ предметахъ, было очевидно, что они говорятъ нелѣпость, но когда они четыре раза хоронили Куроки, когда они пускали утки о движеніи японскихъ дивизій, то они сильно сбивали съ толку начальниковъ. Отмѣчу утки о наступленіи японцевъ въ іюнѣ мѣсяцѣ отъ Саймадзы на Мукденъ, о движеніи арміи Куроки къ Фушуну во время нашего отступленія отъ Ляояна къ Мукдену, о грозящемъ ударѣ двумя дивизіями съ востока группѣ Штакельберга во время Шахейской операціи, и т. д.[1]).

XIII.

Рота.

Послѣ перваго же боя въ полку образовался некомплектъ офицеровъ. Въ штабѣ дивизіи и безъ меня было

[1]) Все это я говорю про тайную развѣдку Восточнаго отряда въ маѣ—сентябрѣ 1904 года.

3 офицера генеральнаго штаба, что для нашихъ шести батальоновъ было вполнѣ достаточно. За мѣсяцъ моего прикомандированія къ штабу, несмотря на чудную личность подполковника Од., служба въ сложившихся условіяхъ рѣшительно перестала мнѣ нравиться. Я заручился обѣщаніемъ, что въ полку мнѣ дадутъ роту, какъ то и слѣдовало по закону, и 10-го мая покинулъ штабъ для строевой службы. Два слишкомъ мѣсяца я непрерывно командовалъ ротой и участвовалъ съ ней въ четырехъ бояхъ. Двухмѣсячное командованіе ротой, конечно, срокъ небольшой, но на войнѣ иной разъ справедливо считаютъ мѣсяцъ за годъ.

Даже во время войны, послѣ первыхъ боевъ, еще не установилось окончательно назначеніе офицеровъ. Ротные командиры, какъ шашки, переводились изъ одной роты въ другую, сдавали роты, отрѣшались отъ командованія, уступали мѣста старшимъ, возвращались обратно. Вакансій было много; были роты со столовыми деньгами и безъ нихъ—раненые получали содержаніе, капитаны временно командовали батальонами. Было всего 4 роты, командиры коихъ сидѣли крѣпко и сроднились со своими стрѣлками. Въ другихъ же ротахъ незнакомому офицеру приходилось вводить въ бой незнакомыхъ ему солдатъ; получалось много излишнихъ треній.

Мнѣ пришлось командовать двумя ротами; въ началѣ—первой, но затѣмъ вернулся ея законный командиръ, и я получилъ седьмую. Не скажу, чтобы на походѣ пріятно было переходить отъ одной части, которую немного изучилъ, къ другой.

Было-бы крайне ошибочно думать, что въ нашей арміи полное неуваженіе къ принципамъ устройства вооруженной силы и ломка постоянной организаціи проводится только сверху, и что низы арміи относятся враждебно ко всякой импровизаціи. Отдѣльныя личности тутъ не при чемъ, это болѣзнь всего нашего уклада жизни. О работникахъ мы думаемъ болѣе, чѣмъ объ исполняемомъ ими дѣлѣ; поэтому организація общественной работы всегда оставляетъ желать много лучшаго.

Общеизвѣстно, что численность нашихъ ротъ и батальоновъ въ прошлую кампанію была незначительна. Вслѣдъ за каждымъ дополненіемъ нашихъ частей запасными до или даже сверхъ штата, вскорѣ и безъ боевыхъ дѣлъ и какихъ либо эпидемическихъ болѣзней численность нижнихъ чиновъ падала на 20%, а то и на 40%. Боевые кадры нашей арміи оказывались какъ бы дырявымъ рѣшетомъ, задерживавшимъ въ строю лишь часть поступившихъ въ нихъ обученныхъ военному дѣлу солдатъ. Остальные подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ откомандировывались въ тылъ. Въ ротахъ было по списку 500 человѣкъ, на лицо 150.

Это явленіе можно отмѣтить не только по отношенію къ нижнимъ чинамъ, но и къ офицерамъ. По списку во вторую половину кампаніи во многихъ нашихъ трехбатальонныхъ Восточно-Сиб. стрѣлковыхъ полкахъ числилось по 120 и болѣе офицеровъ, а на лицо въ строю не всегда хватало и 12 ротныхъ командировъ. Ошибочно было бы думать, что отсутствующіе офицеры лежали въ госпиталяхъ. Большая часть была занята различными командировками въ тылу. Формальное отношеніе къ дѣ-

лу давало себя знать: лишь бы выводить въ бой опредѣленное число ротъ, а какого состава роты—объ этомъ заботились очень мало. Насколько принципы войсковой организаціи еще мало у насъ восприняты, показываетъ слѣдующій фактъ: подполковникъ Н . . . овъ, офицеръ съ прекрасной боевой репутаціей, вступилъ въ командованіе N-ымъ Восточно-Сибирскимъ стрѣлковымъ полкомъ осенью 1904 года; въ полку случайно было на лицо почти 50 офицеровъ; полкъ только что получилъ укомплектованіе. Подполковникъ Н . . . овъ очень многихъ офицеровъ устроилъ на различныхъ, чисто фиктивныхъ должностяхъ при штабѣ полка. Появился не только отдѣльный офицеръ, завѣдывавшій офицерскимъ собраніемъ, но и библіотекарь несуществующей библіотеки. Свои дѣйствія онъ мотивировалъ тѣмъ, что въ строю убыль въ офицерахъ въ каждомъ бою громадна, и что черезъ 48 часовъ послѣ начала сраженія въ боевой части не остается совсѣмъ офицеровъ; поэтому онъ искусственными мѣрами заблаговременно удерживалъ въ тылу почти половину офицеровъ въ видѣ второй смѣны, какъ резервъ начальниковъ, который долженъ расходоваться по мѣрѣ убыли офицеровъ въ войскахъ. Сраженіе для войскъ не представлялось уже въ видѣ общаго стихійнаго непреоборимаго порыва впередъ; въ бою уже не добивались побѣды, а лишь удерживали свои мѣста, исполняли тяжелый, утомительный нарядъ, держали свою очередь..... Это было результатомъ безпрерывныхъ отступленій. Сплоченности эта тяжелая школа не могла дать.

Прекрасное впечатлѣніе произвелъ на меня нашъ вновь назначенный командиръ полка, полковникъ Б. Онъ

досконально зналъ строевое пѣхотное дѣло, былъ толковъ, что на войнѣ очень важно, тактиченъ, не гонялся за мелочами, но педантично требовалъ извѣстнаго порядка. Онъ умѣлъ выбирать людей и не стѣснялъ ихъ инициативу. Онъ способенъ былъ къ широкому взгляду на вещи. Таковъ онъ былъ въ маѣ, когда принялъ полкъ. Но онъ былъ человѣкъ нервный; три мѣсяца кампаніи его совершенно извели и разстроили. Въ іюлѣ онъ былъ уже больнымъ человѣкомъ и почти негоднымъ командиромъ; по болѣзни онъ долженъ былъ сдать полкъ и отправиться въ Россію. Его впослѣдствіи порицали, судя о немъ по тому, какимъ онъ былъ передъ отъѣздомъ; но нельзя судить о дарованіяхъ человѣка тогда, когда онъ уже все хорошее, что у него было, вложилъ въ дѣло, вложилъ въ службу. Полковникъ Б. былъ совершенно не идеаломъ; но въ другихъ, не столь печальныхъ условіяхъ, онъ сохранился бы до конца исправнымъ боевымъ начальникомъ. Тотъ же процессъ выдыханія и разложенія лучшихъ солдатскихъ свойствъ я наблюдалъ и на другихъ офицерахъ, дѣйствительно несшихъ тяготы войны, наблюдалъ и на себѣ самомъ. Сохранились только тѣ, которые ничего не дѣлали, не надрывались надъ непосильными задачами.

Завѣдывавшій хозяйствомъ въ полку былъ смѣненъ; но такъ какъ у насъ не знаютъ, куда дѣвать безтолковыхъ людей, то въ данномъ случаѣ примѣнили тотъ методъ, который часто употребляется у насъ, когда хотятъ отъ кого-либо избавиться: ему дали повышеніе. Онъ былъ назначенъ начальникомъ дивизіоннаго обоза, что связывалось съ правами и содержаніемъ командира полка.

Онъ былъ не дурной человѣкъ; его назначили на эту должность, полагая, что онъ сумѣетъ управиться на этомъ архіерейскомъ мѣстѣ. Однако, практика показала, что это назначеніе было ошибочно; дивизіонный обозъ совершенно распустился; возимые запасы, лошади, люди, да и двуколки—все пришло въ полную негодность. Осенью его пришлось вновь смѣнить.

Новымъ завѣдующимъ хозяйствомъ былъ назначенъ капитанъ Зен—ичъ, отличившійся со своей ротой подъ Тюренченомъ, гдѣ онъ на протяженіи многихъ верстъ отступалъ послѣднимъ, прикрывая со своей ротой отступленіе полка. Человѣкъ толковый всюду оказываетъ дѣлу огромныя услуги. Назначенный устраивать вновь хозяйство полка, расшатанное походомъ на Ялу, Зен - ичъ дѣйствовалъ крайне энергично и разумно; надъ деньгами больше не дрожали, суммы въ полку расходовались широко, но честно; въ результатѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ полкъ обзавелся новымъ имуществомъ и разбогатѣлъ. Къ концу войны въ полку образовалась экономія въ двѣсти тысячъ рублей, въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ у сосѣднихъ частей, хотя на дѣло у насъ тратилось больше.

Однако, въ полку положеніе было пока печальное. Винтовки были почти у всѣхъ. Нѣсколько безоружныхъ людей въ ротахъ образовались вслѣдствіе возвращенія въ строй легко раненыхъ съ перевязочныхъ пунктовъ; у нѣкоторыхъ винтовки потерялись при переноскѣ раненыхъ. Этотъ недостатокъ скоро былъ восполненъ заручнымъ оружіемъ. Подсумки были у всѣхъ. Шинелей был[illegible]о—лишь половина людей сохранила ихъ.

18-го апрѣля, въ день Тюренченскаго боя, было очень жарко, и люди бросали свои скатки. Можно-ли винить ихъ въ этомъ, если разобрать условія отступленія? Одинъ искусный и храбрый артиллеристъ, особенно отличившійся въ этотъ день, поручикъ Сап-ковъ, отступая, сбросилъ съ себя для легкости сюртукъ; я его видѣлъ на большой дорогѣ ночью въ солдатской шинели, накинутой прямо на рубашку. Въ горахъ въ жаркій солнечный день немыслимо двигаться по кручамъ, безъ дорогъ, съ нашимъ снаряженіемъ; оно далеко не пригодно для равнины и совершенно не годится для горъ. Большая часть снаряженія была выброшена, и это было только естественно. Вещевыхъ мѣшковъ, патронташей, палаточныхъ полотнищъ, сапогъ у большей половины не было. Роты усиленно покупали китайскую дрель (бумажную матерію), кроили и шили изъ нея и лѣтнюю одежду, и вещевые мѣшки, и полотница палатокъ. Все это получалось, конечно, не высокаго качества. Полкъ пріобрѣлъ боевой Манчжурскій видъ, но потерялъ воинскую физіономію. Баклаги нельзя было создать изъ подручнаго матеріала, и солдаты научились ихъ цѣнить. Шанцеваго инструмента сохранилось не болѣе трети; это, конечно, отзывалось крайне невыгодно на успѣхѣ работъ. Потеря значительнаго количества шанцеваго инструмента въ каждомъ сраженіи представляетъ нормальное явленіе; къ сожалѣнію, недостатокъ въ немъ въ войскахъ восполнялся очень не скоро, послѣ большой переписки.

Съ сапогами пришлось долго возиться. Полку удалось обуться только къ зимѣ. Бывшіе у солдатъ двѣ пары сапогъ за походъ на Ялу и отступленіе на Фенщуй-

линскій хребетъ пришли въ полную негодность. Въ горахъ обувь портится чрезвычайно быстро; на бродахъ она размокаетъ, рвется о камни и кусты, на скатахъ отъ тяжести тѣла совершенно разлѣзается. Нашъ казенный сапогъ можетъ служить и въ мирное время лишь при условіи искусной его носки и бережной и аккуратной починки. Какъ сложная машина, какъ Исаакіевскій соборъ, нашъ казенный сапогъ требуетъ почти ежедневнаго ремонта, иначе въ короткій срокъ приходитъ въ негодность. Для военнаго времени конструкція его совершенно негодна. Въ горахъ казенные сапоги, поступавшіе въ носку не черненными, разваливались черезъ 12 часовъ; я не вѣрилъ своимъ нижнимъ чинамъ, что новый сапогъ, повидимому, безъ картонной подошвы, черезъ нѣсколько часовъ обращается въ негодное отребье; мнѣ пришлось самому вечеромъ 3-го іюля одѣть новые интендантскіе сапоги, такъ какъ мои собственные, державшіеся 3 мѣсяца, вышли въ бракъ. Утромъ 4-го іюля я потерялъ одну подошву, а вечеромъ того же 4-го іюля отступалъ съ ротой босикомъ. Фактъ, испытанный мною на себѣ. Лицамъ, причастнымъ къ казенному сапогу, совѣтую лично продѣлать на кручахъ и бродахъ этотъ поучительный опытъ.

За недостаткомъ сапогъ въ Манчжуріи, да и вообще въ Россіи, солдаты ходили или босикомъ, или носили мѣстную обувь — улы. Босикомъ возможно пройти лишь небольшое пространство. Даже при среднихъ переходахъ со снаряженіемъ ноги покрываются ранами; каждый шагъ вызываетъ мучительную боль. Не даромъ нашъ мужикъ, совершенно въ этомъ отношеніи неизбало-[illegible]ый, изобрѣлъ лапоть.

Мѣстная китайская обувь по своимъ свойствамъ хуже лаптя. Улы шьются изъ невыдѣланной кожи. Когда сухо, онѣ коробятся, твердѣютъ, какъ дерево, натираютъ ногу, теряютъ форму. Чтобы можно было ихъ носить, наши солдаты брали улы чуть-ли не въ вдвое болѣе ноги, набивали ихъ сѣномъ, и съ такимъ грузомъ шествовали, сильно утомляясь. Въ дождь и въ грязь улы становились совершенно негодными — кожа размокала, и дѣлалась такой мягкой и скользкой, какъ намокшая замшевая перчатка. На уклонахъ солдаты въ улахъ скользили и падали; для горъ улы совершенно не годились, такъ какъ въ горахъ нуженъ каблукъ, на подошвѣ нужны гвозди, шипы.

Если мѣстное населеніе носитъ улы, то потому, что въ грязь вообще ни одинъ добрый китаецъ не выйдетъ изъ дому. Когда мы говорили китайцамъ, что у нихъ дороги въ такомъ безобразномъ состояніи, что по нимъ въ дождь совершенно нельзя пройти, они отвѣчали, что они дорогами въ это время и не пользуются. А въ хорошую погоду, въ позднюю осень и зимой дороги въ Манчжуріи были такъ хороши, что китайцы на своихъ неуклюжихъ арбахъ ухитрялись конкурироватъ съ желѣзной дорогой даже на такихъ концахъ, какъ отъ Мукдена до Инкоу. Нашей арміи приходилось двигаться по Манчжуріи и въ дурную погоду, когда мѣстное населеніе сидѣло по домамъ, и потому мѣстныя повозки и мѣстная обувь намъ не годились [1]).

---

[1]) Такъ какъ не хватало и улъ, то командиръ полка совѣтовалъ кожи порціоннаго скота не продавать, а рѣзать

Винтовки въ полку были не въ блестящемъ состояніи. Всѣ матеріалы для смазки вышли, и теперь нечѣмъ было смазывать винтовки при чисткѣ. На открытомъ воздухѣ, подъ дождемъ, винтовки начинали ржавѣть. Ротнымъ командирамъ приходилось еженедѣльно пересматривать винтовки. На взысканія особенно разсчитывать не приходилось; надо было усилить наблюденіе. На просьбы ротныхъ командировъ дать какого-либо пригоднаго для смазки сала былъ полученъ совѣтъ топить изъ оставшихся отъ обѣда костей костяное масло. Нѣкоторые ротные командиры пытались установить эту фабрикацію, но вслѣдствіе постояннаго передвиженія, вполнѣ на войнѣ естественнаго, добываніе масла шло очень неуспѣшно, и вскорѣ было прекращено.

Отмѣчу еще причину, сильно вліявшую на ухудшеніе мѣткости нашихъ винтовокъ. Въ Манчжуріи былъ распространенъ обычай уносить раненыхъ на носилкахъ изъ винтовокъ. Въ каждой ротѣ было всего двое носилокъ. Ихъ, конечно, не хватало во время боя. Тогда устраивали носилки изъ шинелей и четырехъ ружей: — палокъ вырѣзать было негдѣ, да негдѣ было и оставлять ружья носильщиковъ. Получались носилки, на которыхъ можно было, хотя и съ трудомъ, нести раненыхъ. Неудобно было, что не было распорокъ, и потому обѣ палки носилокъ, каждая изъ двухъ ружей, сходились, что утомляло носильщиковъ. Выяснилось, что ружья, употребляемыя для устрой-

---

на части и выдавать босымъ солдатамъ для обмотки ногъ; однако, стрѣлки предпочитали ходить босыми.

ства носилокъ, получаютъ незамѣтные для глаза прогибы, которые понижаютъ мѣткость. Командиръ 3-го Сибирскаго корпуса, генералъ-лейтенантъ Ивановъ, передъ нашимъ сентябрскимъ наступленіемъ воспретилъ въ приказѣ пользоваться винтовками для этой цѣли. Однако, когда пришлось отступать отъ Каотайдзы, на рукахъ надо было нести почти 2000 тяжело раненыхъ; 8000 винтовокъ ушло на устройство носилокъ. Командиру корпуса пришлось съ этимъ примириться, такъ какъ не было рѣшимости оставить японцамъ госпиталь съ ранеными, а иного способа унести раненыхъ не было.

Подъ Тюренченомъ полкъ потерялъ половину обоза, въ томъ числѣ всѣ патронныя двуколки. Вмѣсто нихъ для патроновъ полкъ пользовался обыкновенными двуколками. Походныя кухни остались только въ четырехъ ротахъ; другія роты обходились безъ нихъ. Весь обозъ полка сократился вдвое, но вслѣдствіе энергіи завѣдующаго хозяйствомъ полкъ не терпѣлъ особыхъ лишеній. Это меня убѣждаетъ въ томъ, что размѣръ полкового обоза, установленный у насъ, слишкомъ великъ; можно обходиться и съ гораздо меньшимъ числомъ повозокъ, но при условіи, что при наступленіи подвозъ будетъ производиться особыми транспортами.

Довольствіе хлѣбомъ не скоро наладилось. Хлѣбъ выпекался частью въ полевыхъ хлѣбопекарняхъ, частью въ печахъ, которыя возводились въ полку за счетъ интендантства. Помню, печники въ ротѣ получали чуть-ли не по 2 рубля въ день за работу по устройству хлѣбопекарныхъ печей; это рѣзало глазъ, такъ какъ другіе стрѣлки трудились безплатно.

Откуда бы роты ни получали хлѣбъ, изъ полковыхъ или интендантскихъ хлѣбопекаренъ, ихъ всегда обвѣшивали. Вмѣсто $2^1/_2$ фунтовъ хлѣба не удавалось раздавать и по 2 фунта; иногда выходило и по $1^1/_2$. Когда оффиціально, за недостаткомъ хлѣба, дача уменьшалась только чуть-чуть, на $^1/_2$ или $^1/_4$ фунта, то на практикѣ солдаты получали лишь микроскопическія порціи. Съ этимъ зломъ я, какъ и другіе ротные командиры, боролся изо всѣхъ силъ, но не вполнѣ удачно. На хлѣбъ существовалъ большой спросъ—хлѣбъ всегда можно было продать копѣекъ по 10—15 за фунтъ; въ арміи много было лицъ, не имѣвшихъ опредѣленнаго хлѣбнаго довольствія— маркитанты, вольнонаемные служащіе, офицеры, многіе солдаты, получавшіе кормовыя деньги. Былъ спросъ — явилось и предложеніе; хлѣбъ, на всемъ пути его изъ печки въ роту, норовили растаскать. Артельщики и каптенармусы часто вели себя подозрительно. Фельдфебеля получали увеличенную порцію; денщики урывали побольше, и своимъ господамъ, и себѣ.

Были и безсовѣстныя злоупотребленія въ полевыхъ хлѣбопекарняхъ — выдавали хлѣбъ не вѣсомъ, а счетомъ булокъ, при чемъ въ 10-ти фунтовой булкѣ часто было только 9 или даже 8 фунтовъ. Тамъ всегда торопились получать; однѣ части конкурировали съ другими, такъ что, если-бы хозяйственные чины полка закапризничали и потребовали бы точной сдачи хлѣба по вѣсу, то ничего не получили бы; хлѣбъ былъ бы розданъ другимъ пріемщикамъ, менѣе придирчивымъ. Обвѣшивая, давали хлѣбъ какъ бы по особой протекціи.

Приходилось мириться съ потерей полуфунта на каждомъ пайкѣ; когда обвѣсъ достигалъ фунта, то ротные

командиры приходили въ бѣшенство; подъ угрозой скандала откуда-то являлся добавокъ.

Вслѣдствіе вѣчнаго недоѣданія хлѣба, солдаты потихоньку таскали сухари изъ неприкосновеннаго носимаго запаса. На свѣжемъ воздухѣ большой соблазнъ перекусить, когда голодъ даетъ себя знать. Каждый часъ на походѣ — адмиральскій часъ. Выяснилось, что носимый запасъ сухарей исчезаетъ. Въ каждомъ мѣшкѣ недостаетъ то четверти, то полу-фунта. Совершенно незамѣтно сухарный запасъ на людяхъ усыхаетъ на четверть, на половину, а то и совсѣмъ исчезаетъ. Въ критическую минуту рота безъ сухарей, на которые основательно разсчитываетъ начальство, можетъ погибнуть. Ротные командиры, какъ милости, тайно выпрашивали у завѣдующаго хозяйствомъ нѣсколько пудовъ сухарей, чтобы вновь набить сухарные мѣшки до положеннаго вѣса; но вскорѣ затѣмъ ротные командиры снова съ ужасомъ наблюдали, какъ таютъ сухари. Ничто не помогало — ни взысканія, ни увѣщеванія, ни объясненія значенія „желѣзнаго" раціона. Въ нашемъ батальонѣ мы, ротные командиры, зашили всѣ сухарные мѣшки наглухо, и расписались на швахъ, чтобъ удержать стрѣлковъ отъ перваго шага — перваго утащеннаго изъ мѣшка сухаря. Но и это героическое, страшно утомительное для ротнаго командира средство не вполнѣ помогало — подпарывали уголокъ, и начинали таскать сначала крошки, а затѣмъ и сухари.

Чтобы избѣжать такихъ непріятностей въ будущихъ кампаніяхъ, необходимо, чтобы каждая порція носимаго неприкосновеннаго запаса продовольствія была бы задѣла-

на въ спеціальную укупорку, чтобы нельзя было раздобыть ни малѣйшаго куска, не повреждая всей укупорки. Только тогда этотъ запасъ станетъ дѣйствительно неприкосновеннымъ и желѣзнымъ, а не эфермнымъ, воздушнымъ, выдыхающимся. Конечно, и матеріалъ надо измѣнить; вмѣсто сухарей надо носить пшеничное печеніе и шеколадъ; передъ цѣною останавливаться нельзя, такъ какъ стоимость доставки этого раціона къ мѣсту употребленія на солдатскихъ плечахъ неизмѣрима. Излишняя экономія приводитъ къ дурнымъ результатамъ.

Среди благодѣтельныхъ мѣропріятій новаго командира полка долженъ указать на организацію довольствія офицеровъ съ общаго стола. Это совершенно необходимая на походѣ мѣра, и очень желательно, чтобы довольствіе офицеровъ на войнѣ не предоставлялось на усмотрѣніе отдѣльныхъ лицъ, а было бы предусмотрѣно закономъ. Иначе три четверти времени, остающагося въ распоряженіи офицеровъ отъ маршей и сна, уходитъ не на созидательную работу по ознакомленію съ обстановкой и по подготовкѣ солдатъ, а на промышленіе себѣ пропитанія. Весьма часто вопіющая беззаботность къ боевымъ требованіямъ объясняется тѣмъ, что о дѣлѣ думать некому — всѣ заботятся объ утоленіи своего голода.

Полкъ получилъ первое укомплектованіе запасными изъ маршевыхъ батальоновъ. Вновь поступившихъ въ полкъ людей можно было сразу узнать по исправности всего состоявшаго на нихъ снаряженія.

Вскорѣ начали возвращаться и раненые подъ Тюренченомъ стрѣлки. Рота, которой я командовалъ, по-

теряла подъ Тюренченомъ 40 стрѣлковъ убитыми и ранеными. Нѣкоторые оставались въ строю съ сравнительно тяжелыми ранами. Остался въ строю стрѣлокъ съ прострѣленной шеей. Одинъ стрѣлокъ изъ новобранцевъ только на второй день послѣ боя обнаружилъ, что у него прострѣлено бедро, и то только послѣ грубаго объясненія съ фельдфебелемъ, разносившимъ его за то, что онъ хромаетъ и наровитъ отстать. Въ это время было въ модѣ говорить о гуманности японскихъ пуль; это объясняется тѣмъ, что значительное число тяжело раненыхъ было брошено на полѣ Тюренченскаго сраженія, и съ нашимъ отрядомъ ушли по преимуществу только легко и удачно раненые.

Возвращавшихся изъ госпиталей стрѣлковъ выписывали большей частью слишкомъ рано. Съ насквозь прострѣленной грудью въ полкъ возвращались стрѣлки черезъ 4 недѣли послѣ раненія. Помню одного своего унтеръ-офицера; онъ еще не окрѣпъ, у него развилось острое малокровіе; при малѣйшемъ волненіи онъ, георгіевскій кавалеръ, падалъ въ обморокъ. Я подкармливалъ его шеколадомъ, но ничего не помогало. Многіе такіе стрѣлки, не залѣченные во время, или гибли совсѣмъ въ строю безъ всякой пользы, или же скоро окончательно разстраивали себѣ здоровье. Это были лучшіе люди; лодыри, конечно, умѣли устраиваться прекрасно въ госпиталяхъ, какъ и всюду.

XIV.

Дни отдыха.

Начиная съ 1-го мая до половины іюня — полтора мѣсяца—полкъ отдыхалъ, реформировался и подготовлялся къ новымъ тяжелымъ боямъ. Однако, полкъ не бездѣйствовалъ это время. На пространствѣ двухъ переходовъ по фронту и одного въ глубину, въ раіонѣ Феншуйлинскаго хребта, полкъ перемѣнилъ за это время шесть или семь стоянокъ, два раза обозначалъ наступленіе на японцевъ и безпрерывно несъ сторожевую службу. Я за это время сразу и изучалъ самъ строевую пѣхотную службу, и училъ свою роту маневрированію на полѣ сраженія. Дни отдыха были днями подготовки; они должны были быть днями упорнаго тяжелаго труда, и если не вполнѣ явились ими, то вина лежитъ на насъ.

Новый командиръ полка налегъ сразу на его обученіе. Онъ съ отличіемъ участвовалъ въ китайскомъ походѣ 1900 года; по своимъ взглядамъ онъ являлся представителемъ мнѣній, господствовавшихъ среди лучшихъ строевиковъ нашей арміи. Несмотря на то, что онъ былъ выдающимся строевикомъ, его тактика несомнѣнно отстала отъ уровня современныхъ требованій на 40 лѣтъ. Онъ лично, въ присутствіи всѣхъ офицеровъ полка, производилъ образцовыя ротныя ученія. Просторъ для ученья былъ почти безграничный, такъ какъ роты были слабы по всѣмъ отдѣламъ образованія. По требованію командира полка мы начали обучать роты производству залповъ изъ сомкнутаго строя, и маневрированію цѣпи —

выравненному движенію всей цѣпью по пересѣченной мѣстности, съ перемѣной направленія. Въ дополненіе къ уставнымъ, плохо усвоеннымъ требованіямъ, указывалось устраивать въ цѣпи особый руль, изъ трехъ человѣкъ, шагахъ въ десяти одинъ за другимъ. Этотъ руль долженъ былъ помогать цѣпи держать и мѣнять направленіе. Конечно, въ бою этотъ сложный методъ не пришлось примѣнять.

На показномъ ученіи командиръ полка сдѣлалъ замѣчаніе подпоручику С., командовавшему взводомъ; онъ присѣлъ на колѣно, командуя залпы своему взводу; такъ его учили въ училищѣ. Командиръ полка заявилъ, что онъ требуетъ, чтобы офицеры въ цѣпи ни въ коемъ случаѣ не ложились и не становились на колѣни, а оставались бы все время стоя. Обстрѣленные уже офицеры не соглашались съ этимъ, но молчали. Послѣ перваго же боя командиръ полка отрекся отъ своихъ требованій, какъ совершенно несоотвѣтствующихъ современному огню.

Но хотя бы требованія командира полка и являлись иногда ошибочными, крупная заслуга его заключалась въ томъ, что онъ вывелъ полкъ изъ состоянія покоя и заставилъ работать, заставилъ учиться. Каждый свободный день роты на нѣсколько часовъ расходились по полямъ и горамъ, и производили ученіе. Солдаты, служившіе въ полку до войны, составляли не болѣе 15%, но и они за 3 мѣсяца кампаніи многому разучились и требовали надъ собой дѣятельной работы; о другихъ же — запасныхъ и новобранцахъ — и говорить нечего; съ ними нужно было начинать съ азбуки. Работа и ученіе помогаютъ человѣку превозмочь горе, обиды и тягость суще-

ствованія; такъ же и въ тяжелыя минуты жизни отдѣльныхъ частей лучшее лѣкарство отъ всѣхъ ранъ составляютъ ученіе и трудъ.

Долго отдыхать намъ не дали. Новый начальникъ Восточнаго отряда, графъ Келлеръ, замѣнившій въ началѣ мая генерала Засулича, вступилъ въ командованіе войсками, нѣсколько подавленными морально Тюренченской неудачей; свою задачу графъ Келлеръ видѣлъ прежде всего въ подбадриваніи войскъ, въ выработкѣ изъ нихъ искусныхъ въ военномъ дѣлѣ частей путемъ небольшихъ столкновеній съ противникомъ. Графъ Келлеръ исходилъ изъ правильнаго взгляда, что „подлая оборона" не выработаетъ хорошихъ войскъ, что войска могутъ быть сплочены только побѣдоносными наступленіемъ. Поэтому тактика графа Келлера состояла въ томъ, чтобъ переходить при первой возможности къ активнымъ дѣйствіямъ, всюду, гдѣ только можно, наступать. На практикѣ идея его потерпѣла неудачу; войска были лишены досуга для занятій и для обученія; войска слишкомъ много мотались, нанося удары по воздуху. За 2½ мѣсяца командованія отрядомъ графъ Келлеръ переходилъ 6 разъ въ наступленіе. Наступленіе, долженствующее быть цѣлью всей воинской организаціи, обратилось въ школу войскового обученія.

Вслѣдствіе постоянныхъ неудачъ войска потеряли вѣру въ успѣхъ наступленія. Если школа постоянныхъ неудачъ въ концѣ концовъ образовала закаленныя для обороны войска, а не подѣйствовала на организацію ихъ совершенно разлагающимъ образомъ, то лишь вслѣдствіе особо благопріятныхъ условій. Широко черпались изъ войскъ Евро-

пейской Россіи постоянныя укомплектованія; вслѣдствіе влитія новыхъ силъ и энергіи сибирскіе полки не разложились, а образовали сплоченное цѣлое. Изъ поступавшихъ на укомплектованіе нижнихъ чиновъ, и въ особенности офицеровъ, въ строю оставалась только половина; другая же уходила на хлѣбныя мѣста въ тылъ. Такимъ образомъ, въ сибирскихъ войскахъ безпрерывно шелъ естественный подборъ начальниковъ за счетъ войскъ Европейской Россіи, что и дало возможность противостоять вліянію всѣхъ боевыхъ невзгодъ. Полки, какъ и отдѣльныя личности, таяли; если пули японцевъ и не наносили имъ ранъ, то постоянныя неудачи подтачивали ихъ нравственныя силы, и вмѣсто прежнихъ доблестныхъ офицеровъ, вкладывавшихъ всю душу свою въ службу, получались измотанные, подбитые, печальные, извѣрившіеся во все люди, безъ солиднаго отдыха неспособные ни къ какой практической дѣятельности. Прибывавшіе впослѣдствіи легко выдѣлялись своими свѣжими силами передъ работниками, отдавшими уже войнѣ свою энергію и свое здоровье, пока, въ свою очередь, не затмевались новыми укомплектованіями офицеровъ. Оборонительная сила полковъ росла, но отдѣльныя лица поступали въ тиражъ погашенія.

Первое наступленіе Восточнаго отряда состоялось въ серединѣ мая; вслѣдствіе отсутствія противника оно оказалось ударомъ по воздуху.

Было получено фальшивое извѣстіе, что городъ Саймадзы занятъ сильнымъ японскимъ отрядомъ. Наши разъѣзды будто-бы видѣли японцевъ. Графъ Келлеръ подтянулъ части Восточнаго отряда и бросился на Саймадзы. Прихо-

дилось исполнить фланговый маршъ передъ японскимъ расположенiемъ. Если бы отрядъ былъ атакованъ на походѣ, онъ попалъ бы въ критическое положенiе, такъ какъ пришлось бы уходить безъ дорогъ.

N-ый полкъ былъ выдѣленъ въ боковой отрядъ; мы заняли позицiи на дорогахъ къ Фын-хуан-чену. Главныя силы отряда, возвращаясь изъ неудачной экспедицiи, принесли намъ подробности о службѣ развѣдки и связи: передовыя части Восточнаго отряда заняли уже Саймадзы, и въ Саймадзахъ же графъ Келлеръ получаетъ отъ конницы генерала Ренненкампфа извѣстiе, что этотъ городъ занятъ японскимъ отрядомъ чуть-ли не съ сорока орудiями. Вѣроятно, начальники разъѣздовъ перепутали слухи, собранные отъ китайцевъ, съ видѣннымъ ими лично, и ввели въ заблужденiе своихъ начальниковъ. На этотъ разъ Восточный отрядъ отдѣлался нѣсколькими усиленными переходами по сильной жарѣ; возвращаясь назадъ, всѣ бранились и острили по адрессу неудачныхъ развѣдчиковъ. Но комедiя легко могла бы обратиться въ ужасную трагедiю, еслибъ наше ошибочное движенiе совпало съ развитiемъ активныхъ дѣйствiй армiи Куроки.

N-ый полкъ по возвращенiи изъ экспедицiи былъ направленъ на Модулинскiй перевалъ. Несмотря на то, что лѣто только начиналось, жара была страшная. За всю войну я не помню болѣе ужаснаго перехода. Предстояло пройти 20 верстъ по узкимъ горнымъ долинамъ. Было душно, солнце жгло; не чувствовалось ни малѣйшаго дуновенiя. Въ колоннѣ поднималась страшная пыль; дышать было тяжело. Небольшой переходъ обращался въ форсированный маршъ. Хорошо еще, что дорога все время шла

вдоль горныхъ ручьевъ, и на каждомъ привалѣ можно было въ вволю напиться воды. Чтобы облегчить движеніе, командиръ полка приказалъ взять между отдѣленіями двойную дистанцію; взводъ отъ взвода шелъ на разстояніи 20-ти шаговъ; несмотря на это, колонна плохо провѣтривалась. Привалы приходилось дѣлать черезъ каждые полчаса. Почти всѣ офицеры полка шли пѣшкомъ — хорошій примѣръ сильно подбадриваетъ солдата. Многіе стрѣлки, преимущественно изъ пожилыхъ запасныхъ, изнемогали, — ихъ снаряженіе складывалось на офицерскихъ лошадей; только налегкѣ они могли поспѣвать за ротой. Отсталыхъ почти не было.

Я съ ротой шелъ сейчасъ же за оркестромъ музыки. Музыканты немного поиграли, но истомились и скоро замолкли. Стрѣлки старались поддерживать веселые разговоры, несмотря на ужасное солнце. Помню, дразнили одного музыканта, которому офицеръ изъ боевой части во время Тюренченскаго боя далъ подержать лошадь, а онъ на ней махнулъ прямо въ Фын-хуан-ченъ. Никакого дисциплинарнаго взысканія не было наложено на злополучнаго музыканта, но онъ перенесъ столько насмѣшекъ отъ своихъ товарищей, что его примѣръ предостерегалъ другихъ стрѣлковъ отъ повторенія такого поступка.

Веселый разговоръ вдругъ рѣзко оборвался; шедшій прямо передо мною геликонъ вдругъ зашатался и грохнулся на землю. Подскочилъ фельдшеръ. Я обратилъ вниманіе на неестественно пунцевое лицо. Задерживаться не приходилось, я прошелъ мимо. Это былъ первый солнечный ударъ, который мнѣ пришлось наблюдать.

Мы перемѣняли нѣсколько биваковъ. Для подстилки стрѣлкамъ всюду покупалась гаоляновая солома. Стрѣлки очень цѣнили подстилку; послѣ тридцативерстнаго перехода, по прибытіи на ночлегъ, часто приходилось разыскивать гаоляновую солому въ трехъ-четырехъ верстахъ отъ бивака; отъ роты за соломой посылалось человѣкъ 12 съ каптенармусомъ; этотъ нарядъ всегда исполнялся охотно.

Командиръ полка съ большой строгостью слѣдилъ за соблюденіемъ гигіеническихъ требованій на бивакѣ. При общей наклонности распускаться на войнѣ и не исполнять педантически уставныхъ требованій, при малѣйшемъ послабленіи бивакъ части, постоявшей 2—3 дня, начиналъ испускать страшное зловоніе; развивались болѣзни — преимущественно гастрическая лихорадка, весьма напоминавшая тифъ въ легкой формѣ. Въ N-омъ полку, благодаря педантизму командира полка, былъ образцовый порядокъ. Впослѣдствіи, когда приходилось располагаться бивакомъ въ подросшемъ уже гаолянѣ, порядокъ поддерживать было труднѣе. Необходимо было кругомъ бивака на нѣкоторомъ разстояніи вытоптать гаолянъ, иначе подъ прикрытіемъ его вся мѣстность у самаго бивака нестерпимо загрязнялась.

Нашъ батальонъ, вскорѣ по прибытіи къ Модулин-
перевалу, былъ отдѣленъ отъ полка; ему была
дѣльная задача — оборонять Кудятунское ущелье.
въ горахъ давала себя знать: Восточный отрядъ
лся въ кордонную линію.

гіе бататальоны N-го полка вскорѣ были направ-
и занятія Сандолинскаго перевала. Эти батальо-
одили черезъ занятое нами Кудятунское ущелье.

Этотъ маршъ мнѣ очень памятенъ. Полку приходилось двигаться впереди нашего сторожевого охраненія, по дорогамъ, на которыхъ, можетъ быть, уже побывали разъѣзды японцевъ. Кому то въ высшемъ штабѣ, изъ числа лицъ съ большой фантазіей и свободнымъ досугомъ, пришла идея, что японцы могли минировать дороги впереди нашего расположенія и что полкъ на маршѣ можетъ взлетѣть на воздухъ. Мы всего ожидали отъ коварства врага. И вотъ, и секретными предписаніями, и устными наставленіями „всему свѣту по секрету" предписывалось тайно наблюдать за дорогой и принять на маршѣ всѣ мѣры къ тому, чтобы не летѣть на воздухъ. Въ головѣ отряда шелъ отрядъ саперъ съ опущенными землю лицами, въ съ длинными кольями... Проще было бы послать впереди полка двуколку, да и въ томъ не было надобности, такъ какъ по дорогѣ оживленно двигались китайскія арбы. Въ полку надъ этимъ маршемъ много острили; въ общемъ этотъ полетъ фантазіи, не имѣвшій никакого отношенія къ дѣйствительности, представлялъ печальное явленіе.

Мѣстность въ Кудятунскомъ ущельѣ очаровательна. Небольшая рѣчка, извиваясь, пробивается сквозь Феншуйлинскій хребетъ. Въ хаотическомъ безпорядкѣ нагромождались горы, скалы, деревья. Былъ и маленькій водопадъ: изъ расщелины скалы вырывался сильный ключъ и широкой ледяной струей падалъ съ высоты двухъ аршинъ. На каждомъ шагу картина ущелья мѣнялась; ниоткуда нельзя было видѣть болѣе, чѣмъ на 200—300 шаговъ. Оффиціально, въ рекогносцировкѣ оборонительной линіи Феншуйлинскаго хребта, эта мѣстность была

наименована „весьма удобной для производства засадъ, для чего достаточно даже небольшихъ силъ". Для прегражденія этого ущелья и былъ назначенъ нашъ батальонъ. Дѣйствительно, здѣсь можно было очень легко поймать японскій разъѣздъ. Но мѣстность для обороны совершенно не годилась; нигдѣ не было ни обстрѣла, ни обзора; бой сразу долженъ былъ начаться на самыхъ близкихъ, рѣшительныхъ разстояніяхъ; активно дѣйствующая сторона должна была получить громадный перевѣсъ. Оба фланга были открыты для обходовъ. Вопросъ объ оборонѣ ущелья малыми силами былъ, какъ мнѣ кажется, не разрѣшимъ, но его искусно обошли лица, коимъ сіе вѣдать надлежало — общей фразой: мѣстность удобна для производства засадъ. Но вѣдь японцы знали о нашемъ присутствіи здѣсь; слѣдовательно, можно было разсчитывать поймать въ засаду лишь самую небольшую японскую часть. А что дѣлать, если противникъ будетъ наступать искусно, примѣняясь къ мѣстности? Этотъ вопросъ такъ и остался открытымъ.

Служба въ Кудятунскомъ ущельѣ состояла исключительно въ охраненіи. Роты въ охраненіи смѣнялись ежедневно, что въ горахъ непрактично. За сутки рота едва успѣваетъ ознакомиться со своимъ участкомъ; смѣна, занятіе сторожевого охраненія требуютъ утомительныхъ усилій. Гораздо выгоднѣе держать одну роту непрерывно трое или четверо сутокъ въ сторожевомъ охраненіи.

Ротному командиру въ горахъ иногда приходится преодолѣвать большія препятствія, чтобы обойти участокъ и повѣрить свои посты. Помню, у меня въ охраненіи было три поста, раздѣленныхъ между собою доли-

нами. Надо было подняться, примѣрно, на 150 саженъ, чтобы дойти до каждаго поста. На повѣрку каждаго поста приходилось затратить четыре часа—два часа на путешествіе съ главной заставы туда и обратно, и два на отдыхъ. Послѣ повѣрки трехъ постовъ ноги болѣе уже не держали, весь организмъ надрывался.

Ротные командиры въ сторожевомъ охраненіи жили въ очень подозрительныхъ шалашахъ изъ вѣтвей; въ нихъ постоянно заводились разныя пресмыкающіяся. Вступившій послѣ меня въ охраненіе ротный командиръ нашелъ въ шалашѣ основательную змѣю, напоминавшую нашихъ гадюкъ; онъ благодарилъ меня за презентъ и въ шутку говорилъ, что я злоумышлялъ на его жизнь.

Наконецъ, я обрѣлъ часть своихъ вещей, и теперь съ особымъ удовольствіемъ купался и почти ежедневно мѣнялъ бѣлье; на это у меня, какъ и у другихъ офицеровъ полка, были особыя причины. Мы пользовались солнцемъ, водой, перерывомъ военныхъ дѣйствій, чтобы привести себя въ порядокъ.

Хозяйствомъ офицеровъ нашего батальона завѣдывалъ нашъ милѣйшій докторъ Ф—манъ, неразрывно державшійся съ нашимъ батальономъ. Хозяйство наше одно время осложнялось отсутствіемъ сахара; чай безъ сахара пить не хотѣлось. Съ большимъ торжествомъ однажды мой вѣстовой принесъ мнѣ въ охраненіе фунтовую банку малиноваго варенья, гдѣ то имъ раздобытую. Это былъ для меня очень пріятный гостинецъ.

Солдаты также не получали сахару. Это лишеніе было для нихъ очень чувствительно. Изъ своихъ кров-

ныхъ средствъ они платили маркитантамъ по 70 коп. за фунтъ сахару.

Изъ артельныхъ суммъ мы сдѣлали солдатамъ подарокъ—по фунту мыла; это было для солдатъ очень кстати. На войнѣ солдаты должны получать по возможности обильное количество мыла.

Отмѣчу большую ненормальность при несеніи сторожевой службы, заключавшуюся въ пропускѣ китайцевъ черезъ линію охраненія. Начальство обратило вниманіе на это и указано безъ подписанныхъ офицерами билетовъ не пропускать китайцевъ. Но чины хозяйственныхъ управленій всѣмъ своимъ поставщикамъ раздавали пропуски; ими безъ всякаго труда могъ запастись любой китаецъ, а тѣмъ болѣе, японскій шпіонъ. Установленная нами почти непрерывная цѣпь постовъ теряла существенную часть своего значенія.

Въ началѣ іюня наша мирная жизнь въ Кудятунскомъ ущельѣ окончилась. Въ соотвѣтствіи съ неудачнымъ движеніемъ отряда генерала Штакельберга на югъ, Восточный отрядъ произвелъ диверсію къ Фынхуанчену. Цѣлью этой диверсіи было—замаскировать движеніе барона Штакельберга на югъ, а также убѣдиться, на сколько справедливы слухи о переходѣ главныхъ силъ Куроки отъ Фынхуанчена къ Сюяню, и отвлечь армію Куроки отъ дѣйствій на тылъ корпуса Штакельберга.

Наступленіе Восточнаго отряда велось двумя группами, каждая слабѣе бригады. Хорошо, что и это второе наше проявленіе иниціативы окончилось ударомъ по воздуху; столкновеніе нашихъ слабыхъ силъ съ арміей Куроки не могло обѣщать ничего хорошаго.

Мой батальонъ оставался сторожить укрѣпленія Модулинскаго перевала. Съ наступавшими частями пытались установить связь съ помощью геліографа. Не смотря на то, что геліографы обслуживались спеціалистами-саперами изъ телеграфной роты, ничего не вышло — пять часовъ безуспѣшно бились надъ передачей короткой депеши. Я получилъ впечатлѣніе, что лишь при весьма искусномъ подборѣ людей и хорошемъ ихъ обученіи геліографы могутъ принести пользу. Въ это время геліографы уже были заведены и у насъ въ полку; но такъ какъ съ ними никто не умѣетъ обращаться, то они не приносили никакой пользы.

Генералъ Куропаткинъ, подъ вліяніемъ неудачи I-го Сибирскаго корпуса, очень безпокоился о выдвинутыхъ впередъ частяхъ Восточнаго отряда; онъ безпрерывно наводилъ о нихъ справки и вернулъ ихъ назадъ, какъ только онѣ прошли половину разстоянія до японцевъ. Этотъ походъ былъ совершенъ подъ страшнымъ дождемъ; японцы нисколько не были напуганы этой диверсіей, а наши войска были безъ толку утомлены.

Въ началѣ іюня хунхузы начали шалить въ окрестностяхъ. Отдѣльно слѣдующіе стрѣлки подвергались нападеніямъ. Страдали казаки на летучей почтѣ. Начальникъ дивизіи, расположившійся со штабомъ за Модулинскимъ переваломъ довольно изолировано отъ войскъ, началъ опасаться, что хунхузы могутъ потревожить его бивакъ. Потребована была рота для несенія караульной службы при штабѣ дивизіи; выборъ палъ на мою роту. Я началъ охранять штабъ дивизіи, и на короткое время

снова вошелъ въ курсъ общихъ вопросовъ, волновавшихъ нашихъ начальниковъ въ Манчжуріи.

Одно время Восточный отрядъ, повидимому, вошелъ въ моду въ штабѣ Манчжурской арміи. У насъ часто показывались знатные петербуржцы и иностранцы. Нѣкоторые прибывали къ намъ послѣ большого перехода усиленными аллюрами, задавали вопросъ, нѣтъ ли у насъ по близости боя, и получивъ отрицательный отвѣтъ, скрывались, какъ метеоры. Въ арміи отъ этихъ туристовъ получалось такое же сомнительное впечатлѣніе, какое вообще получаютъ рабочіе люди отъ назойливаго любопытства праздныхъ трутней.

Удалось поймать китайца—штабного переводчика—за весьма темнымъ занятіемъ: онъ укралъ цинковую коробку съ патронами. Вѣроятно, онъ исполнялъ заказъ хунхузской шайки, вооруженной трехлинейными винтовками, на поставку патроновъ. Штабной переводчикъ былъ весьма подозрительной личностью; быть можетъ, это былъ даже японецъ. Онъ имѣлъ такія манеры, которыя долженъ былъ имѣть японскій шпіонъ. Онъ подслушивалъ не касавшіеся его разговоры и на долго отлучался. Во время Тюренченскаго боя онъ пропалъ неизвѣстно куда и снова объявился только черезъ недѣлю, представивъ какія - то сомнительныя объясненія.

Арестованный теперь съ поличнымъ, по нашему мягкосердечію онъ былъ только прогнанъ съ глазъ долой, и, вѣроятно, отправился продолжать свое злое дѣло въ другую часть нашей многострадальной арміи.

Къ Модулинскому перевалу не спѣша подвигались передовыя части арміи Куроки, тѣсня наши выдвинутыя

части, захватывая наши высланныя впередъ охотничьи команды. Находившійся со своимъ летучимъ отрядомъ при штабѣ дивизіи Р—ковъ, докторъ Краснаго Креста, повидимому большой идеалистъ, былъ раненъ и захваченъ японцами въ плѣнъ, подавая помощь раненому ротному командиру 24-го В. С. стр. полка. По этому поводу было произведено маленькое дознаніе. Спасшійся санитаръ показалъ, что раненаго капитана отнесли отъ цѣпи на 800 шаговъ назадъ; докторъ Р—ковъ сдѣлалъ ему перевязку. Раненый капитанъ не захотѣлъ, чтобы его сейчасъ же несли въ тылъ; онъ почувствовалъ потребность подкрѣпиться и закусить. Тѣмъ временемъ отступавшая цѣпь прошла мимо нихъ; по группѣ носильщиковъ и санитаровъ около капитана, закусывавшаго между нашей и японской цѣпями, открыли огонь; кого убили, кого въ плѣнъ взяли, а одному санитару удалось убѣжать. Изъ несвязныхъ его рѣчей, кромѣ изложеннаго, можно было еще понять, что капитанъ былъ очень дороднымъ и грузнымъ.

Эта сцена отчасти напоминаетъ взятіе въ плѣнъ Тараса Бульбу, не хотѣвшаго оставить ляхамъ и трубки, и достойна пера великаго автора эпоса Запорожской Сѣчи.

XV.

Въ жертву.

Къ 12-му іюня японская армія надвинулась на наше расположеніе настолько, что можно было ежеминутно ожидать боя. Въ это время Восточный отрядъ былъ еще

особенныя выгоды для оборонительныхъ дѣйствій слабыми силами.

Намъ указывалось построить на Лахолинскомъ перевалѣ сомкнутое укрѣпленіе, которое не очищать ни въ коемъ случаѣ безъ разрѣшенія начальника дивизіи; мы не имѣли права отступить и тогда, когда насъ противникъ обойдетъ. Связь съ начальникомъ дивизіи устанавливалась посредствомъ конныхъ вѣстовыхъ; при удаленіи отъ насъ штаба на 14 верстъ, вслѣдствіе дурныхъ горныхъ дорогъ и плохихъ охотничьихъ лошадей, въ случаѣ критическаго положенія въ батальонѣ, мы могли получить отвѣтъ начальника дивизіи только черезъ 4 часа. А этого срока, конечно, было совершенно достаточно для японцевъ, чтобы подавить наше сопротивленіе и скушать насъ на-чисто.

Обстановка была для насъ въ высшей степени серьезна. Отъ насъ требовалась тяжелая жертва; упорное сопротивленіе нашего батальона давало возможность вывести кое-какіе продовольственные припасы изъ небольшого Таванскаго магазина. Батальонъ обрекался на гибель вслѣдствіе недовѣрія къ намъ, къ способности нашей распорядиться на мѣстѣ и своевременно уклониться отъ уничтоженія японцами. Маневрировать въ горахъ подъ руководствомъ начальника, связь съ которымъ требуетъ 4 часа времени—невозможно. Мы были обречены въ жертву.

Такъ поняли отданныя намъ распоряженія всѣ офицеры батальона. Что то въ родѣ холоднаго бѣшенства отразилось у всѣхъ въ глазахъ. Командиръ батальона, высоко доблестный подполковникъ Гар—кій, сказалъ намъ

Въ ночь на 14-ое іюня Модулинская позиція была очищена. Отступленіе отряда долженъ былъ прикрывать второй батальонъ N-го полка, въ составъ котораго входила моя рота. Я распрощался со штабомъ дивизіи и получилъ приказаніе присоединиться къ батальону.

На большой дорогѣ я съ ротой ожидалъ выхода батальона изъ Кудятунскаго ущелья. Съ 2-хъ часовъ утра я пропускалъ отдѣльныя части и повозки, уходившія въ тылъ. Затѣмъ наступилъ большой перерывъ; всѣ войска ушли уже далеко назадъ. Отступили послѣднія охотничьи команды. На Модулинскомъ перевалѣ дымились оставленные небольшіе склады и хлѣбопекарныя печи. Наконецъ, изъ Кудятунскаго ущелья вышли роты моего батальона; имъ пришлось задержаться, чтобы собрать посты сторожевого охраненія, разбросанные въ горахъ.

Двинулись назадъ. Получили неопредѣленное приказаніе - задержаться на Лахолинскомъ перевалѣ. Мы уже прошли перевалъ. Одна рота была оставлена на немъ для несенія сторожевой службы. Мы ожидали, что наша задача на перевалѣ скоро окончится, но пришли новыя распоряженія.

Намъ указывалось *упорно, до послѣдней капли крови* оборонять Лахолинскій перевалъ. Ближайшія къ намъ части Восточнаго отряда уже удалились отъ насъ на 12 верстъ; положеніе отдѣльнаго батальона въ непосредственной близости отъ противника становилось сомнительнымъ. Горы были всюду доступны для движенія. Такую задачу дать отдѣльному батальону можно было, лишь не понимая совершенно основаній горной войны, ошибочно предполагая, что горы представляютъ какія-то

особенныя выгоды для оборонительныхъ дѣйствій слабыми силами.

Намъ указывалось построить на Лахолинскомъ перевалѣ сомкнутое укрѣпленіе, которое не очищать ни въ коемъ случаѣ безъ разрѣшенія начальника дивизіи; мы не имѣли права отступить и тогда, когда насъ противникъ обойдетъ. Связь съ начальникомъ дивизіи устанавливалась посредствомъ конныхъ вѣстовыхъ; при удаленіи отъ насъ штаба на 14 верстъ, вслѣдствіе дурныхъ горныхъ дорогъ и плохихъ охотничьихъ лошадей, въ случаѣ критическаго положенія въ батальонѣ, мы могли получить отвѣтъ начальника дивизіи только черезъ 4 часа. А этого срока, конечно, было совершенно достаточно для японцевъ, чтобы подавить наше сопротивленіе и скушать насъ на-чисто.

Обстановка была для насъ въ высшей степени серьезна. Отъ насъ требовалась тяжелая жертва; упорное сопротивленіе нашего батальона давало возможность вывести кое-какіе продовольственные припасы изъ небольшого Таванскаго магазина. Батальонъ обрекался на гибель вслѣдствіе недовѣрія къ намъ, къ способности нашей распорядиться на мѣстѣ и своевременно уклониться отъ уничтоженія японцами. Маневрировать въ горахъ подъ руководствомъ начальника, связь съ которымъ требуетъ 4 часа времени—невозможно. Мы были обречены въ жертву.

Такъ поняли отданныя намъ распоряженія всѣ офицеры батальона. Что то въ родѣ холоднаго бѣшенства отразилось у всѣхъ въ глазахъ. Командиръ батальона, высоко доблестный подполковникъ Гар—кій, сказалъ намъ

нѣсколько словъ, вполнѣ отвѣчавшихъ положенію: „если насъ не спасетъ Николай Угодникъ, намъ не уйти. Я полагаю, господа, что въ теченіе двухъ дней наша служба будетъ закончена. Не будемъ обманывать себя лишними надеждами. Нашему батальону указано задержать армію Куроки; намъ дали задачу, которая была не по силамъ и всему Восточному отряду. Не наше дѣло, почему именно намъ указано стоять здѣсь и драться; не будемъ и думать объ этомъ, это только лишнее раздраженіе. Постараемся лучше искуснѣе и доблестнѣе исполнить послѣднюю задачу нашего батальона. Поработаемъ напослѣдокъ. Не забывайте, что на насъ взвели столько клеветы за Тюренченъ. Покончимъ наши счеты прилично".

Если въ моей передачѣ что нибудь изъ этой рѣчи не понравится читателю, то пусть отнесетъ онъ это на мой счетъ. Рѣчь была сказана безъ всякой аффектаціи, за коробкой сардинокъ, которая, вмѣстѣ съ чернымъ хлѣбомъ, составляла весь нашъ обѣдъ. Кромѣ призыва достойно умереть, ничто другое не подходило къ мрачной обстановкѣ.

Лахолинскій перевалъ образуется отрогомъ Феншуйлинскаго хребта, вышиной около сотни саженъ. Онъ былъ укрѣпленъ китайцами еще въ японско-китайскую войну. Горный гребень былъ эскарпированъ въ нашу сторону на грудную высоту; такимъ образомъ, онъ допускалъ удобное расположеніе нашихъ стрѣлковъ и укрывалъ сообщеніе вдоль фронта. Но китайское укрѣпленіе тянулось лишь на $\frac{1}{2}$ версты, а намъ предстояло разбросаться много шире.

Сначала нашъ батальонъ занималъ по фронту $1\frac{1}{2}$ версты; въ боевой линіи было три роты, въ резервѣ—одна рота. Но вскорѣ намъ пришлось растянуться еще болѣе, до $2\frac{3}{4}$ верстъ; послѣдняя рота резерва была выслана въ боевую линію еще до начала столкновенія съ японцами. Противъ обхода флинговъ было только одно средство—удлиненіе фронта, и для обороны $2\frac{3}{4}$ верстъ потребовалось растянуть въ нитку всѣ 700 стрѣлковъ нашего батальона.

Моей ротѣ указано было построить редутъ на правомъ флангѣ батальона. Это была идея начальника дивизіи. Чтобы облегчить работу, а также наблюсти за ней, была прислана полурота саперъ.

Саперы прибыли на мой участокъ и трассировали мнѣ очень неудачный редутъ въ видѣ тѣснаго кольцевого окопа на крутыхъ склонахъ самой высокой сопки. Я нисколько не виню саперъ; удовлетворительнаго редута въ той мѣстности нельзя было разбить. Сносное сомкнутое укрѣпленіе можно было возвести лишь въ условіяхъ долговременной фортификаціи. Обстановкѣ отвѣчало только устройство комбинаціи окоповъ, взаимно поддерживающихъ другъ друга; но приказъ гласилъ ясно — устроить редутъ, и [illegible] устроили, хотя и неудачный, но редутъ.

Т[illegible] дня я бился надъ нимъ; углубившись на [illegible] дошли до твердой скалы; мѣстами удалось [illegible]ту грудную профиль, но мѣстами профиль [illegible]поясная. Эскалада редута представляла гро[illegible]; склоны сопки были круты и покрыты [illegible]ой травой; безъ палки по нимъ нельзя было [illegible]все время приходилось падать. За то пере-

стрѣлять защитниковъ въ тѣсномъ окопѣ было очень легко.

Редутъ былъ прекрасно замаскированъ; я особенно наблюдалъ за маскировкой; кругомъ расчищали обстрѣлъ, рубили кусты, и вѣтвями прикрыли брустверъ, и всѣ образовавшіяся отъ постояннаго хожденія проплешины на травѣ, внутри и внѣ редута. Отъ дождей въ редутѣ набралось много воды—часть ея удалось спустить. Для сообщенія съ полемъ служилъ перерывъ въ брустверѣ, шириною въ 1 аршинъ. Двѣ трети людей все время сидѣли и работали въ редутѣ.

Утромъ 14-го іюня японская гвардія заняла Модулинскій перевалъ. Вскорѣ затѣмъ показались передовыя японскія части. Выяснивъ, что Лахолинскій перевалъ занятъ, японцы остановились. Вѣроятно, они были довольны достигнутыми за день успѣхами, и не предполагали сегодня насъ атаковать. Японскій постъ расположился въ 1400 шагахъ отъ нашей позиціи, въ фанзѣ у подножья Лахолинскаго перевала. Все было чинно и мирно; не раздавалось ни одного выстрѣла.

Командиръ батальона приказалъ охотникамъ прогнать японскій постъ, который положительно мозолилъ намъ глаза. Человѣкъ тридцать охотниковъ съ молодымъ офицеромъ — моимъ субалтерномъ — бросилось подъ горку внизъ. Японцы очистили фанзу. Я видѣлъ, какъ они съ пріемами хорошихъ гимнастеровъ по одному выходили изъ фанзы, оборачивались въ нашу сторону, затѣмъ дѣлали крутой поворотъ и скрывались бѣгомъ за извилиной дороги. Одиночная выучка и искусство шагистики, повидимому, стояли у японцевъ очень высоко.

ковать охотниками тотъ же японскій постъ; японцы держались той же тактики, что и наканунѣ. Они своевременно отступили и сейчасъ же вернулись съ поддержкой. Единственнымъ результатомъ развѣдки было свѣдѣніе, что на этотъ день японцы варили на посту свинину.

Послѣ полудня человѣкъ тридцать японцевъ оттѣснили нашъ постъ и, повидимому, хотѣли произвести усиленную рекогносцировку нашей позиціи. Съ дистанціи 800 шаговъ они начали обстрѣливать занятый нами гребень. Мы молча лежали въ своихъ окопахъ и не отвѣчали на выстрѣлы. Пострѣлявъ минутъ 10, японцы ушли.

О дѣйствіяхъ японскаго развѣдочнаго отряда мы получили точное донесеніе отъ нашего секрета, удивительно крѣпко залегшаго въ кустахъ передъ фронтомъ. Японцы выбѣжали и расположились цѣпью на одной линіи съ нашимъ секретомъ, шагахъ въ десяти отъ него. Секретъ лежалъ не шелохнувшись. Наши люди въ секретѣ обратили вниманіе на то, что въ японскомъ развѣдочномъ полувзводѣ не раздавалось ни разговоровъ, ни командъ. Офицеръ подавалъ сигналы флажкомъ. По его знаку японцы разсыпались въ цѣпь, выбѣжали, легли, открыли огонь, прекратили его, встали и отошли. Все это было выполнено по заявленію секрета, очень „чисто".

Въ моментъ появленія японцевъ я былъ вызванъ къ командиру батальона. Онъ получилъ странную задачу: произвести наступленіе на японцевъ для выясненія обстановки. Указывался весьма сложный планъ наступле-

нія батальона на широкомъ фронтѣ на 10 верстъ впередъ. Роль каждой роты была подробно расписана. Планъ былъ трудно исполнимъ, такъ какъ на первыхъ трехъ верстахъ намъ преграждали путь далеко превосходившія насъ силы японцевъ. Чтобы выполнить указанное движеніе, предварительно нужно было разбить японскую гвардію. Было надъ чѣмъ батальонному командиру поломать себѣ голову.

Послѣ обсужденія мы пришли къ выводу, что начальникъ дивизіи, вѣроятно, совершенно не усвоилъ себѣ обстановку, въ которой находится нашъ батальонъ, если намъ ставитъ такія задачи. Было послано вновь извѣщеніе о положеніи батальона, безъ всякихъ опасливыхъ разсужденій; обстановка была изложена весьма корректно и лаконично.

Когда я вернулся къ своему редуту, то съ ужасомъ увидѣлъ своего субалтерна, безумно храбраго поручика К-хина, вскочившаго, какъ только японцы открыли огонь, на вершину сопки, образовывавшей средній траверсъ редута. Его фигура вырисовывалась на небѣ и была видна за 10 верстъ. Труды по маскировкѣ грозили пропасть даромъ. Я поторопился стянуть его въ окопъ.

Вечеромъ передъ нами снова открылась феерическая картина бивачныхъ огней японской арміи. Дождь прекратился на часъ. Зрѣлище было великолѣпное, но мы не находили въ себѣ силъ любоваться имъ. И солдаты, и офицеры предавались невеселымъ мыслямъ о нецѣлесообразности нашего положенія, о томъ, что горсть нашихъ, брошенная на съѣденіе японской арміи, являет-

ся результатомъ чьей то ошибки. Я вспоминалъ добрый обычай германской арміи—не выдѣлять далеко передовыхъ частей: какъ намъ говорили въ академіи, нѣмцы не высылаютъ отдѣльный батальонъ далѣе, чѣмъ на версту. Вотъ бы, думалось мнѣ, хорошо было бы и намъ оставить тактику веденія боя одними арьергардами. У насъ не хватало уваженія къ бою. Мы думали нашкодить боемъ врагу, а не добиться во что-бы то ни стало побѣды, и потому терпѣли пораженія.

Пришелъ приказъ — въ виду близости противника, произвести наступленіе однѣми командами охотниковъ. На поддержку намъ были присланы три охотничьи команды нашего полка, конная и 2 пѣшихъ. Съ разсвѣтомъ 16-го іюня они выдвинулись впередъ; двѣ вернулись ни съ чѣмъ, а третья погибла. Начальникомъ этой команды былъ отважный офицеръ, подпоручикъ Гриффъ. У него въ крови было что-то буйное, дикое. Нравомъ онъ походилъ на горца. Онъ любилъ рубку, любилъ холодное оружіе. Иногда онъ практиковался въ рубкѣ на китайскихъ свиньяхъ; владѣльцамъ онъ безпрекословно уплачивалъ убытки. У него было большое влеченіе къ личному дѣйствію. Изъ него не могъ бы выработаться искусный начальникъ охотниковъ; онъ не умѣлъ отступать, не умѣлъ хитрить, видъ крови его раздражалъ и онъ шелъ напроломъ. Съ самаго назначенія своего начальникомъ охотниковъ 1-го батальона N-го полка, у него засѣла въ мозгу мысль нанести японцамъ какой нибудь ужасный ударъ. По образу жизни онъ равнялся съ солдатами, охотно съ ними разговаривалъ и дѣлился впечатлѣніями по душѣ. Воспитанъ онъ былъ въ су-

ровыхъ военныхъ традиціяхъ. Стрѣлки его уважали. Въ общемъ, онъ былъ прекраснымъ офицеромъ.

Изъ 30 стрѣлковъ, бывшихъ въ его командѣ 16-го апрѣля, вернулось назадъ только двое. Они передали намъ печальное извѣстіе о его гибели.

До разсвѣта онъ миновалъ японское охраненіе, снявъ японскій постъ. Охотники вызывались снять японскаго часового, но подпоручикъ Гриффъ оставилъ эту честь за собой, и, незамѣтно подобравшись, лично его зарубилъ.

Къ разсвѣту подпоручикъ Гриффъ со своей командой оказался на постоянномъ прицѣлѣ отъ большого японскаго бивака, на горкѣ надъ нимъ; онъ построилъ своихъ охотниковъ и открылъ огонь по палаткамъ. Охотники говорили, что послѣ десяти залповъ они докладывали его благородію, что пора и отступать, но его благородіе увлекся, разгорѣлся — результаты огня были видны и опьяняли его; онъ командовалъ залпъ за залпомъ.

Отъ моего редута эта драма происходила въ трехъ верстахъ. Мы могли разобрать до 15-ти залповъ подрядъ, затѣмъ поднялись пачки, минутъ 10 продолжалась трескотня, и все смолкло... Подпоручикъ Гриффъ былъ окруженъ, и, конечно, не отдалъ себя живымъ въ руки врага. Скорѣе бы онъ сдѣлалъ себѣ харакири. Онъ умеръ въ бою, утѣшаясь видомъ лившейся японской крови. По духу, по бѣшенной отвагѣ, едва-ли какой-нибудь самурай могъ его превзойти. У насъ такъ любятъ описывать подвиги врага, а отличія своихъ изображаютъ всегда въ такой шаблонной и лубочной схемѣ, что я не

могъ удержаться, чтобы не остановиться на этомъ выдающемся примѣрѣ — не искусства, нѣтъ, а духа. Миръ праху твоему, доблестный товарищъ!

Когда разсвѣло, я началъ копать крыло къ своему редуту. Было ясно видно, что на дистанціи 2500 шаговъ японцы тоже что-то работаютъ. Они видѣли мою, а я ихъ работу; мы не мѣшали другъ другу; стрѣльбы не было.

Стрѣлки не получали горячей пищи уже двое сутокъ. Насъ бросили на погибель, но обозъ отъ насъ убрали. Нашему батальону не было оставлено ни одной повозки; были приняты мѣры, чтобы японцы, кромѣ нашихъ труповъ, не получили никакихъ трофеевъ.

Въ каждомъ взводѣ имѣлось ведро. Я разрѣшилъ стрѣлкамъ грѣть себѣ чай и готовить обѣдъ въ этихъ ведрахъ и въ уцѣлѣвшихъ котелкахъ. Мѣсто для костровъ было избрано на обратномъ склонѣ за еще не замаскированнымъ крыломъ редута. Дымокъ вился въ воздухѣ.

Неожиданно раздалось завываніе приближающагося снаряда. Онъ перелетѣлъ черезъ насъ. Сейчасъ же всѣ стрѣлки скрылись въ редутѣ и заняли свои мѣста. Первый взводъ, предназначенный для занятія крыла, въ окопъ не вошелъ, а укрылся на обратномъ склонѣ, въ десяти шагахъ отъ окопа. Я расположился на боковомъ фасѣ редута, у выхода изъ него. Плохо погашенные костры еще дымили.

Въ насъ стрѣляла батарея, надъ устройствомъ которой работали японцы, пока мы строили крыло. Крыло редута никѣмъ не было занято; оно сослужило въ этотъ

день моей ротѣ большую службу. Японскіе артиллеристы не разобрали хорошо маскированнаго редута, а крыло выдѣлялось совершенно ясно, и японцы замѣтили толпившихся тамъ во время постройки людей. Шрапнели рвались въ нѣсколькихъ саженяхъ въ сторонѣ отъ переполненнаго людьми редута надъ пустымъ крыломъ.

Мой денщикъ пріобрѣлъ мнѣ осла, на которомъ онъ перевозилъ наиболѣе необходимыя мнѣ вещи въ тѣ дни, когда мы разставались со своимъ обозомъ. Теперь оселъ былъ привязанъ къ дереву какъ разъ передъ обстрѣливаемымъ крыломъ. Никто не явился къ нему на помощь и вскорѣ онъ былъ убитъ.

Надъ редутомъ шрапнели разрывались только изрѣдка. Въ окопѣ редута, не смотря на водоотводныя канавы, было на четверть, а мѣстами и на полъ аршина воды. Какъ это ни было непріятно, но люди ложились въ эту воду; глубина окопа — менѣе четырехъ фут. — давала очень слабое прикрытіе.

У меня въ редутѣ было только двое раненыхъ. Но съ каждой минутой положеніе становилось серьезнѣе. Японская пѣхота наступала на фронтъ и обходила оба фланга нашего батальона. Мы растянулись въ длинную линію и не располагали ни однимъ стрѣлкомъ, чтобы помѣшать обходу японцевъ. Мы угрюмо смотрѣли на японцевъ, [illegible] и съ тоскою ожидали мгновеніе, когда [illegible] сомкнется вокругъ насъ. Всѣ мы были [illegible] что это послѣдній нашъ дебютъ на земле [illegible]

[illegible] увидѣлъ охотника, отчаянно жестикули[illegible] [illegible]ому направленію въ 200 шагахъ отъ

редута. Потокъ шрапнели отдѣлялъ охотника отъ меня, и, повидимому, онъ не рѣшался подойти къ редуту. Наконецъ, вѣтеръ донесъ намъ его крики: „отступать! скорѣй назадъ! командиръ полка приказалъ!"

Кто-то изъ моихъ людей призналъ этого охотника. Медлить не приходилось. Рота скатилась въ обрывъ за горжу, и въ порядкѣ, но бѣглымъ шагомъ выбралась на путь отступленія. Здѣсь собрался весь батальонъ. Оказалось, произошло слѣдующее.

Въ виду нашихъ печальныхъ донесеній, по мнѣнію начальства показывавшихъ упадокъ духа у насъ и преувеличеніе нами и силъ, и близости японцевъ, нашъ батальонъ изъ непосредственнаго подчиненія начальнику дивизіи былъ переданъ въ вѣдѣніе командира полка. Командиру полка было указано привести насъ въ надлежащій порядокъ и поддать намъ духу.

Съ намѣреніемъ произвести намъ разносъ, полковникъ Б., командиръ полка, прибылъ на Лахолинскій перевалъ. Въ это время надъ нимъ разрывается шрапнель. — Это что такое? — задаетъ онъ довольно странный вопросъ нашему батальонному командиру. — А это значитъ, что и вы попадетесь съ нами въ этомъ капканѣ, — и Гар-цкій показалъ на японцевъ, уже сильно обошедшихъ оба фланга нашего батальона. Полковникъ Б. отдалъ единственное отвѣчавшее обстановкѣ приказаніе — немедленно отступать, и ускакалъ къ другимъ частямъ. Его случайный визитъ на Лахолинскій перевалъ спасъ нашъ батальонъ отъ нелѣпой гибели.

Уходить надо было по узкому коридору между гребнями, уже занятыми японцами. Дорога шла по рытвинѣ,

въ которой текъ ручей. Моя рота шла второй отъ головы батальона. Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда рота проходила подъ небольшимъ холмомъ, на гребень его выскочила запыхавшаяся японская цѣпь, легла и немедленно открыла намъ во флангъ огонь съ дистанціи менѣе 100 шаговъ. Положеніе было весьма непріятное. Атаковать японцевъ не приходилось; атака задержала бы отступленіе, а минута задержки грозила уже гибелью. Японцы не рѣшились броситься на дорогу и загородить намъ путь. Къ счастью, наше движеніе прикрывалось отъ японскаго огня кустарникомъ и аршиннымъ углубленіемъ, по которому шла дорога. Колонна сразу прибавила ходу. Услыша выстрѣлы въ упоръ, я крикнулъ: „въ порядкѣ, это свои!" но сейчасъ же самъ замѣтилъ, что ошибся: пули свистѣли, неестественно громко хлопали прямо въ ухо выстрѣлы, падали раненые. Я выслалъ дозоръ посмотрѣть въ чемъ дѣло; одного стрѣлка сейчасъ же ранили, я получилъ отъ него донесеніе, что это японцы въ упоръ стрѣляютъ въ насъ. Пригнувшись къ землѣ, прикрываясь стѣною рытвины, подхватывая раненыхъ, колонна быстро неслась подъ разстрѣломъ. Пули начали падать и съ противоположнаго направленія. Ротные командиры, опасаясь, что быстрое движеніе можетъ превратиться въ безпорядочное бѣгство, все время тормозили ходъ колонны. Но съ хвоста колонны безпрерывно передавали— „больше шагъ"; задніе напирали на переднихъ; задерживаться не приходилось.

Большія группы стрѣлковъ шли рядомъ съ дорогой по ручью, полагая, вѣроятно, что тамъ лучше укрываться отъ выстрѣловъ. На извѣстныхъ разстояніяхъ вдоль ру-

чья были вырыты водоемы. Двигавшіеся по ручью люди попадали въ эти водоемы, проваливались, окунались, выкарабкивались, потомъ опять продолжали свое движеніе по неудобному пути до слѣдующаго водоема. Несмотря на весь трагизмъ положенія, регулярное ныряніе этихъ стрѣлковъ производило комическое впечатлѣніе. Чего только человѣкъ не перетерпитъ, избирая подъ огнемъ болѣе укромное положеніе.

Отойдя версты четыре, мы ожидали встрѣтить другой батальонъ, который прикрылъ бы наше отступленіе. Насъ уже сильно стѣсняли раненые. Оказалось, что этотъ батальонъ уже давно отступилъ. Вмѣсто него мы нашли казачій разъѣздъ; казаки поѣхали рядомъ съ нами и начали сообщать разные ужасы о томъ, что мы отрѣзаны, что японцы сдѣлали глубокій обходъ и что намъ уже не успѣть уйти. Офицеры нашего батальона прикрикнули на нихъ, и они исчезли.

Намѣренія начальника Восточнаго отряда не были намъ извѣстны. Ближайшимъ этапомъ, а также ближайшей укрѣпленной позиціей въ тылу являлся Ландясань, и нашъ батальонъ направлялся туда вслѣдъ за другими войсками Восточнаго отряда. Вскорѣ собрался весь нашъ полкъ; мы передали раненыхъ болѣе свѣжимъ ротамъ, и продолжали нашъ маршъ. Мы еще не прошли и двадцати верстъ, но совершенно выбились изъ силъ; стрѣлки вымокли и проголодались. Роты имѣли крайне печальный видъ; въ этотъ моментъ обувь находилась въ наиболѣе скверномъ состояніи за всю войну; и солдаты, и офицеры съ остервенѣніемъ ступали босикомъ израненными ногами. Наша усталость выказалась на сравни-

тельно небольшомъ южномъ Янзелинскомъ перевалѣ. Шестидесяти саженный подъемъ совершенно насъ разстроилъ; не хватало силъ преодолѣть его. Съ отчаяніемъ стрѣлки, чтобы облегчить себя, бросали все свое имущество, а затѣмъ, не имѣя уже силъ передвигать ноги, бросались сами на обочину дороги и съ грустью слѣдили, какъ удалялись ихъ роты. Отсталыхъ стало набираться столько, что пришлось сдѣлать вынужденный привалъ, чтобы дать людямъ отдохнуть.

Когда въ хорошей части стрѣлки выходятъ изъ строя и залегаютъ на обочинахъ дороги, то, слѣдовательно, велико было испытаніе, которое они не могли преодолѣть. Тяжела драма, происходящая въ душѣ хорошаго пѣхотинца, когда онъ, выбившись изъ силъ, оставляетъ ряды. Но когда это происходитъ при отступленіи, когда онъ чувствуетъ, что скоро станетъ добычей врага, его думы должны быть ужасны. Мы, офицеры, еще могли кое какъ передвигать ноги; тяжело было идти подъ взглядами изнемогшихъ людей съ попорченными ногами, оставляемыхъ врагу. Ротные командиры мучились, замѣчая, какъ таютъ ихъ роты, но средствъ помочь не было.

Роль безтолковыхъ арьергардныхъ жертвъ всѣмъ была противна; мы спѣшили вслѣдъ за главными силами —3-ей В. С. стр. дивизіей, отходившей къ Ландясаню. Было пройдено уже полъ-дороги; вдругъ нашъ арьергардъ былъ задержанъ встрѣченнымъ нами графомъ Келлеромъ, начальникомъ Восточнаго отряда. Онъ приказалъ остановиться; ему было доложено ложное извѣстіе, что японцы [illegible]ѣдують насъ по параллельной дорогѣ и мо-

гутъ отрѣзать насъ отъ Ландясаня. Графъ Келлеръ приказалъ арьергарду ждать, а самъ отправился на развѣдку для провѣрки донесенія, лично убѣдился въ томъ, что оно ложно, и приказалъ арьергарду расположиться на Янзелинскомъ хребтѣ, чтобы временно задержать наступленіе противника.

Безъ личнаго вмѣшательства графа Келлера мы уже 16-го іюня уступили бы японцамъ весь раіонъ горъ до Ландясаня, куда бы нашъ полкъ прибылъ въ ужасномъ видѣ. Остановка дала возможность подобрать отсталыхъ и выдать стрѣлкамъ горячую пищу, въ первый разъ за трое сутокъ.

Въ этотъ день поведеніе графа Келлера было чрезвычайно эффектно; своей личной работой, своимъ личнымъ спокойствіемъ онъ въ нашихъ глазахъ заглаживалъ тѣ упущенія, какія дѣлалъ по незнакомству съ методомъ борьбы въ горахъ. Трехдневное сидѣніе на Лахолинѣ, и отступленіе, описанное мною недостаточно ярко и краснорѣчиво, сильно отозвалось на всѣхъ насъ: мы тронулись нервами, сильно исхудали; одинъ офицеръ посѣдѣлъ; всѣ стали говорить рѣзко; физіономіи нервно подергивались. Встрѣча со спокойнымъ, не крикливымъ, порядочнымъ и хладнокровнымъ генераломъ произвела на насъ самое отрадное впечатлѣніе.

Дѣло на Лахолинскомъ перевалѣ стоило нашему батальону около 70 стрѣлковъ—12% всего состава. Пропустивъ всю армію черезъ такія дѣла, можно ее въ корнѣ испортить.

XVI.

Штыки.

Восточному отряду удалось удержаться впереди Янзелинскаго хребта. Передовыя части его расположились на высотахъ лѣваго берега Ланхэ, получившихъ названіе Тхавуанской позиціи.

Эта позиція была выбрана лично мною въ первыхъ числахъ мая, когда я еще былъ въ штабѣ. Тогда начальникъ штаба дивизіи получилъ по телеграфу приказаніе выбрать позицію на 11 батальоновъ. Штабъ дивизіи былъ расположенъ въ долинѣ рѣки Ланхэ, какъ разъ на пересѣченіи ея большой этапной дорогой. Начальникъ штаба сказалъ мнѣ, что онъ направится разыскивать позиціи на востокѣ, а мнѣ поручаетъ искать позицію на западѣ. Мы выѣхали одновременно. Я сразу же обратилъ вниманіе на крутыя высоты, окаймляющія лѣвый берегъ долины Ланхэ; у подножія этихъ высотъ мы были расположены; сейчасъ же я вернулся въ штабъ. Начальникъ штаба одобрилъ мой выборъ, но начальникъ дивизіи со мной не согласился; онъ не допускалъ мысли, чтобъ онъ могъ переночевать въ деревнѣ четверо сутокъ, и не замѣтить находящуюся здѣсь позицію.

На Тхавуанской позиціи пока было задержано только шесть батальоновъ. Пушекъ не было. Наши силы—3500 стрѣлковъ—были разбросаны на 5 верстъ по фронту и на 5 верстъ въ глубину. Послѣ утомительнаго и ужаснаго по внутреннему содержанію пребыванія въ арьергардѣ въ теченіе 14, 15 и 16 іюня, наши роты не

нашли себѣ отдыха и подъ Тхавуаномъ. Нашъ полкъ былъ разбросанъ повзводно, по горнымъ вершинамъ; офицеры и солдаты дичали. Не было ни крова, ни пищи. Доставка продовольствія, дровъ и воды изъ долинъ требовала утомительныхъ усилій. Войска не отдыхали, а все болѣе и болѣе разстраивались. Офицеры стали еще пассивнѣе относиться къ происходящимъ событіямъ.

Наши охотники убили японскаго офицера. Они вдвоемъ отбились отъ команды, и неожиданно встрѣтились лицомъ къ лицу съ японскимъ разъѣздомъ въ 12 коней. Дорога была узкая, всадники ѣхали одинъ за другимъ. Впереди находился японскій офицеръ. По разсказу охотниковъ, при неожиданной встрѣчѣ и они, и японцы остолбенѣли. Черезъ секунду японскій офицеръ засмѣялся, выхватилъ саблю и бросился впередъ. Въ это время одинъ охотникъ выстрѣломъ въ упоръ убилъ его, другой—его лошадь. Разъѣздъ ускакалъ въ безпорядкѣ. Японскій офицеръ такъ и застылъ съ широкой улыбкой на лицѣ. Охотники принесли офицерскую саблю и цѣлую пачку схемъ и диспозицій, очень важныхъ, которыя они догадались вынуть изъ походной сумки убитаго.

Кровь за кровь. Убитъ былъ и въ нашемъ полку начальникъ охотничьей команды. Мнѣ онъ особенно памятенъ. Онъ былъ на заставѣ и спалъ въ шалашѣ, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ. Часовой замѣтилъ двѣ подозрительныя фигуры, которыя направлялись къ заставѣ. Разбудили начальника. Онъ крикнулъ: „не стрѣляйте, можетъ быть это свои, пусть идутъ"; затѣмъ онъ подошелъ къ часовому, снялъ фуражку, помахалъ незнакомцамъ; они отвѣтили тѣмъ-же и продолжали идти. Въ ста шагахъ одинъ

изъ нихъ круто остановился, взялъ на изготовку и прицѣлился. Поручикъ Ивашкинъ хотѣлъ броситься къ своимъ, круто обернулся, но въ это время его настигла пуля японца. Пуля вошла въ правую руку и вышла въ лѣвую. Сердце было прострѣлено; смерть послѣдовала мгновенно. Пользуясь переполохомъ, японцы успѣли скрыться.

Мнѣ кажется, пѣхота должна разъ на всегда усвоить пріемъ: въ охраненіи, во всѣхъ подозрительныхъ случаяхъ, люди на постахъ и заставахъ должны ложиться цѣпью, брать на изготовку, и тогда уже выжидать разъясненія обстановки — кто впереди, и что съ нимъ надо дѣлать.

Поручика Ивашкина всѣ очень жалѣли. Это былъ прекрасный, умный, интеллигентный офицеръ, умѣло дѣйствовавшій со своими охотниками. Это былъ первый убитый въ полку офицеръ, котораго намъ удалось похоронить. Мы его завернули въ циновку, какъ онъ былъ, въ бѣльѣ, и положили въ вырытую яму. Похороны были „безъ церковнаго пѣнія, безъ ладона; только солнышко знойное вмѣсто яраго воску свѣчи" освѣщало тѣло покойнаго. Тяжело было на душѣ. У него осталась въ Москвѣ невѣста, и еще полтора мѣсяца затѣмъ ежедневно приходили въ полкъ письма, писанныя ея рукой.

Въ случаѣ наступленія японцевъ было рѣшено дать имъ на Тхавуанской позиціи только слабый отпоръ, и затѣмъ отходить къ Ландясаню. Такимъ образомъ, пораженіе наше подъ Тхавуаномъ было преднамѣчено впередъ. Пока что, близость японцевъ положительно раздражала штабъ Восточнаго отряда. Все время разрабатывали[illegible]оэкты легкихъ активныхъ дѣйствій для вре-

мяпрепровожденія досуговъ войскъ. Изъ области идей эти проэкты начали переходить въ жизнь. Еслибъ насъ отдѣляло отъ японцевъ разстояніе хотя бы только въ 30 верстъ, задумываемыя предпріятія оказались бы ударами по воздуху, такъ какъ во время марша успѣли бы передумать и отставить наступленіе. Но до японцевъ было только 7 верстъ, и столкновенія съ ними въ дѣйствительности происходили.

На первый разъ рѣшено было огорошить японцевъ ночной штыковой атакой. Два батальона были направлены въ ночь на 21 іюня на перевалъ съ кумирней, что близъ Мотіенлинга; три роты — на перекрестокъ дорогъ изъ деревни Макумензы на Синкайлинскій и Лахолинскій перевалы; задачи этихъ ротъ сводились къ тому, чтобы переколоть японскую заставу и обезпечить флангъ главной колонны.

Одиннадцать назначенныхъ дла ночного дѣла ротъ были собраны изъ разныхъ частей. Отъ трехъ полковъ были взяты батальоны съ лучшими командирами. Батальономъ 10-го В. С. стр. полка командовалъ подполковникъ Горскій; онъ былъ очень эффектенъ ночью въ бѣломъ кителѣ; онъ ярко выдѣлялся среди одѣтыхъ въ хаки стрѣлковъ.

Какъ онъ уцѣлѣлъ въ этомъ штыковомъ бою, я не понимаю. Батальономъ N-го полка командовалъ подполковникъ Гар..цкій, мой уважаемый командиръ. Батальономъ 24-го полка и главной колонной командовалъ полковникъ Лечицкій.

Графъ Келлеръ очень разсчитывалъ на штыки; подъѣхавъ къ нашему батальону, онъ объяснялъ намъ ---

японцы умѣютъ дѣйствовать только огнемъ, что они не могутъ и думать сразиться съ нами штыками; что разъ мы дорвались до нихъ, побѣда наша: надо только соблюсти два условія: во первыхъ, дойти до японцевъ — а ночью ихъ огонь не остановитъ насъ, и во вторыхъ, самимъ, подъ страхомъ безчестія, ни въ коемъ случаѣ не сдѣлать ни одного выстрѣла: „я бы пустилъ васъ въ атаку безъ патроновъ, но они могутъ вамъ понадобиться на утро", добавилъ графъ Келлеръ.

Вначалѣ предполагали въ эту ночь захватить и удержать за собою малый перевалъ съ кумирней, что въ полуверстѣ отъ Мотіенлинга (Уфангуанскаго перевала), но въ послѣднюю минуту рѣшили ограничиться болѣе скромной цѣлью.

Японцамъ дѣлался экзаменъ въ искусствѣ штыкового боя ночью; они его выдержали. Задача была окончательно формулирована такъ: переколоть японцевъ и отступить. Результатъ былъ такой. Мы вывели изъ строя 45 японцевъ, а сами потеряли 430 нижнихъ чиновъ и 15 офицеровъ. Главной колоннѣ пришлось отступать по долинѣ, подъ перекрестнымъ огнемъ японскихъ постовъ, что и вызвало такія потери.

Мнѣ лично въ этомъ бою пришлось участвовать, какъ командиру роты во вспомогательной колоннѣ. Опишу свои впечатлѣнія, въ которыхъ трагическое и комическое непосредственно переплетаются.

Намъ вечеромъ не дали ни поспать, ни поужинать. Съ семи часовъ вечера насъ уже начали передвигать. Отъ Т[illegible]анской башни мы выступили только въ 1 ч. ноч[illegible]у времени мы были уже сильно утомлены—

хотѣлось и ѣсть, и спать. Мы двинулись впередъ, по неволѣ въ походной колоннѣ; въ другомъ строю въ горахъ ночью далеко не уйти. Къ намъ, подъ предлогомъ несенія службы связи, пристроился генеральнаго штаба подполковникъ Г...фельдъ. Ему, повидимому, надоѣла мирная жизнь въ Ляоянѣ и захотѣлось испробовать впечатлѣнія боя.

Наши три роты шествовали такъ: во главѣ двигались цѣпью 30 охотниковъ съ моимъ субалтерномъ, поручикомъ К...хинымъ, офицеромъ непомѣрной храбрости. Шагахъ въ двадцати сзади шелъ пѣшкомъ нашъ командиръ батальона, рядомъ съ нимъ подполковникъ Г...фельдъ. Свита Г...фельда, человѣкъ 6 конныхъ охотниковъ, шли за нимъ, держа лошадей въ поводу. Мы находили, что держать конныхъ въ головѣ колонны, идущей въ штыки, неудобно, но стѣснялись сказать это незнакомому штабъ-офицеру генеральнаго штаба. За ними шла шестая рота, затѣмъ командуемая мною седьмая, и въ хвостѣ восьмая рота.

Мы шли уже больше часу, довольно быстро подвигаясь впередъ. Мы проходили около одинакаго китайскаго дома. Шумъ нашихъ шаговъ разбудилъ китайца; онъ показался на порогѣ. Я его спросилъ на манчжурскомъ воляпюкѣ—далеко-ли? Онъ отвѣтилъ: иго-ли (полъ версты). Я послалъ сказать объ этомъ командиру батальона. Мы втянулись въ узкую дорогу между заборами изъ глины и булыжника, ограждавшими китайскія поля. Прошло минутъ пять. Впереди блеснули огни, посыпались пули. Колонна рѣзко остановилась. Затѣмъ лошади, которыхъ вели охотники въ головѣ колонны, вырвались

и повернули назадъ. Я едва успѣлъ броситься направо, мой субалтернъ налѣво, вся походная колонна раздалась, и пять-шесть лошадей промчались между нами.

Наши охотники, разбросанные рѣдкой цѣпью, ничего не могли подѣлать съ японской заставой, сомкнувшейся въ кучку въ родѣ карре и энергично отстрѣливавшейся. Японцы не успѣли примкнуть штыки и отражали атаку однимъ огнемъ. Луна еще не совсѣмъ спряталась; видно было шаговъ на пятнадцать. Большая часть шестой роты, увлеченная скачущими лошадьми, бросилась назадъ; съ командиромъ роты двинулся въ атаку только первый взводъ, но онъ попалъ въ оврагъ и въ темнотѣ не могъ выбраться изъ него. Со мной осталась только первая полурота. Вторая полурота была также увлечена лошадьми. Въ тылу раздался голосъ браваго командира восьмой роты, штабъ-капитана Сам...ова, скомандовавшаго своей ротѣ „на руку!" и остановившаго бѣглецовъ. Онъ энергично водворялъ порядокъ, раздавая налѣво и направо увѣсистыя затрещины. По ошибкѣ попало даже нашему славному врачу Ф...ману, не оставлявшему нашъ батальонъ даже въ минуту рукопашной схватки.

Спереди доносился голосъ батальоннаго командира: шестая рота, въ штыки! Я крикнулъ — шестой роты нѣтъ! слышу команду: седьмая рота, въ штыки! Обнажаю шашку, бѣгу впередъ. Испытываю самыя различныя чувства. Но и въ это трагическое мгновеніе въ мой мозгъ врѣзывается комическая сценка: подполковникъ Г...фелдъ (связь) заявляетъ, что надо писать донесеніе, и зажигаетъ спичку; до японцевъ всего нѣсколько шаговъ; ко-

мандиръ батальона рѣзкимъ ударомъ тушитъ зажженную спичку.

Въ ночномъ сумракѣ виднѣется кучка японцевъ, дерущихся съ нашими охотниками. Все описанное выше происходило въ теченіе нѣсколькихъ секундъ; событія шли быстрымъ темпомъ. Бѣжимъ впередъ. Чуть не наступаю на японскій секретъ. Японецъ выскакиваетъ буквально изъ подъ ногъ и стрѣлой несется вдаль. Когда я собрался махнуть шашкой, онъ былъ уже далеко. Вспорхнувшій секретъ оставилъ совершенно такое же впечатлѣніе, какъ выводокъ дичи, совершенно неожиданно поднимающійся изъ подъ ногъ. Когда къ охотникамъ стала приближаться поддержка, вся японская кучка вдругъ повернулась и полнымъ ходомъ бросилась на утекъ; всего японцевъ вѣроятно было человѣкъ сорокъ или пятьдесятъ. Одинъ солдатикъ облапилъ одного японца, но тотъ его сильно укусилъ сквозь рубашку за плечо; нашъ стрѣлокъ вскрикнулъ отъ боли, японецъ вырвался и скрылся въ кусты. Другой японецъ остановился, вытащилъ изъ ноженъ штыкъ и хотѣлъ примкнуть его къ ружью; на него набросился нашъ стрѣлокъ; японецъ фехтовалъ штыкомъ, какъ шашкой, отбилъ нѣсколько ударовъ и бросился бѣжать. Во всемъ этомъ разобрались уже потомъ. На мѣстѣ боя осталось пять японскихъ труповъ; въ плѣнъ былъ взятъ одинъ японецъ съ семью штыковыми ранами въ сѣдалищную часть и двумя ружейными. Вѣроятно, онъ былъ подстрѣленъ въ ночной темнотѣ своими, такъ какъ мы не выпустили ни одного выстрѣла. Раненый японецъ повидимому страшно страдалъ—онъ голосилъ во всю. Его положили на носилки

спиною вверхъ и унесли. Наши потери заключались въ двѣнадцати раненыхъ солдатахъ и одномъ офицерѣ. Каждый раненый имѣлъ отъ трехъ до десяти пуль, такъ какъ раны получались въ упоръ, въ рукопашной свалкѣ. Большая часть была ранена смертельно. Поручикъ К—инъ, ударившій шашкой японскаго часового, получилъ двѣ пули въ руку и въ ногу и разрывную гранату [1]). Когда японскій часовой замѣтилъ блеснувшую надъ ними шашку, онъ крикнулъ „свой!" Поручикъ К-инъ задержался на четверть секунды и получилъ пулю.

Большая ошибка полагать, что успѣхъ въ ночномъ бою даетъ только грубая физическая сила. Одиночная выучка, ловкость и духъ стрѣлковъ имѣютъ рѣшительное значеніе. Въ описанной ночной свалкѣ особенно отличился одинъ изъ охотниковъ моей роты. Онъ попалъ въ роту довольно страннымъ путемъ. Онъ служилъ въ пограничной стражѣ; ему захотѣлось попасть въ дѣйствующія войска. Онъ убѣжалъ изъ своей сотни и явился въ нашъ полкъ. Сначала хотѣли его арестовать за первый со службы побѣгъ, но потомъ рѣшили, что неразумно отказываться отъ такого солдата. Пока о немъ шла переписка, успѣли произвести его въ унтеръ-офицеры и дать ему знаки отличія военнаго ордена четвертой

---

[1]) Въ ногѣ оказалось нѣсколько сотъ мелкихъ осколковъ металла, какъ бы занозъ. Быть можетъ, это была не граната, а пуля, ударившаяся въ камень близъ ноги и разлетѣвшаяся въ потокъ брызгъ. Черезъ 2 мѣсяца поручикъ К—инъ вернулся въ строй.

и третьей степени. Потомъ я потерялъ его изъ виду. Это былъ настоящій солдатъ-охотникъ, сильный, смѣлый, осторожный, хитрый и искусный. Въ ночной свалкѣ онъ былъ единственнымъ изъ стрѣлковъ, заколовшій яцонца, не будучи самъ раненымъ. Онъ показывалъ мнѣ тогда же свой окровавленный штыкъ и разсказалъ, что замѣтилъ, что японцы стрѣляютъ все передъ собой, и наши передъ ними такъ и валятся; онъ пустился въ обходъ, забѣжалъ сбоку и нанесъ въ темнотѣ два хорошихъ штыковыхъ удара въ столпившихся въ кучу японцовъ; послѣ этого они побѣжали.

Я выдалъ ему денежную награду—пять рублей, чтобъ поощрить его сейчасъ-же; знаки военнаго ордена выдавались не скоро. Впослѣдствіи его отняли у меня изъ роты совсѣмъ. Онъ именовался помощникомъ начальника охотничьей команды; на практикѣ онъ командовалъ всегда самостоятельной партіей охотниковъ. Какъ начальникъ, онъ былъ страшно остороженъ. Онъ наносилъ японцамъ значительный вредъ, но въ то же время всегда дорого цѣнилъ жизнь своихъ охотниковъ, и не подводилъ ихъ подъ лишнія потери.

Мнѣніе участвовавшихъ въ свалкѣ стрѣлковъ: еслибъ намъ разрѣшили стрѣлять, то ни одинъ изъ сорока столпившихся въ кучу японцевъ не ушелъ бы. Я отчасти раздѣляю это мнѣніе, но полагаю, что съ ночной стрѣльбой вышло бы много недоразумѣній; перестрѣляли бы своихъ. Удержать стрѣлковъ отъ ночной стрѣльбы удалось только вслѣдствіе дружной работы отдѣленныхъ и взводныхъ. Стрѣлки часто вскидывали ружья на изготовку и открывали затворы.

Когда свалка закончилась, батальонъ сталъ развертываться въ боевой порядокъ. Моей ротѣ пришлось переходить черезъ ручей, который струился въ обрывистыхъ берегахъ. Стемнѣло; ничего не было видно въ пяти шагахъ Переправа продолжалась почти часъ. Приходилось спускать стрѣлковъ въ оврагъ на рукахъ, и такимъ-же образомъ вытаскивать на другой берегъ. Когда на слѣдующее утро пришлось переходить черезъ ручей обратно, то переправа не задержала насъ ни на одну минуту; при свѣтѣ легко было выбрать удобное мѣсто для переправы.

Батальонъ ночью развернулся въ одну линію: одна рота была въ долинѣ, двѣ другія по обѣимъ сторонамъ на горахъ, уступомъ впереди.

Когда разсвѣло, я увидѣлъ въ шестистахъ шагахъ передъ своей ротой поле свалки съ лежащими трупами. На высокой скалѣ мы какъ бы висѣли въ засадѣ надъ ними. Издали по дорогѣ приближался развѣдочный отрядъ японцевъ изъ 18 нижнихъ чиновъ при двухъ офицерахъ. Мы не такъ скоро замѣтили бы японскихъ солдатъ, такъ какъ они были одѣты въ накидкахъ цвѣта хаки, но офицеры въ черныхъ пальто рѣзко выдѣлялись. Японцы шли по дорогѣ гуськомъ. Одинъ офицеръ шелъ въ головѣ, другой въ хвостѣ отряда. Подойдя къ трупамъ, японцы столпились около нихъ и кого то подняли — можетъ быть еще живого. Въ это время я скомандовалъ залпъ Японцы вѣроятно услыхали мою команду, такъ какъ они уже бросились въ разныя стороны, когда мы выпустили нашъ залпъ. Затѣмъ мы открыли пачечный огонь. Четыре японца остались лежать неподвижно,

трое повидимому были тяжело ранены; но остальные сразу разбѣжались въ широкую цѣпь, офицеры оказались на флангахъ и расширяли все время цѣпь. Отбѣжавъ шаговъ двѣсти, они скрылись въ кустахъ, остановились, и открыли по намъ огонь. Ко времени полученія приказанія отступать стрѣлковый бой продолжался три минуты; въ моей ротѣ было уже пять раненыхъ. Дѣйствіе нашего огня нельзя было разобрать. Получалось впечатлѣніе, что японскій офицеръ убитъ: онъ стоялъ въ кустахъ, вытянувшись во весь ростъ, и смотрѣлъ на нашу скалу въ бинокль, представляя весьма благодарную цѣль. Вѣроятно всѣ стрѣлки цѣлились въ него. Подпоручикъ Б—къ и мой фельдфебель не утерпѣли, схватили винтовки и сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ по японскому офицеру. Онъ опустился на землю.

Задача нашего батальона была окончена. Мы отходили угрюмыми, голодными, невыспавшимися, усталыми. Подъ конецъ случился эпизодъ, отчасти комическій, но въ сущности представляющій весьма опасное явленіе. Онъ характеризуетъ ту идейную обстановку борьбы съ врагомъ внутреннимъ, въ которой протекала эта кампанія для нашихъ войскъ.

На высотѣ близъ Тхавуана мы замѣтили начальника Восточнаго отряда, графа Келлера, наблюдавшаго наше отступленіе. Въ то время всѣ насъ ругали; за свою тяжелую службу ни отъ кого мы не выслушали добраго слова. Естественно, сразу было рѣшено воспользоваться этимъ случаемъ, чтобъ начальству втереть очки. Японцы насъ не преслѣдовали, но мы не унывали и рѣшили дать арьергардный бой по всѣмъ правиламъ мане-

изъ нихъ круто остановился, взялъ на изготовку и прицѣлился. Поручикъ Ивашкинъ хотѣлъ броситься къ своимъ, круто обернулся, но въ это время его настигла пуля японца. Пуля вошла въ правую руку и вышла въ лѣвую. Сердце было прострѣлено; смерть послѣдовала мгновенно. Пользуясь переполохомъ, японцы успѣли скрыться.

Мнѣ кажется, пѣхота должна разъ на всегда усвоить пріемъ: въ охраненіи, во всѣхъ подозрительныхъ случаяхъ, люди на постахъ и заставахъ должны ложиться цѣпью, брать на изготовку, и тогда уже выжидать разъясненія обстановки — кто впереди, и что съ нимъ надо дѣлать.

Поручика Ивашкина всѣ очень жалѣли. Это былъ прекрасный, умный, интеллигентный офицеръ, умѣло дѣйствовавшій со своими охотниками. Это былъ первый убитый въ полку офицеръ, котораго намъ удалось похоронить. Мы его завернули въ циновку, какъ онъ былъ, въ бѣльѣ, и положили въ вырытую яму. Похороны были „безъ церковнаго пѣнія, безъ ладона; только солнышко знойное вмѣсто яраго воску свѣчи" освѣщало тѣло покойнаго. Тяжело было на душѣ. У него осталась въ Москвѣ невѣста, и еще полтора мѣсяца затѣмъ ежедневно приходили въ полкъ письма, писанныя ея рукой.

Въ случаѣ наступленія японцевъ было рѣшено дать имъ на Тхавуанской позиціи только слабый отпоръ, и затѣмъ отходить къ Ландясаню. Такимъ образомъ, пораженіе наше подъ Тхавуаномъ было преднамѣчено впередъ. Пока что, близость японцевъ положительно раздражала штабъ Восточнаго отряда. Все время разрабатывались проэкты легкихъ активныхъ дѣйствій для вре-

мяпрепровожденія досуговъ войскъ. Изъ области идей эти проэкты начали переходить въ жизнь. Еслибъ насъ отдѣляло отъ японцевъ разстояніе хотя бы только въ 30 верстъ, задумываемыя предпріятія оказались бы ударами по воздуху, такъ какъ во время марша успѣли бы передумать и отставить наступленіе. Но до японцевъ было только 7 верстъ, и столкновенія съ ними въ дѣйствительности происходили.

На первый разъ рѣшено было огорошить японцевъ ночной штыковой атакой. Два батальона были направлены въ ночь на 21 іюня на перевалъ съ кумирней, что близъ Мотіенлинга; три роты — на перекрестокъ дорогъ изъ деревни Макумензы на Синкайлинскій и Лахолинскій перевалы; задачи этихъ ротъ сводились къ тому, чтобы переколоть японскую заставу и обезпечить флангъ главной колонны.

Одиннадцать назначенныхъ дла ночного дѣла ротъ были собраны изъ разныхъ частей. Отъ трехъ полковъ были взяты батальоны съ лучшими командирами. Батальономъ 10-го В. С. стр. полка командовалъ подполковникъ Горскій; онъ былъ очень эффектенъ ночью въ бѣломъ кителѣ; онъ ярко выдѣлялся среди одѣтыхъ въ хаки стрѣлковъ.

Какъ онъ уцѣлѣлъ въ этомъ штыковомъ бою, я не понимаю. Батальономъ N-го полка командовалъ подполковникъ Гар..цкій, мой уважаемый командиръ. Батальономъ 24-го полка и главной колонной командовалъ полковникъ Лечицкій.

Графъ Келлеръ очень разсчитывалъ на штыки; подъѣхавъ къ нашему батальону, онъ объяснялъ намъ, что

и повернули назадъ. Я едва успѣлъ броситься направо, мой субалтернъ налѣво, вся походная колонна раздалась, и пять-шесть лошадей промчались между нами.

Наши охотники, разбросанные рѣдкой цѣпью, ничего не могли подѣлать съ японской заставой, сомкнувшейся въ кучку въ родѣ карре и энергично отстрѣливавшейся. Японцы не успѣли примкнуть штыки и отражали атаку однимъ огнемъ. Луна еще не совсѣмъ спряталась; видно было шаговъ на пятнадцать. Большая часть шестой роты, увлеченная скачущими лошадьми, бросилась назадъ; съ командиромъ роты двинулся въ атаку только первый взводъ, но онъ попалъ въ оврагъ и въ темнотѣ не могъ выбраться изъ него. Со мной осталась только первая полурота. Вторая полурота была также увлечена лошадьми. Въ тылу раздался голосъ браваго командира восьмой роты, штабъ - капитана Сам...ова, скомандовавшаго своей ротѣ „на руку!" и остановившаго бѣглецовъ. Онъ энергично водворялъ порядокъ, раздавая налѣво и направо увѣсистыя затрещины. По ошибкѣ попало даже нашему славному врачу Ф...ману, не оставлявшему нашъ батальонъ даже въ минуту рукопашной схватки.

Спереди доносился голосъ батальоннаго командира: шестая рота, въ штыки! Я крикнулъ — шестой роты нѣтъ! слышу команду: седьмая рота, въ штыки! Обнажаю шашку, бѣгу впередъ. Испытываю самыя различныя чувства. Но и въ это трагическое мгновеніе въ мой мозгъ врѣзывается комическая сценка: подполковникъ Г...ѳелдъ (связь) заявляетъ, что надо писать донесеніе, и зажигаетъ спичку; до японцевъ всего нѣсколько шаговъ; ко-

хотѣлось и ѣсть, и спать. Мы двинулись впередъ, по неволѣ въ походной колоннѣ; въ другомъ строю въ горахъ ночью далеко не уйти. Къ намъ, подъ предлогомъ несенія службы связи, пристроился генеральнаго штаба подполковникъ Г...фельдъ. Ему, повидимому, надоѣла мирная жизнь въ Ляоянѣ и захотѣлось испробовать впечатлѣнія боя.

Наши три роты шествовали такъ: во главѣ двигались цѣпью 30 охотниковъ съ моимъ субалтерномъ, поручикомъ К...хинымъ, офицеромъ непомѣрной храбрости. Шагахъ въ двадцати сзади шелъ пѣшкомъ нашъ командиръ батальона, рядомъ съ нимъ подполковникъ Г...фельдъ. Свита Г...фельда, человѣкъ 6 конныхъ охотниковъ, шли за нимъ, держа лошадей въ поводу. Мы находили, что держать конныхъ въ головѣ колонны, идущей въ штыки, неудобно, но стѣснялись сказать это незнакомому штабъ-офицеру генеральнаго штаба. За ними шла шестая рота, затѣмъ командуемая мною седьмая, и въ хвостѣ восьмая рота.

Мы шли уже больше часу, довольно быстро подвигаясь впередъ. Мы проходили около одинакаго китайскаго дома. Шумъ нашихъ шаговъ разбудилъ китайца; онъ показался на порогѣ. Я его спросилъ на манчжурскомъ воляпюкѣ—далеко-ли? Онъ отвѣтилъ: иго-ли (полъ версты). Я послалъ сказать объ этомъ командиру батальона. Мы втянулись въ узкую дорогу между заборами изъ глины и булыжника, ограждавшими китайскія поля. Прошло минутъ пять. Впереди блеснули огни, посыпались пули. Колонна рѣзко остановилась. Затѣмъ лошади, которыхъ вели охотники въ головѣ колонны, вырвались

и повернули назадъ. Я едва успѣлъ броситься направо, мой субалтернъ налѣво, вся походная колонна раздалась, и пять-шесть лошадей промчались между нами.

Наши охотники, разбросанные рѣдкой цѣпью, ничего не могли подѣлать съ японской заставой, сомкнувшейся въ кучку въ родѣ карре и энергично отстрѣливавшейся. Японцы не успѣли примкнуть штыки и отражали атаку однимъ огнемъ. Луна еще не совсѣмъ спряталась; видно было шаговъ на пятнадцать. Большая часть шестой роты, увлеченная скачущими лошадьми, бросилась назадъ; съ командиромъ роты двинулся въ атаку только первый взводъ, но онъ попалъ въ оврагъ и въ темнотѣ не могъ выбраться изъ него. Со мной осталась только первая полурота. Вторая полурота была также увлечена лошадьми. Въ тылу раздался голосъ браваго командира восьмой роты, штабъ-капитана Сам...ова, скомандовавшаго своей ротѣ „на руку!" и остановившаго бѣглецовъ. Онъ энергично водворялъ порядокъ, раздавая налѣво и направо увѣсистыя затрещины. По ошибкѣ попало даже нашему славному врачу Ф...ману, не оставлявшему нашъ батальонъ даже въ минуту рукопашной схватки.

Спереди доносился голосъ батальоннаго командира: шестая рота, въ штыки! Я крикнулъ — шестой роты нѣтъ! слышу команду: седьмая рота, въ штыки! Обнажаю шашку, бѣгу впередъ. Испытываю самыя различныя чувства. Но и въ это трагическое мгновеніе въ мой мозгъ врѣзывается комическая сценка: подполковникъ Г...фелдъ (связь) заявляетъ, что надо писать донесеніе, и зажигаетъ спичку; до японцевъ всего нѣсколько шаговъ; ко-

мандиръ батальона рѣзкимъ ударомъ тушитъ зажженную спичку.

Въ ночномъ сумракѣ виднѣется кучка японцевъ, дерущихся съ нашими охотниками. Все описанное выше происходило въ теченіе нѣсколькихъ секундъ; событія шли быстрымъ темпомъ. Бѣжимъ впередъ. Чуть не наступаю на японскій секретъ. Японецъ выскакиваетъ буквально изъ подъ ногъ и стрѣлой несется вдаль. Когда я собрался махнуть шашкой, онъ былъ уже далеко. Вспорхнувшій секретъ оставилъ совершенно такое же впечатлѣніе, какъ выводокъ дичи, совершенно неожиданно поднимающійся изъ подъ ногъ. Когда къ охотникамъ стала приближаться поддержка, вся японская кучка вдругъ повернулась и полнымъ ходомъ бросилась на утекъ; всего японцевъ вѣроятно было человѣкъ сорокъ или пятьдесятъ. Одинъ солдатикъ облапилъ одного японца, но тотъ его сильно укусилъ сквозь рубашку за плечо; нашъ стрѣлокъ вскрикнулъ отъ боли, японецъ вырвался и скрылся въ кусты. Другой японецъ остановился, вытащилъ изъ ноженъ штыкъ и хотѣлъ примкнуть его къ ружью; на него набросился нашъ стрѣлокъ; японецъ фехтовалъ штыкомъ, какъ шашкой, отбилъ нѣсколько ударовъ и бросился бѣжать. Во всемъ этомъ разобрались уже потомъ. На мѣстѣ боя осталось пять японскихъ труповъ; въ плѣнъ былъ взятъ одинъ японецъ съ семью штыковыми ранами въ сѣдалищную часть и двумя ружейными. Вѣроятно, онъ былъ подстрѣленъ въ ночной темнотѣ своими, такъ какъ мы не выпустили ни одного выстрѣла. Раненый японецъ повидимому страшно страдалъ—онъ голосилъ во всю. Его положили на носилки

спиною вверхъ и унесли. Наши потери заключались въ двѣнадцати раненыхъ солдатахъ и одномъ офицерѣ. Каждый раненый имѣлъ отъ трехъ до десяти пуль, такъ какъ раны получались въ упоръ, въ рукопашной свалкѣ. Большая часть была ранена смертельно. Поручикъ К—инъ, ударившій шашкой японскаго часового, получилъ двѣ пули въ руку и въ ногу и разрывную гранату [1]). Когда японскій часовой замѣтилъ блеснувшую надъ ними шашку, онъ крикнулъ „свой!" Поручикъ К—инъ задержался на четверть секунды и получилъ пулю.

Большая ошибка полагать, что успѣхъ въ ночномъ бою даетъ только грубая физическая сила. Одиночная выучка, ловкость и духъ стрѣлковъ имѣютъ рѣшительное значеніе. Въ описанной ночной свалкѣ особенно отличился одинъ изъ охотниковъ моей роты. Онъ попалъ въ роту довольно страннымъ путемъ. Онъ служилъ въ пограничной стражѣ; ему захотѣлось попасть въ дѣйствующія войска. Онъ убѣжалъ изъ своей сотни и явился въ нашъ полкъ. Сначала хотѣли его арестовать за первый со службы побѣгъ, но потомъ рѣшили, что неразумно отказываться отъ такого солдата. Пока о немъ шла переписка, успѣли произвести его въ унтеръ-офицеры и дать ему знаки отличія военнаго ордена четвертой

---

[1]) Въ ногѣ оказалось нѣсколько сотъ мелкихъ осколковъ металла, какъ бы занозъ. Быть можетъ, это была не граната, а пуля, ударившаяся въ камень близъ ноги и разлетѣвшаяся въ потокъ брызгъ. Черезъ 2 мѣсяца поручикъ К—инъ вернулся въ строй.

и третьей степени. Потомъ я потерялъ его изъ виду. Это былъ настоящій солдатъ-охотникъ, сильный, смѣлый, осторожный, хитрый и искусный. Въ ночной свалкѣ онъ былъ единственнымъ изъ стрѣлковъ, заколовшій яцонца, не будучи самъ раненымъ. Онъ показывалъ мнѣ тогда же свой окровавленный штыкъ и разсказалъ, что замѣтилъ, что японцы стрѣляютъ все передъ собой, и наши передъ ними такъ и валятся; онъ пустился въ обходъ, забѣжалъ сбоку и нанесъ въ темнотѣ два хорошихъ штыковыхъ удара въ столпившихся въ кучу японцовъ; послѣ этого они побѣжали.

Я выдалъ ему денежную награду—пять рублей, чтобъ поощрить его сейчасъ-же; знаки военнаго ордена выдавались не скоро. Впослѣдствіи его отняли у меня изъ роты совсѣмъ. Онъ именовался помощникомъ начальника охотничьей команды; на практикѣ онъ командовалъ всегда самостоятельной партіей охотниковъ. Какъ начальникъ, онъ былъ страшно остороженъ. Онъ наносилъ японцамъ значительный вредъ, но въ то же время всегда дорого цѣнилъ жизнь своихъ охотниковъ, и не подводилъ ихъ подъ лишнія потери.

Мнѣніе участвовавшихъ въ свалкѣ стрѣлковъ: еслибъ намъ разрѣшили стрѣлять, то ни одинъ изъ сорока столпившихся въ кучу японцевъ не ушелъ бы. Я отчасти раздѣляю это мнѣніе, но полагаю, что съ ночной стрѣльбой вышло бы много недоразумѣній; перестрѣляли бы своихъ. Удержать стрѣлковъ отъ ночной стрѣльбы удалось только вслѣдствіе дружной работы отдѣленныхъ и взводныхъ. Стрѣлки часто вскидывали ружья на изготовку и открывали затворы.

Когда свалка закончилась, батальонъ сталъ развертываться въ боевой порядокъ. Моей ротѣ пришлось переходить черезъ ручей, который струился въ обрывистыхъ берегахъ. Стемнѣло; ничего не было видно въ пяти шагахъ Переправа продолжалась почти часъ. Приходилось спускать стрѣлковъ въ оврагъ на рукахъ, и такимъ-же образомъ вытаскивать на другой берегъ. Когда на слѣдующее утро пришлось переходить черезъ ручей обратно, то переправа не задержала насъ ни на одну минуту; при свѣтѣ легко было выбрать удобное мѣсто для переправы.

Батальонъ ночью развернулся въ одну линію: одна рота была въ долинѣ, двѣ другія по обѣимъ сторонамъ на горахъ, уступомъ впереди.

Когда разсвѣло, я увидѣлъ въ шестистахъ шагахъ передъ своей ротой поле свалки съ лежащими трупами. На высокой скалѣ мы какъ бы висѣли въ засадѣ надъ ними. Издали по дорогѣ приближался развѣдочный отрядъ японцевъ изъ 18 нижнихъ чиновъ при двухъ офицерахъ. Мы не такъ скоро замѣтили бы японскихъ солдатъ, такъ какъ они были одѣты въ накидкахъ цвѣта хаки, но офицеры въ черныхъ пальто рѣзко выдѣлялись. Японцы шли по дорогѣ гуськомъ. Одинъ офицеръ шелъ въ головѣ, другой въ хвостѣ отряда. Подойдя къ трупамъ, японцы столпились около нихъ и кого то подняли — можетъ быть еще живого. Въ это время я скомандовалъ залпъ. Японцы вѣроятно услыхали мою команду, такъ какъ они уже бросились въ разныя стороны, когда мы выпустили нашъ залпъ. Затѣмъ мы открыли пачечный огонь. Четыре японца остались лежать неподвижно,

трое повидимому были тяжело ранены; но остальные сразу разбѣжались въ широкую цѣпь, офицеры оказались на флангахъ и расширяли все время цѣпь. Отбѣжавъ шаговъ двѣсти, они скрылись въ кустахъ, остановились, и открыли по намъ огонь. Ко времени полученія приказанія отступать стрѣлковый бой продолжался три минуты; въ моей ротѣ было уже пять раненыхъ. Дѣйствіе нашего огня нельзя было разобрать. Получалось впечатлѣніе, что японскій офицеръ убитъ: онъ стоялъ въ кустахъ, вытянувшись во весь ростъ, и смотрѣлъ на нашу скалу въ бинокль, представляя весьма благодарную цѣль. Вѣроятно всѣ стрѣлки цѣлились въ него. Подпоручикъ Б—къ и мой фельдфебель не утерпѣли, схватили винтовки и сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ по японскому офицеру. Онъ опустился на землю.

Задача нашего батальона была окончена. Мы отходили угрюмыми, голодными, невыспавшимися, усталыми. Подъ конецъ случился эпизодъ, отчасти комическій, но въ сущности представляющій весьма опасное явленіе. Онъ характеризуетъ ту идейную обстановку борьбы съ врагомъ внутреннимъ, въ которой протекала эта кампанія для нашихъ войскъ.

На высотѣ близъ Тхавуана мы замѣтили начальника Восточнаго отряда, графа Келлера, наблюдавшаго наше отступленіе. Въ то время всѣ насъ ругали; за свою тяжелую службу ни отъ кого мы не выслушали добраго слова. Естественно, сразу было рѣшено воспользоваться этимъ случаемъ, чтобъ начальству втереть очки. Японцы насъ не преслѣдовали, но мы не унывали и рѣшили дать арьергардный бой по всѣмъ правиламъ мане-

вреннаго искусства. Въ эту кампанію, если можно было когда нибудь полюбоваться батальной картинкой во вкусѣ Красносельскихъ представленій, то эту возможность мы предоставили начальнику Восточнаго отряда. Онъ могъ видѣть, какъ изъ одной долины въ полномъ безпорядкѣ дебушировала главная колонна, потерявшая 30% своего состава; это былъ одинъ непрерывный транспортъ носильщиковъ съ ранеными. А изъ другой долины тоже несли носилки съ ранеными, но войска отходили за ними въ полномъ порядкѣ. Чуть ли не въ тактъ отчеканивались дружные, выдержанные залпы. Двигались спокойнымъ шагомъ; цѣпи равнялись въ струнку. Боевая часть все уменьшалась, цѣпи становились рѣже, а резервы увеличивались. Наконецъ батальонъ перешелъ въ строй поротно. Все это было исполнено очень чисто. Суть этого маневра заключалась въ томъ, что на разстояніи двухъ верстъ не было ни одного японца.

Подполковникъ Г—фельдъ, „связь", бывшая при нашемъ отрядѣ, очень конфузился за тѣ непріятности, которыя причинили намъ ночью лошади его охотниковъ; онъ всячески стремился стать намъ полезнымъ. Между прочимъ, когда мы по приказанію начали отступать передъ двадцатью японцами, онъ спросилъ командира батальона: „Вамъ не будетъ обидно, если я донесу, что на васъ наступаютъ только двѣнадцать японскихъ ротъ?" Батальонный командиръ отвѣтилъ, что намъ, на наши три роты, этого числа непріятеля совершенно достаточно.

Графъ Келлеръ отъ нашихъ дѣйствій пришелъ въ восторгъ; мы давали ему возможность мысленно отдохн[illegible]ь тяжелой неудачи, постигшей главную колонну.

Онъ выразилъ командиру батальона и всѣмъ офицерамъ свою глубокую признательность.

Въ данномъ случаѣ маневръ на полѣ сраженія имѣлъ вполнѣ безобидный характеръ; онъ поддержалъ духъ и въ насъ, и въ нашемъ начальствѣ. Намъ прямо было заявлено, что такого чистаго веденія боя, да еще отступательнаго, никогда не было и у Скобелева. Но были маневры и поопаснѣе; во время наступленія сталкивались съ обозначеннымъ противникомъ и не помогали товарищамъ, находившимся въ дѣйствительномъ бою. Всюду бываютъ злоупотребленія, достойныя самаго позорнаго клейменія. Къ счастью, я могу замѣтить, что подобныхъ случаевъ въ 6-ой В. С. стрѣлковой дивизіи не было.

XVII.

Рѣшительное наступленіе.

По заявленію Гамильтона, японцы не знали, что и думать о боѣ 21 іюня. Между тѣмъ Восточный отрядъ постепенно усиливался. Собралась вся третья В. С. стрѣлковая дивизія; подошла бригада X корпуса. Объ отступленіи думать не перестали, но стали все болѣе и болѣе поговаривать о переходѣ въ наступленіе. Постепенно разрабатывали идею прорыва центра арміи Куроки наступленіемъ по большой дорогѣ. Теперь мы могли уже располагать 30-ю батальонами, что представляло уже порядочную силу. Подготовляли интендантскіе запасы; среди расположенія войскъ устроили склады про-

довольствія въ размѣрѣ четырехъ и восьмидневной потребности.

Наконецъ распространилось извѣстіе, будто изъ Петербурга предписали атаковать японцевъ, и генералъ Куропаткинъ согласился перейти въ наступленіе на восточномъ фронтѣ. Уже въ концѣ іюня точно указывали время нашего перехода въ наступленіе—вечеръ 3-го іюля. Такъ оно и оказалось въ дѣйствительности.

Планъ наступленія вырабатывался коллегіально. Въ основу плана была положена неспособность наша къ активнымъ дѣйствіямъ днемъ, вслѣдствіе отсутствія у насъ горной артиллеріи, и неумѣнія и боязни развернуть въ горахъ полевыя батареи. Пѣхота должна была разсчитывать исключительно на свои силы. По неволѣ пришлось принять планъ нападенія на японцевъ ночью.

При разсчетѣ движенія возникли пререканія. Первоначально полагали начать движеніе въ одинъ часъ ночи; до разсвѣта, въ 3½ часа ночного времени, предполагали пройти шесть верстъ, овладѣть позиціей непріятельскаго охраненія, затѣмъ пройти еще 1½ версты трудной горной мѣстности, и овладѣть главной непріятельской позиціей.

Генеральнаго штаба подполковникъ Од . . . указывалъ на трудность исполненія такой сложной задачи въ 3½ часа времени. Онъ настаивалъ на выступленіи въ 9 час. вечера. Въ комиссіи поторговались и рѣшили начать движеніе въ 11 час. вечера.

Не буду останавливаться на деталяхъ. Всѣ разсчеты были ошибочны; всѣ удары были невѣрно нацѣлены. Войска были разбиты на массу колоннъ; въ каждой ко-

лоннѣ задача была поставлена ошибочно, и ошибочно формулирована. Получилась настоящая диспозиція Вейротера, безъ внутренняго смысла и связи. Главные удары нацѣливались не на важныя вершины, а на не имѣвшіе тактическаго значенія перевалы.

Зато передъ боемъ былъ отданъ войскамъ чрезвычайно краснорѣчивый, эффектный приказъ. Какъ это наступленіе являлось предтечей большого сентябрскаго наступленія (бои на р. Шахэ), такъ и отданный графомъ Келлеромъ приказъ являлся предтечей знаменитому Куропаткинскому „идемъ на вы". Приказъ графа Келлера имѣлъ большое превосходство надъ приказомъ генерала Куропаткина въ сжатости и рѣзкости выраженій. Мнѣ пришлось этотъ приказъ толковать своей ротѣ. Помню, я пересказывалъ его своими словами: „къ намъ теперь пришла подмога. До сихъ поръ намъ приходилось драться одному противъ десятерыхъ. Теперь въ бою превосходство въ числѣ будетъ на нашей сторонѣ. До сихъ поръ цѣлью нашихъ дѣйствій въ бояхъ была подлая оборона; мы только отбивались отъ врага. Теперь назадъ ни шагу! мы пойдемъ впередъ, и каждая пядь земли, которую мы отберемъ отъ врага, составитъ достояніе Россійскаго государства на вѣчныя времена. Каждый нашъ шагъ впередъ составляетъ выигрышъ, и мы должны видѣть свою священную задачу въ движеніи впередъ, въ наступленіи". Приказъ Куропаткина передъ Шахейскимъ боемъ былъ только распространеннымъ толкованіемъ тѣхъ же идей.

Диспозиція была плоха, приказъ былъ хорошъ; но залогъ побѣды или пораженія въ предстоящемъ бою заключался не въ томъ и не въ другомъ, а въ свойствахъ

массы войскъ и начальниковъ, на коихъ возлагались важнѣйшія задачи.

Графъ Келлеръ, бросавшійся ранѣе во всѣ стороны во главѣ мелкихъ отрядовъ — полковъ и даже разъѣздовъ, на этотъ разъ рѣшилъ остаться въ роли командира корпуса. Управленіе главной атакой, въ которой должны были участвовать 15 батальоновъ, было возложено имъ на генерала К-скаго, командовавшаго уже войсками на полѣ Тюренченскаго сраженія Генералъ К-скій нисколько не скрывалъ своего враждебнаго отношенія къ предпринимаемому наступленію. На этой почвѣ онъ испортилъ окончательно свои отношенія къ графу Келлеру; они перестали другъ съ другомъ разговаривать. Въ засѣданіяхъ комиссіи, вырабатывавшей планъ атаки, генералъ К-скій систематически молчалъ. Какъ говорили, передъ наступленіемъ онъ потребовалъ журналъ военныхъ дѣйствій 3-ьей В. С. стрѣлковой дивизіи и продиктовалъ: „въ успѣхъ наступленія 3-го іюля, въ коемъ на меня возложено управленіе главной атакой, я не вѣрю. По моему мнѣнію, кромѣ безплоднаго пролитія крови, изъ этого дѣла ничего не выйдетъ". Эти слова еще до боя обсуждались въ войскахъ. Коментаріи не требуются.

Какъ извѣстно, изъ наступленія въ ночь на 4-ое іюля ничего не вышло. До разсвѣта войска только успѣли овладѣть позиціей сторожевого охраненія японцевъ. Утромъ мы безъ пушекъ оказались подъ разстрѣломъ съ главной позиціи японцевъ. Одна полевая батарея, бывшая у генерала К-скаго, еще до шести часовъ [illegible] была отправлена имъ въ тылъ. Графъ Келлеръ

былъ очень недоволенъ, увидѣвъ въ самомъ началѣ наступленія уходящія назадъ орудія. Наша пѣхота, жестоко анфилируемая съ возвышенностей, на которыя атака не была направлена, подъ огнемъ пушекъ и пулеметовъ залегла. Началось постепенное отступленіе. Мы потеряли очень много людей. Точныя цифры мнѣ не извѣстны, но онѣ, повидимому, выше опубликованныхъ. Съ большимъ разочарованіемъ въ достоинствахъ наступленія наши войска вернулись обратно, на Тхавуанскую позицію. Графъ Келлеръ всю неудачу атаки приписалъ распоряженіямъ генерала К-скаго, о чемъ и телеграфировалъ командующему арміей.

Перехожу теперь къ описанію личныхъ впечатлѣній [1]).

Установилась хорошая погода. Мы жадно наслаждались солнечными днями, которые для многихъ изъ насъ были уже послѣдними. Невдалекѣ отъ бивака нашего батальона протекалъ ручей. Весь батальонъ собирался на его берегахъ. Раздѣвались, мылись, стирали бѣлье, чистились, выводили мелкихъ, но крайне непріятныхъ насѣкомыхъ, общихъ враговъ офицеровъ и солдатъ.

Въ полкъ приходило много подарковъ; и офицеры, и нижніе чины обзаводились новымъ имуществомъ. Много было прислано изъ Москвы, гдѣ оставались родственники и знакомые офицеровъ нашего третьяго батальона. Главная масса подарковъ поступила въ полкъ изъ скла-

---

[1]) Этотъ бой описывается у Гамильтона въ главѣ: „сраженіе у достигающаго небесъ прохода".

да Государыни Императрицы Александры Θедоровны. Въ виду большого некомплекта въ полку каждый офицеръ получилъ по два подарка, нижніе чины — по полтора. Полученіе подарковъ было крайне пріятно; раздача ихъ произвела самое лучшее впечатлѣніе.

Вещевые мѣшки нижнихъ чиновъ, уже совершенно отощавшіе, вновь наполнились и даже переполнились. Стрѣлки завели себѣ цѣлое приданое — по полдюжины бѣлья. Они носили на себѣ огромные чемоданы; маневрированіе въ горахъ еще болѣе затруднилось.

Стрѣлкамъ неоднократно отдавалось распоряженіе распродать или выкинуть лишнія вещи. Но одними словесными указаніями не удавалось ограничить размѣръ носимаго стрѣлками груза. Наконецъ приняли болѣе радикальныя мѣры: отобрали всѣ вещевые мѣшки и отправили ихъ назадъ, въ дальній тылъ. На людяхъ были оставлены только сапожные чахлы; такъ какъ ни у кого запасныхъ сапогъ не было, то въ свободные чахлы помѣщали сухарные мѣшки, принадлежность для чистки винтовки и записную книжку. Одна смѣна бѣлья укладывалась въ карманъ шинели. Ничего другого стрѣлки не несли, и главное, не имѣли мѣста, куда бы они могли спрятать лишнія вещи. На походѣ стрѣлкамъ было легче; подъ конецъ марша имъ не приходилось постепенно выбрасывать менѣе необходимыя вещи.

Идея этого приспособленія сапожнаго чахла подъ вещевой мѣшокъ принадлежала полковнику Л-скому, командиру одного изъ В. С. стрѣлковыхъ полковъ. Его полкъ при отступленіи потерялъ часть снаряженія. Голь на выдумки хитра; приспособили вмѣсто мѣшковъ ча-

хлы. Вышло очень удобно и красиво. Другіе полки начали подражать. Стрѣлки, у коихъ не было сапожнаго чахла, перешивали и уменьшали по его образцу вещевые мѣшки.

Въ общемъ, жизнь текла мирно. Нашъ бивакъ былъ расположенъ всего въ полуверстѣ отъ передовыхъ частей. Наши часовые, не смотря на всѣ увѣщеванія, держались такъ, что ихъ было видно на большомъ разстояніи. Иногда какой нибудь японецъ открывалъ по нашему часовому огонь съ дистанціи около 3000 шаговъ. Наши стрѣлки въ такихъ случаяхъ ругались и почему-то предполагали, что по нимъ японцы стрѣляли спьяна.

Между расположеніемъ японцевъ и нами находилась деревня Макуменза. Въ теченіе мѣсяца, съ 16-го іюня по 18-ое іюля, эту деревню поочередно занимали то наши охотники, то японцы. Въ деревнѣ оставалось нѣсколько китайцевъ, которые наблюдали за имуществомъ и полями. Имъ приходилось наблюдать и сравнивать дѣйствія нашихъ стрѣлковъ и японцевъ. Мы обратились къ одному изъ стариковъ китайцевъ съ вопросомъ, чѣмъ отличается нашъ способъ дѣйствія отъ японскаго. Поясняя свои слова энергичной мимикой, китаецъ отвѣтилъ слѣдующее: „японцы крадутся потихоньку, ползутъ, разглядываютъ все снизу вверхъ. Ваши солдаты, наоборотъ, идутъ прямо и храбро на высшія замѣтныя точки, выпрямляются тамъ во весь ростъ, поднимаются на цыпочки, чтобъ все лучше разглядѣть. О своей особѣ они совершенно забываютъ. Зато, когда японецъ увидитъ вашихъ, онъ сейчасъ же, даже ко-

гда онъ одинъ противъ многихъ, прицѣливается и стрѣляетъ. Ваши же солдаты, какъ увидятъ японцевъ, сейчасъ шепчутся, посылаютъ сказать офицеру и, когда имъ прикажутъ, стрѣляютъ". На всѣхъ присутствовавшихъ заявленіе китайца произвело впечатлѣніе голой правды.

Чтобъ поднять духъ войскъ Восточнаго отряда, изъ высшихъ сферъ передъ наступленіемъ пускались разные благопріятные намъ слухи. Намъ благопріятствовали языками, по римской поговоркѣ [1]. Къ сожалѣнію, эти слухи оказались впослѣдствіи ложными. Почти офиціально намъ сообщалось о томъ, что японцы въ концѣ іюня произвели рѣшительный штурмъ Портъ-Артура, и, потерявъ 40000 человѣкъ, отступили. Ротные командиры ознакамливали солдатъ съ этими извѣстіями. Говорили, будто генералъ Стессель послалъ трехъ гонцевъ къ генералу Куропаткину съ фальшивыми донесеніями, что въ Портъ-Артурѣ нѣтъ патроновъ, что духъ гарнизона палъ, и что если японцы рискнутъ штурмовать крѣпость, то овладѣютъ ею въ нѣсколько часовъ. Стессель будто бы приказалъ своимъ гонцамъ непремѣнно попасть въ руки японцамъ. Японцы перехватили гонцовъ, прочитали донесенія и немедленно рѣшили идти на приступъ. А мы ихъ и накрошили. Три японскихъ полка обходили берегомъ моря форты, а броненосецъ Ретвизанъ подошелъ и всѣхъ до послѣдняго перестрѣлялъ... Повѣрили-ли намъ солдаты? Не знаю. Такъ хотѣлось хорошихъ вѣстей, что всякую нелѣпость принимали на вѣру. Хоро-

---

[1]) Favete linguis.

шіе солдаты вѣроятно повѣрили, но тѣмъ ужаснѣе было для нихъ разочарованіе. Помню о боѣ у Ваѳангоу у насъ сначала распространились побѣдныя вѣсти. Свѣдѣніе о потерянныхъ въ дѣйствительности орудіяхъ и отступленіи произвело на стрѣлковъ впечатлѣніе сильнаго удара по головѣ.

Передъ самымъ выступленіемъ въ ночной бой произошелъ случай, о которомъ вспоминаю до сихъ поръ съ тяжелымъ сердцемъ. Изъ рядовъ нашего батальона вышелъ молодой офицеръ, подпоручикъ Гавриковъ, и обратился къ командиру полка съ просьбой удѣлить ему немного вниманія. Онъ заявилъ, что онъ женатъ, но тайно, безъ разрѣшенія начальства, и бракъ его не занесенъ въ послужной списокъ. На Кавказѣ у него осталась жена съ груднымъ ребенкомъ. Онъ перевелся въ Восточную Сибирь именно потому, что тамъ молодые офицеры могутъ жениться безъ представленія реверса. Переводъ его какъ разъ совпалъ съ объявленіемъ войны. Онъ уже участвовалъ въ четырехъ бояхъ, но наканунѣ этого наступленія имъ овладѣло мрачное предчувствіе, что вскорѣ онъ будетъ убитъ; онъ просилъ командира полка, чтобъ онъ позаботился объ его сынѣ и вдовѣ, выхлопоталъ бы ей право на пенсію. Командиръ полка успокоилъ его и обѣщалъ исполнить его просьбу.

Я не вѣрю въ предчувствія, но въ данномъ случаѣ оно оправдалось. Всѣ офицеры батальона остались невредимыми, кромѣ подпоручика Гаврикова. Злой рокъ его преслѣдовалъ. Всѣ пули такъ и летѣли на него, какъ бабочки летятъ на огонь. Въ 11 час. вечера онъ былъ контуженъ въ голову. Въ 7 час. утра онъ былъ раненъ

въ ногу навылетъ. Стрѣлки ему говорили: „прикажите унести себя, ваше благородіе, не сдобровать вамъ". Уже серьезно раненый, подпоручикъ Гавриковъ отвѣчалъ: „Отобъемъ вотъ эту атаку — японцы уже близко, тогда пусть уносятъ". Онъ продолжалъ сидя руководить своей ротой. Въ 8 час. утра онъ былъ убитъ пулей въ лобъ; смерть послѣдовала мгновенно. Какъ только не стало подпоручика Гаврикова, японцы восторжествовали; печальные остатки его полуроты отступили. Трупъ подпоручика Гаврикова на нѣсколько десятковъ шаговъ протащили подъ огнемъ; затѣмъ пришлось его бросить на произволъ судьбы. Онъ умеръ геройски; свой долгъ передъ отечествомъ онъ исполнилъ до конца. А исполнило-ли свой долгъ передъ нимъ отечество? получили-ли вдова и сынъ какое либо обезпеченіе, или они брошены на произволъ судьбы? Не знаю. Командиръ полка началъ горячо хлопотать; начальникъ дивизіи принялъ тоже большое участіе. Но черезъ десять дней выбылъ начальникъ дивизіи, черезъ 15 — командиръ полка; составъ офицеровъ полка весь перемѣнился. Некому было защищать интересы семьи подпоручика Гаврикова. Дѣло пошло обыкновеннымъ канцелярскимъ порядкомъ. Черезъ три мѣсяца, когда я покидалъ 6-ую В. С. стрѣлковую дивизію, была получена какая то мало обѣщающая бумага — требовали какъ разъ тѣ документы, коихъ не было. Весь составъ былъ новый, о Гавриковѣ уже забыли; просить было некому. Печальныя воспоминанія!

Наша колонна выступила ранѣе всѣхъ остальныхъ. Назначеніе ея было второстепенное, но почему то она высылалась впередъ. Можетъ быть думали произвести

демонстрацію. На самомъ дѣлѣ только произвели преждевременно въ расположеніи японцевъ тревогу.

Въ 11 час. ночи, когда только начиналось наступленіе главной колонны, мы уже достигли цѣли и вновь на мѣстѣ боя 21-го іюня атаковали охраненіе японцевъ. Поперекъ всей долины стояли теперь японскіе посты, довольно близко одинъ отъ другого. Какъ только наша колонна была обнаружена, японцы открыли пачечный огонь; вспыхивавшіе въ ночной темнотѣ огни отчетливо указывали пункты расположенія японскихъ постовъ. Но этотъ разъ наша атака вышла гораздо болѣе дружной, чѣмъ 11-го іюня. Всѣ ожидали открытія японскаго огня; всѣ были подготовлены къ этому рѣзкому впечатлѣнію, и потому такихъ недоразумѣній, какъ въ прошлый разъ, не произошло. На японскій огонь весь батальонъ отвѣтилъ крикомъ „ура!" Первые крики однако совпали съ пріостановкой движенія; нѣкоторые даже пятились. Это длилось нѣсколько мгновеній; въ колоннѣ наступательныя стремленія боролись съ нерѣшительностью. Затѣмъ энергія наступленія одержала верхъ, и колонна, развертываясь на бѣгу, бросилась впередъ; никто не отставалъ, въ темнотѣ было жутко потерять свое мѣсто въ рядахъ. Роты разорвались пополамъ. Головныя полуроты бѣжали со своими ротными командирами, вторыя — съ фельдфебелями. Всѣ нацѣливались на японскіе посты. Свѣтящіяся точки быстро приближались; вдругъ все смолкло, наступила темнота: подпустивъ насъ на нѣсколько шаговъ, японцы не приняли удара и бѣгомъ отступили.

Было не совсѣмъ темно; тѣмъ не менѣе пришлось

были удовлетворительны, то мы остались на своихъ мѣстахъ. Начался рѣдкій трескъ первыхъ выстрѣловъ. Въ этотъ день моя рота непосредственно не участвовала въ горячкѣ боя; всего моя рота потеряла четырехъ стрѣлковъ. Но лѣвый флангъ батальона ввязался въ сильный бой. Гора, на которой я находился, представляла прекрасный наблюдательный пунктъ. На этомъ клочкѣ поля сраженія артиллеріи не было ни у насъ, ни у японцевъ, и я былъ свидѣтелемъ энергичнаго, чисто пѣхотнаго дѣла.

Противъ лѣваго фланга нашего батальона въ весьма близкомъ разстояніи возвышалась небольшая сопка. Я замѣтилъ на ней какое-то движеніе. Внимательное наблюденіе убѣдило меня, что сопка занята не нами, а японцами. Люди толпились на склонѣ, обращенномъ къ японцамъ, прикрываясь отъ насъ гребнемъ сопки. На вершинѣ сидѣлъ какой - то японскій офицеръ. Отъ нашей линіи къ нему подползъ какой то человѣкъ, вѣроятно развѣдчикъ, вытянулся во весь ростъ, приложилъ руку къ козырку, и что-то долго рапортовалъ.

Застучали выстрѣлы. Охотники на лѣвомъ флангѣ пытались продвинуться впередъ; японцы разсыпались по гребню сопки и открыли огонь. Охотники вернулись на нашу позицію. Все замолкло.

Издали, отъ Мотіенлинскаго перевала, доносился пушечный громъ, ворчаніе пулеметовъ и ружейная трескотня. У насъ бой пока разгорался вяло. Японцы то показывались на возвышенностяхъ противъ нашего лѣваго фланга, затѣвали энергичную огневую схватку, то снова черезъ короткое время скрывались. Вѣроятно, ихъ силы были еще недостаточны для наступленія.

21-го іюня. Такъ какъ прошлый разъ въ бой вступила моя рота, расположенная на южныхъ сопкахъ, то и теперь вниманіе командира батальона приковывалось по прежнему на югъ. Въ горахъ не выгодно держать сильные резервы въ долинахъ; они могутъ не успѣть во время подняться на горы. Поэтому нашъ батальонъ развернулся такъ: на югъ—двѣ роты — моя и пятая; на сѣверъ, на имѣющія важнѣйшее значеніе сопки — только одна шестая, и въ резервъ батальона — восьмая. Съ разсвѣтомъ ее пришлось двинуть на подкрѣпленіе шестой. Моя седьмая и пятая роты пропали для боя на важнѣйшемъ пунктѣ. Батальонъ растянулся на двѣ версты.

Ночь была очень холодная. Мы были голодны и дрожали отъ холода, такъ какъ были очень легко одѣты. Послѣ нервнаго подъема ночной атаки хотѣлось спать. Длительность современныхъ операцій имѣетъ огромное значеніе. Теперь нормально къ началу боя человѣкъ уже измученъ, усталъ и требуетъ подкрѣпленія силъ.

Наконецъ стало свѣтать. Намъ было указано съ разсвѣтомъ оставаться на своихъ позиціяхъ и произвести охотниками развѣдку непріятельскаго расположенія. Непріятель былъ очень близко передъ нами; охотникамъ не пришлось далеко ходить.

Послѣ развертыванія ночью въ боевой порядокъ, разсвѣтъ производитъ впечатлѣніе поднятія занавѣса въ театрѣ. Я съ любопытствомъ началъ разсматривать развернувшуюся передо мною панораму.

Оказалось, что мы не дошли нѣсколькихъ сотъ шаговъ до перекрестка: но такъ какъ занятыя нами позиціи

были удовлетворительны, то мы остались на своихъ мѣстахъ. Начался рѣдкій трескъ первыхъ выстрѣловъ. Въ этотъ день моя рота непосредственно не участвовала въ горячкѣ боя; всего моя рота потеряла четырехъ стрѣлковъ. Но лѣвый флангъ батальона ввязался въ сильный бой. Гора, на которой я находился, представляла прекрасный наблюдательный пунктъ. На этомъ клочкѣ поля сраженія артиллеріи не было ни у насъ, ни у японцевъ, и я былъ свидѣтелемъ энергичнаго, чисто пѣхотнаго дѣла.

Противъ лѣваго фланга нашего батальона въ весьма близкомъ разстояніи возвышалась небольшая сопка. Я замѣтилъ на ней какое-то движеніе. Внимательное наблюденіе убѣдило меня, что сопка занята не нами, а японцами. Люди толпились на склонѣ, обращенномъ къ японцамъ, прикрываясь отъ насъ гребнемъ сопки. На вершинѣ сидѣлъ какой - то японскій офицеръ. Отъ нашей линіи къ нему подползъ какой то человѣкъ, вѣроятно развѣдчикъ, вытянулся во весь ростъ, приложилъ руку къ козырку, и что-то долго рапортовалъ.

Застучали выстрѣлы. Охотники на лѣвомъ флангѣ пытались продвинуться впередъ; японцы разсыпались по гребню сопки и открыли огонь. Охотники вернулись на нашу позицію. Все замолкло.

Издали, отъ Мотіенлинскаго перевала, доносился пушечный громъ, ворчаніе пулеметовъ и ружейная трескотня. У насъ бой пока разгорался вяло. Японцы то показывались на возвышенностяхъ противъ нашего лѣваго фланга, затѣвали энергичную огневую схватку, то снова черезъ короткое время скрывались. Вѣроятно, ихъ силы были еще недостаточны для наступленія.

Гору на крайнемъ нашемъ лѣвомъ флангѣ занимала полурота подпоручика Гаврикова. На короткое время полурота вошла въ связь съ одной изъ колоннъ, наступавшихъ лѣвѣе насъ. Затѣмъ колонна куда-то скрылась.

Передъ нашимъ фронтомъ показались японцы. Это были части гвардіи, спѣшившія на подмогу съ Лахолинскаго и Синкайлинскаго переваловъ. Эти части не атаковали насъ, а продвигались передъ нашимъ фронтомъ влѣво, къ сопкамъ, имѣвшимъ важнѣйшее стратегическое и тактическое значеніе. Отъ насъ японцы укрывались складками мѣстности; но тридцать нашихъ охотниковъ, высланныхъ уступомъ впередъ, обстрѣливали залпами двигающіяся японскія части.

Было ясно видно, что японцы несутъ потери. Раненыхъ они заносили въ попутные дома. Но движеніе продолжалось безпрерывно. Японцы разбились на малыя группы, вѣроятно на отдѣленія; эти группы вразсыпную принимали все влѣво, къ сѣверу, и тамъ исчезали за гребнемъ. Повидимому, японцы сильно торопились, такъ какъ двигались по кратчайшему пути, неся потери, вмѣсто того, чтобъ сдѣлать нѣсколько подальше обходъ горами. Противъ нашихъ охотниковъ былъ выставленъ ничтожный заслонъ — взводъ, который своимъ огнемъ стремился облегчить, и дѣйствительно облегчилъ положеніе дефилировавшихъ частей.

Противъ моей роты, гдѣ-то въ кустахъ, за камнями, очень близко залегло человѣкъ пять японцевъ. Они насъ энергично обстрѣливали. Мы ихъ не видѣли, и потому не отвѣчали.

Съ уходомъ роты резерва въ боевую часть на доро-

гѣ въ долинѣ не оставалось никого. Мы сдѣлали ошибку, что не оставили на дорогѣ маяка, который-бы направлялъ къ командиру батальона ординарцевъ и вѣстовыхъ. Со своей горы я видѣлъ, какъ по дорогѣ выѣхалъ верхомъ на линію цѣпи хозяйственный адъютантъ штаба дивизіи. Онъ ѣхалъ съ какимъ-то приказаніемъ и не замѣчалъ нашего батальона, притаившагося въ кустахъ. Я предостерегъ его крикомъ; почти въ то-же время японцы выпустили въ него нѣсколько выстрѣловъ съ очень близкой дистанціи. Однако, ему удалось уцѣлѣть. Привезенное имъ приказаніе представляло нѣсколько повтореній и громкихъ фразъ; къ дѣлу оно не шло.

Между тѣмъ, японцы постепенно накопили противъ нашего лѣваго фланга большія силы — около батальона, и приступили къ энергичнымъ дѣйствіямъ. Открылся жестокій пачечный огонь. Съ пункта на продолженіи нашего фронта, гдѣ раньше была сосѣдняя колонна, показались японцы и повели атаку прямо намъ во флангъ. Подпоручикъ Гавриковъ разсыпалъ свою полуроту подъ угломъ на два фронта, и упорно удерживалъ вершину горы. Японцы сосредоточили на ней косоприцѣльный огонь. Какъ только послышались крики „банзай!" небольшой части японцевъ, штурмовавшей нашъ лѣвый флангъ, сейчасъ же всѣ японцы перенесли огонь на сопку подпоручика Гаврикова.

Нѣкоторые японскіе стрѣлки, игнорируя цѣли на 800 шаговъ, стрѣляли по атакованной сопкѣ на дистанцію въ 2000 шаговъ. Японцы несомнѣнно обнаружили умѣніе сосредоточивать усилія и огонь пѣхоты на важнѣйшую точку. Сопка подпоручика Гаврикова повиди-

мому не была видна многимъ японцамъ изъ занятаго ими укрытаго расположенія. Эти японскіе стрѣлки вскакивали на ноги, выбѣгали впередъ, или же стоя стрѣляли по нашему лѣвому флангу. Нѣкоторые наши солдаты увѣряли, что японцы вскакиваютъ на ноги изъ сочувствія къ штурмующимъ войскамъ. Это было, конечно, невѣрно, но, тѣмъ не менѣе, получалась внушательная картина. Мы обстрѣливали японцевъ частыми залпами. Мой фельдфебель безпрерывно приходилъ въ восторгъ отъ чрезвычайно дружныхъ и выдержанныхъ залповъ восьмой роты. Онъ съ умиленіемъ все время твердилъ: „ахъ, какая рота! ахъ, какіе залпы!"

Первый штурмъ былъ отбитъ, но дорогой цѣной: въ лѣвофланговой полуротѣ выбыли изъ строя всѣ унтеръ-офицеры; фельдфебель и подпоручикъ Гавриковъ были убиты; бóльшая половина стрѣлковъ была перебита. Японцы не дали намъ передохнуть и устроиться; они вновь бросились на штурмъ.

Сзади въ 1500—2000 шагахъ былъ какой-то нашъ полкъ, недавно прибывшій на театръ военныхъ дѣйствій. Онъ не вошелъ съ нами въ связь. Свое присутствіе онъ обнаружилъ огнемъ на дальнюю дистанцію въ направленіи нашего лѣваго фланга. Пули разбрасывались, доставалось и намъ, и японцамъ. У насъ были стрѣлки, раненые несомнѣнно русскими пулями.

Связь была установлена только впослѣдствіи, когда нашъ батальонъ, собравшись, сталъ отходить на этотъ полкъ. Въ батальонѣ очень боялись, чтобы насъ не разстрѣляли въ упоръ свои. Лучшіе гимнастеры безъ снаряженія и ружей были посланы бѣгомъ впередъ; криками

„свои, свои!“ они успѣли предупредить дальнѣйшія недоразумѣнія.

Съ моего наблюдательнаго пункта было ясно видно, какъ японцы тѣсно обложили нашу лѣвофланговую сопку и затѣмъ овладѣли ею энергичнымъ натискомъ. Изъ 70-ти занимавшихъ ее стрѣлковъ ушло человѣкъ 20. Раздались громкіе крики японцевъ—они торжествовали побѣду; затѣмъ полился огневой потокъ вдоль расположенія нашего батальона.

Нашу позицію, съ потерей ея ключа, нельзя, да и не къ чему было болѣе удерживать. Ударъ слѣва заставилъ батальонъ принять вправо. Это было въ 9 ч. утра.

Собственно на этомъ оканчиваются боевыя дѣйствія нашего батальона въ этотъ день. Произошелъ еще цѣлый рядъ недоразумѣній домашняго характера, которыя я опускаю, такъ какъ они имѣютъ болѣе личный характеръ и требуютъ подробнаго изложенія для ихъ объясненія. Насъ очень ругали, что мы отступили; на это послѣдовало донесеніе, что отступленія не было, произошла только перемѣна позиціи, вызванная обстоятельствами боя. Тогда гнѣвъ смѣнился на милость. „Перемѣна позиціи“ была исполнена не вполнѣ чисто, но только тотъ не ошибается, кто ничего не дѣлаетъ.

Голодные, измученные, простояли мы въ полутора верстахъ отъ мѣста схватки до вечера. На мнѣ были казенные сапоги; 3-го іюля я ихъ одѣлъ въ первый разъ, а 4-го они развалились и я ходилъ босикомъ.

Китайцы принесли намъ одного изъ нашихъ ране-
ны ковъ. Онъ побывалъ въ плѣну у японцевъ, но
эти изъ фанзы, въ которую его положили

японцы вмѣстѣ со своими ранеными. Китайцы подобрали его и бѣгомъ принесли къ намъ на самодѣльныхъ носилкахъ. Одинъ китаецъ во время этого добраго дѣла былъ раненъ японцами. Мы щедро наградили носильщиковъ. Нашъ раненый показывалъ, что японцы снесли на дорогу до 40 тѣлъ своихъ убитыхъ. Нашъ батальонъ заставилъ японцевъ заплатить хорошую цѣну за понесенныя нами потери. Въ схваткѣ нашего батальона съ японскимъ выигрышъ по ариѳметикѣ потерь былъ на нашей сторонѣ, но въ тактикѣ и стратегіи — на сторонѣ японцевъ. Свои потери они наверстали съ большимъ плюсомъ на другихъ колоннахъ.

XVIII.

Переутомленіе.

Бой 4-го іюля оставилъ въ насъ самое тяжелое впечатлѣніе. Надежды, хотя и слабыя, но все же возлагавшіяся на переходъ въ наступленіе, были разбиты. Будущность войны представлялась въ мрачныхъ красках. Передъ нами противникъ былъ не въ превосходныхъ силахъ; всѣ это сознавали, и все же мы не сумѣли его побѣдить. Вѣра въ себя, въ собственныя силы, въ могущество своего оружія, въ непреклонность нашего духа была утрачена. Продолженіе войны рисовалось намъ въ стилѣ ожиданія и терпѣнія. По мѣрѣ того, какъ войска терпѣли пораженіе, переутомлялись и падали духомъ, генералъ Куропаткинъ находилъ въ арміи все

болѣе и болѣе идейныхъ сторонниковъ своему плану войны, своей стратегіи. Энергія, расточаемая понапрасну, улетучивалась. Бой, схватка съ врагомъ, переставали казаться пиромъ удальцовъ, свѣтлымъ праздникомъ молодого задора. Вѣсть о наступленіи встрѣчалась не какъ дуновеніе весны, а почти съ ужасомъ.

Для характеристики того измѣненія въ мысляхъ, которое было произведено четырьмя мѣсяцами кампаніи, можетъ послужить слѣдующій фактъ. Подъ Тюренченомъ, когда вызывали охотниковъ для перестрѣлокъ съ японцами на островахъ, выходило въ каждой ротѣ по 180 человѣкъ, не менѣе 90% наличнаго состава; не вызывались идти въ охотники только стрѣлки, почему либо не представлявшіе нравственно одного цѣлаго съ ротой. Въ іюлѣ въ ротѣ охотниковъ совершенно не находилось, за исключеніемъ одного или двухъ стрѣлковъ, которые пользовались особой боевой репутаціей, и должны были выходить на всякіе вызовы: имъ неудобно было отъ чего либо отказываться. Остальныхъ охотниковъ — по одному, по два, по четыре отъ взвода — приходилось наряжать, и этотъ нарядъ исполнялся еще менѣе охотно, чѣмъ другіе. За то и по звѣрски же обращались съ охотниками. Не говоря уже о назначеніи нѣкоторыхъ командъ на вѣрную и безтолковую гибель, весьма часто высылали охотниковъ въ сторожевое охраненіе и заставляли ихъ безсмѣнно по двѣ недѣли, даже по мѣсяцу безъ перерыва, нести сторожевую службу. Это могло отбить у кого угодно желаніе вызываться въ охотники.

Въ тылу Тхавуанской позиціи войска были перепутаны съ обозами. Тамъ были расположены два полка

X корпуса. Нервы послѣ безсонной ночи и боя были у всѣхъ натянуты, и въ ночь на 5-ое іюля въ тылу произошла паника. Гуртъ рогатаго скота приняли за японцевъ, подняли стрѣльбу. Маркитанты и обозные пустились на утекъ; нѣкоторыя роты давали дружные залпы, другія ходили въ атаку, въ штыки. Проявлено было не мало доблести. Ночью потребовалось не менѣе получаса, чтобы выяснить отсутствіе непріятеля. Привожу этотъ фактъ для указанія степени моральнаго утомленія войскъ въ бою. Всѣ, бывшіе въ передѣлкахъ, знаютъ это чувство. Всѣ спятъ ночью тревожнымъ сномъ; поминутно раздаются первые выкрики спящихъ; шумъ проѣзжающей двуколки принимается за стрѣльбу пачками. Ухо болитъ и требуетъ отдыха; весь организмъ чувствуетъ себя побитымъ, контуженнымъ и требуетъ спокойствія.

Въ нашемъ батальонѣ я писалъ реляцію о боѣ 4-го іюля, какъ и о всѣхъ предшествовавшихъ, событія коихъ изложены здѣсь. Приходилось писать реляціи и впослѣдствіи; однако, мои реляціи никогда не пользовались особеннымъ успѣхомъ. Я излагалъ событія боя точнымъ языкомъ, принятымъ въ точныхъ наукахъ. Естественно, мои реляціи обращали на себя меньшее вниманіе, чѣмъ сочиненія, состоявшія сплошь изъ громкихъ фразъ и описаній необыкновенныхъ подвиговъ. Разъ только, впослѣдствіи, написанная мною реляція имѣла успѣхъ, и т. лишь потому, что вслѣдствіе недостатка личныхъ наблюденій и фактическаго матеріала, мнѣ пришлось удариться въ поэзію.

Части 6-ой В. С. стрѣлковой дивизіи, разсѣянныя до сихъ поръ на трехъ направленіяхъ (Ляоянъ-Саймадзы, Ляоянъ-Фынхуанченъ, Хайченъ-Сюянь), послѣ четырехъ мѣсяцевъ похода наконецъ собрались вмѣстѣ на Тхавуанской позиціи. Дивизія пробыла вмѣстѣ въ полномъ составѣ за первые четырнадцать мѣсяцевъ кампаніи не болѣе восьми недѣль. Остальное время всегда находились причины дробить ее на части. Въ ряду этихъ причинъ весьма важное значеніе имѣло формированіе отряда генерала Ренненкампфа, все время войны державшагося по сосѣдству отъ 6-ой В. С. дивизіи; всѣ части 6-ой дивизіи враздробь побывали у генерала Ренненкампфа. Его отрядъ формировался тѣмъ самымъ способомъ, слѣдуя которому, по извѣстному разсказу, солдатъ умудрялся изъ гвоздя сварить супъ: бралъ гвоздь, бросалъ его въ кипящую воду, затѣмъ занималъ у сосѣдей — у кого кореньевъ, а у кого и мясца, и изъ гвоздя выходилъ супъ на славу. Въ отрядѣ генерала Ренненкампфа, достигавшемъ иногда силы 30 батальоновъ, роль гвоздя исполняла командуемая имъ второочередная казачья дивизія. Все остальное занималось у сосѣдей. Тысяча плохихъ всадниковъ усиливалась двадцатью тысячами пѣхоты. Такой способъ усиленія кавалеріи пѣхотой выходитъ нѣсколько за принятыя нормы. Въ организаціонномъ отношеніи такой способъ формированія отряда представляетъ глубокое варварство.

Теперь, въ іюлѣ 1904-го года, генералъ Ренненкампфъ былъ раненъ и лежалъ въ госпиталѣ; не было причинъ, мѣшавшихъ 6-ой В. С. стрѣлковой дивизіи собраться. И дѣйствительно, въ промежуткѣ между 5-ымъ

и 7-ымъ іюля къ Тхавуану прибыли всѣ части 6-ой дивизіи.

Не успѣли мы еще отдохнуть отъ событій 4-го іюля, какъ пришло приказаніе — наступать вновь. Но теперь мы получили уже болѣе скромныя директивы. Намъ указывалось произвести только демонстрацію. Главная задача возлагалась на X армейскій корпусъ. Его должны были усилить различныя части, и подъ личной командой генерала Куропаткина онъ долженъ былъ обрушиться на 12-ую японскую дивизію — крайній правый флангъ арміи Куроки. Восточному отряду ставилась скромная цѣль — притянуть вниманіе Куроки къ его лѣвому флангу. Намъ снова указывалось наступать, но на этотъ разъ въ тонѣ начальниковъ не было рѣшительности; отъ насъ просили какъ бы одолженія, маленькую демонстрацію, безъ большихъ потерь. Демонстрація была рѣшена еще 6-го іюля; восьмого мы выступили, 9-го дали небольшой бой. Въ немъ принялъ участіе Его Императорское Высочество Великій Князь Борисъ Владиміровичъ. На этомъ дѣло и окончилось. Вслѣдствіе сраженія у Ташичао 10—11 іюля наступленіе X-го корпуса было отложено, и наша демонстрація пропала даромъ. Впрочемъ, она японцевъ нисколько и не смутила.

На этотъ разъ боевая задача моему батальону была поставлена правильно. Онъ долженъ былъ выступить раньше всѣхъ, вытѣснить японскіе посты и занять самую высокую гору передъ Лахолинскимъ перераломъ, чтобъ прикрыть флангъ демонстрирующихъ частей. Опытъ 4-го іюля не пропалъ даромъ; теперь намъ указывалось

занять для обороны не перекрестокъ, а самую большую гору.

Намъ предстоялъ большой подъемъ. Было приказано выступить безъ снаряженія. Стрѣлки при себѣ имѣли только ружья, патроны, да половину сухарнаго запаса. Все остальное, даже шинели, были оставлены въ обозѣ. Мы наступали въ бумажныхъ рубашкахъ и штанахъ. Глядя на скалы, на которыя намъ предстояло карабкаться, никто не хотѣлъ брать съ собой лишняго золотника.

Я захватилъ съ собой мѣшечекъ съ двадцатью кусками пиленаго сахару; ничего больше у меня не было, да и не было силъ тащить на себѣ въ гору. Всѣ, и офицеры, и солдаты, сильно уже выдохлись; наше здоровье требовало отдыха; къ сильному напряженію мы не были способны.

Съ утра 8-го іюля лилъ сильный дождь. Послѣ обѣда нашъ батальонъ выступилъ. Мы скинули наше снаряженіе и сразу промокли до костей. Къ тому же приходилось переходить въ бродъ рѣку Ланхэ, которая вздулась отъ проливного дождя; пришлось окунуться до пояса. Дождь не переставалъ. Вода лилась цѣлыми ручьями по тѣлу; дулъ вѣтеръ, становилось холодно.

Охотники выживали японскіе посты одинъ за другимъ. Потерь у насъ не было. Мы карабкались за охотниками. Рота растянулась по длинной горной тропинкѣ; мы наступали гуськомъ. Помню одну японскую пулю: съ громкимъ шумомъ, какъ ракета, пронеслась она вдоль всей роты надъ самымъ ухомъ и шлепнулась въ землю въ концѣ ея. Добрая половина солдатъ отвѣсила

этой пулѣ поклонъ; взводные и отдѣленные, не увѣренные сами, не кивнули-ли и они первой вражеской гостьѣ, сердито заворчали на своихъ стрѣлковъ, поощряемые руготней фельдфебеля.

Къ вечеру мы заняли скалистую вершину. Двѣ роты, въ томъ числѣ и моя, расположились въ развернутомъ строю по обѣ стороны вершины; двѣ роты въ колоннахъ лежали въ пятидесяти шагахъ за ними. Всѣ промокли, проголодались, заледенѣли. На вершинѣ дулъ свирѣпый холодный вѣтеръ. Со мной и со многими другими сдѣлался ознобъ. Зубы стучали; наша мокрая бумажная одежда приставала къ тѣлу и не давала никакого укрытія отъ вѣтра; скорѣй она еще подмораживала насъ. Стрѣлки выкопали мнѣ небольшую яму въ родѣ гроба; въ нее забрался я съ двумя другими офицерами. Мы форменно замерзали и жались другъ къ другу, чтобъ не такъ скоро остывать. Силы оставляли совсѣмъ меня и моего сосѣда, браваго командира 8-ой роты, капитана Сам-лова.

Помню, за ночь случилось два событія. Изъ секрета мнѣ дали знать, что отрядъ японцевъ подошелъ къ моей ротѣ на 400 шаговъ. Я далъ классическій отвѣтъ: „доложи, когда они подойдутъ на 200". Я не пошевельнулся. Такой отвѣтъ можно было дать, только находясь въ томъ тяжеломъ положеніи, когда устанавливается на прочныхъ основаніяхъ самое печальное міросозерцаніе — терять нечего, все равно, хуже не будетъ. Возможность штыкового боя черезъ три минуты не исключала стремленія полежать еще минуту, не вылѣзая изъ норы на рѣзкій вѣтеръ.

Японцы не рѣшились насъ штурмовать и отошли.

Другое событіе было болѣе благопріятно для меня. Ночью прибылъ охотникъ съ донесеніемъ. Онъ былъ одѣтъ въ шинель; онъ возвращался сейчасъ въ долину, въ фанзу, въ тепло, и охотно уступилъ намъ свою шинель. Мы щедро поблагодарили охотника. Когда я завернулся вмѣстѣ съ капитаномъ Сам-овымъ въ одну шинель, то почувствовалъ, что согрѣваюсь, и что жизнь снова возвращается ко мнѣ.

Наконецъ, наступилъ разсвѣтъ 9-го іюля. Тучи разсѣялись, солнце согрѣло насъ и начало припекать. На нашихъ скалахъ не было ничего, даже воды. Нижніе чины доѣдали сухари, офицеры голодали. Мы продолжали лежать въ боевомъ порядкѣ.

Глубоко въ ущельѣ виднѣлся китайскій дворъ, около котораго имѣлся колодецъ. Пить хотѣлось чрезвычайно. Баклаги были уже пустыя. Послали по два человѣка отъ взвода за водой. Каждую секунду японцы могли открыть по нимъ огонь; увѣшанные баклагами, они спускались, разсыпавшись въ цѣпь. Обошлось благополучно. Съ собой они принесли незначительное количество воды, но имъ пришло въ голову сказать китайцамъ, что если они принесутъ на гору воду, то капитанъ имъ хорошо заплатитъ. Сейчасъ же китайцы принялись за работу, и въ теченіе всего дня носили на наши утесы воду. За каждую жестянку изъ подъ какихъ-то консервовъ, вмѣстимостью въ $1^1/_2$ ведра, я платилъ китайцамъ по 20 коп. Подъ жаркимъ солнцемъ стрѣлки съ жадностью набрасывались на приносимую изъ ущелья воду.

Ѣсть было нечего. Взятый съ собой сахаръ отъ дождя растаялъ, обратился въ липкую массу, но и съ нею было покончено. Китаецъ принесъ намъ въ подарокъ нѣсколько огурцевъ. Всѣхъ насъ сильно лихорадило.

Неожиданно на нашей позиціи появился студентъ-медикъ летучаго отряда Краснаго Креста; на перевязи у него была большая фляга коньяку. Онъ спрашивалъ, нѣтъ-ли раненыхъ. Таковыхъ не оказалось; тѣмъ не менѣе онъ и его фляга были приняты нами съ большимъ радушіемъ.

Событія боя 9-го іюля весьма печальны. Нашъ батальонъ не участвовалъ въ огневомъ бою. Со своего орлинаго гнѣзда мы только наблюдали дѣйствія другихъ частей. Эту демонстрацію, ничтожную саму по себѣ, но отмѣченную многими печальными и поучительными происшествіями, я не берусь описывать. Это преждевременно. Отмѣчу лишь нѣкоторые факты.

9-го іюля, послѣ того, какъ передовые посты японцевъ были оттѣснены, началось наступленіе на главную позицію. Почти безъ выстрѣла продвигались наши роты и залегли частью на 1500 шаговъ отъ японской позиціи, частью еще ближе. Японцы не давали ни одного выстрѣла и совершенно укрылись въ окопахъ и складкахъ мѣстности. Наши роты тоже не хотѣли напрасно тратить патроны. Стрѣльба совершенно заглохла. Наши цѣпи не продвигались дальше, такъ какъ всѣ были предупреждены, что штурма не будетъ, что мы только демонстрируемъ. Пушекъ на этомъ участкѣ не было. Никакого боя не происходило; демонстрація обращалась въ

какое то недоразумѣніе. Всѣмъ хотѣлось спать, ѣсть и просушиться.

Демонстраціей, производимой тремя батальонами, непосредственно руководилъ самъ начальникъ дивизіи. Положеніе его становилось непріятнымъ. Планъ демонстраціи былъ составленъ по свѣдѣніямъ о противникѣ и мѣстности, доставленнымъ нашимъ начальникомъ охотничьей команды, поручикомъ Константиновымъ. Онъ, конечно, явился и лицомъ, отвѣтственнымъ за неудачу. Его разнесли за скромное поведеніе японцевъ, за то, что японцы не волновались, не стрѣляли и притаились на опушкѣ лѣса въ окопѣ, будто ихъ и близко не было; за то, что противникъ игнорировалъ нашу демонстрацію. Ему категорически была поставлена задача—наступать на японцевъ, „и чтобъ они стрѣляли", добавилъ генералъ-маіоръ Р.

Съ высоко поднятымъ челомъ двинулся на японцевъ поручикъ Константиновъ со своими сорока охотниками. Всѣ они знали, что идутъ на смерть. Но они были заподозрены въ доставленіи ошибочныхъ свѣдѣній и смертью своею должны были подтвердить наличность японцевъ на чернѣвшей опушкѣ лѣса.... Наступленіе старой гвардіи подъ Ватерлоо представляетъ поблекшую картину въ сравненіи съ этимъ мрачнымъ самопожертвованіемъ сорока охотниковъ N-аго полка. Развернувшись въ цѣпь, они двинулись прямо на замаскированные японскіе окопы. Имъ не было смысла прятаться—чѣмъ раньше обнаружатъ себя японцы огнемъ, тѣмъ легче была бы исполнена ихъ задача. Они шли прямо, по Николаевскому уставу: „отнюдь не склоняясь впередъ—поль-

зы никакой, а моральный вредъ великъ", какъ говорилъ мой батальонный командиръ.

Не знаю, что объ этомъ наступленіи думалъ японскій батальонъ, занимавшій окопы на опушкѣ лѣса. Наступленіе сорока человѣкъ не могло устрашить японцевъ; оно могло вызвать въ нихъ лишь недоумѣніе.

Японцы подпустили нашихъ охотниковъ на 70 шаговъ къ своимъ окопамъ, послѣ чего открыли пачечный огонь. Они стрѣляли; слѣдовательно, задача охотниковъ была исполнена. Минуты три рокотали пачки.

Для спасенія охотниковъ было указано одной полуротѣ произвести наступленіе на японцевъ. Она продвинулась на 600 шаговъ къ нимъ, потеряла около двадцати стрѣлковъ, и дала возможность уползти къ намъ одному изъ раненыхъ охотниковъ. Остальные погибли. Спасшійся охотникъ доложилъ: „поручикъ Константиновъ раненъ на смерть, но еще хрипитъ"... . Я прерываю изложеніе этой печальной исторіи; въ ней одна деталь тяжелѣе другой—не знаешь, что выпустить, чтобъ не сгущать краски въ безпросвѣтный мракъ.

Въ этотъ же день одна рота батальоннаго резерва послала два залпа другой своей ротѣ. „Демонстрація" уже кончалась, началось отступленіе. Нѣсколько японцевъ, обойдя боевую часть, появились передъ резервомъ. Имъ послали залпъ, они скрылись. Затѣмъ на томъ же пунктѣ появилась наша полурота резерва боевой части. Ротный командиръ резерва, невнимательно слѣдившій за полемъ сраженія, далъ и по своимъ два залпа съ прицѣломъ на 800 шаговъ. Двое были убиты, четверо ранены. Крики ужаса и негодованія огласили поле сраже-

нія. Ротнаго командира смѣнили. Съ тяжелымъ сердцемъ мы хоронили убитыхъ своимъ огнемъ на слѣдующій день.

Съ невеселымъ чувствомъ возвращались мы вечеромъ 9-го іюля съ нашей демонстраціи. Японцы нисколько не были напуганы ею. Еще утромъ 9-го іюля, по заявленію Гамильтона, ему сказали про эту операцію въ штабѣ Куроки, что она ничего серьезнаго не представляетъ.

Намъ эти пустяки стоили доблестнаго офицера, 65 стрѣлковъ и 30 часовъ страшнаго напряженія, голоданія и утомленія. Въ моральномъ отношеніи это жалкое проявленіе активной дѣятельности принесло намъ огромный вредъ.

Черезъ три или четыре дня послѣ демонстраціи нашъ начальникъ дивизіи, генералъ-маіоръ Р . . . овъ, упалъ съ лошади, и закончилъ этимъ свою боевую карьеру. Случилось это такимъ образомъ. Генералъ Р . . . овъ видѣлъ причину нашихъ постоянныхъ неудачъ и отступленій въ преувеличеніи нами значенія обходовъ и въ постоянномъ пугливомъ озираніи назадъ, не отрѣзаны-ли еще наши сообщенія. Поэтому онъ любилъ пояснять стрѣлкамъ, что обходъ врага не страшенъ: надо только повернуться къ врагу лицомъ, и обхода уже нѣтъ. Практическій методъ былъ таковъ: генералъ подъѣзжалъ къ ротѣ и говорилъ: „Японцы обошли справа; такой-то унтеръ-офицеръ, командуй ротѣ, что дѣлать." Унтеръ-офицеръ командовалъ: „Рота, лѣвое плечо впередъ, бѣгомъ, маршъ!" Рота заходила и выстраивалась въ новомъ направленіи. Послѣ этого унтеръ-офицера бла-

годарили за сметку, роту—за ученіе, и генералъ уѣзжалъ. Такъ какъ въ одномъ нашемъ полку этотъ пріемъ былъ продѣланъ почти десять разъ, то, когда 12-го іюля генералъ подъѣхалъ къ одной ротѣ и только что началъ: „японцы обошли справа . . . .", рота, не ожидая команды, дружно бросилась сама, какъ одинъ человѣкъ, чтобъ выстроиться въ новомъ направленіи. Генералъ былъ очень плохимъ ѣздокомъ; лошадь подъ нимъ шарахнулась, и онъ упалъ на дорогу. Паденіе обошлось не вполнѣ благополучно, и генералъ Р . . . ова отнесли въ Ляоянъ въ госпиталь.

Въ тотъ моментъ, когда прибывшій подать первую помощь докторъ заявилъ, что генералу придется съ мѣсяцъ полечиться, я получилъ отъ начальника штаба дивизіи предложеніе прикомандироваться на этотъ мѣсяцъ къ штабу дивизіи. Мнѣ было нѣсколько совѣстно бросать своихъ людей, свою роту, съ которой я за это время сроднился. Но здоровье и нервы мои настоятельно требовали отдыха; я чувствовалъ, что съ каждымъ днемъ я на столько физически слабѣю, что безъ отдыха вскорѣ совсѣмъ перестану быть годнымъ къ строевой службѣ.

Въ штабѣ дивизіи въ это время личный составъ много уменьшился: генеральнаго штаба капитанъ С. уѣхалъ въ Россію по разстроенному здоровью; генеральнаго штаба капитанъ С. М. былъ раненъ пулей въ ногу въ дѣлѣ 4-го іюля и тоже былъ эвакуированъ въ Россію; ординарецъ, штабсъ-капитанъ С., по случаю паденія генерала Р . . . ова, почему-то отправился на отдыхъ въ

Ляоянъ. Такимъ образомъ, въ штабѣ стало свободнѣе— и больше мѣста, и больше дѣла.

Взвѣсивъ всѣ обстоятельства, я съ удовольствіемъ принялъ предложеніе начальника штаба, и въ тотъ же день перебрался въ штабъ.

Вся дивизія собралась вмѣстѣ, и работы было довольно.

XIX.

Сраженіе у Тхавуана.

6-ая В. С. стрѣлковая дивизія была расположена на Тхавуанской позиціи. Инженеръ Восточнаго отряда, подполковникъ Колоссовскій, въ рапортѣ, представленномъ начальнику Восточнаго отряда, разбиралъ свойства этой позиціи и приходилъ къ заключенію о негодности этой позиціи для серьезныхъ оборонительныхъ дѣйствій на томъ основаніи, что будто бы не имѣлось мѣста для расположенія пушекъ. Подполковникъ Колоссовскій утверждалъ, что даже при огромныхъ работахъ на Тхавуанской позиціи нельзя выставить болѣе 16-ти орудій; а въ Восточномъ отрядѣ имѣется 80 орудій; слѣдовательно, бóльшая часть артиллеріи въ бою у Тхавуана не будетъ участвовать. На основаніи его рапорта графъ Келлеръ рѣшилъ дать бой на Тхавуанской позиціи лишь войсками одной изъ бывшихъ въ его распоряженіи дивизій, 6-ой В. С., а рѣшительное сраженіе всѣми силами Восточнаго отряда отложить до отступленія на Ландясанскую позицію. Такимъ образомъ, 18-го іюля, въ день

Тхавуанскаго сраженія, 6-ая В. С. стрѣлковая дивизія была лишена поддержки 3-ей В. С. дивизіи, что заранѣе обрекало насъ на пораженіе.

Что касается мнѣнія подполковника Колоссовскаго о невозможности выставить у Тхавуана могущественную артиллерію, то оно вначалѣ было справедливо. Артиллеристы Восточнаго отряда были военными стараго покроя; они отличались большою доблестью, но не обладали иниціативой и не выдѣлялись особой самодѣятельностью. Наши артиллеристы прочно стояли тамъ, куда ихъ ставили, но сами не обнаруживали большой энергіи, чтобъ выбрать себѣ мѣстечко для боя и протиснуться на него; приходилось преодолѣвать физическія препятствія—тяжелые и крутые подъемы, и моральныя, представлявшія еще болѣе затрудненій—предразсудки о невозможности употребленія полевой артиллеріи въ горахъ, объ опасности потерять ее, о нежелательности при отступленіи обременять боевыя линіи колесными орудіями. Во мнѣніи многихъ орудіе представлялось не какъ могущественная машина для боевой работы, а какъ трофей, какъ красавица, которую надо беречь пуще зѣницы ока и прятать отъ жизни въ глухой теремъ за десятью замками. Изъ дѣятельной помощницы пѣхоты артиллерія начинала обращаться въ тягостную обузу.

Въ первыхъ числахъ іюля прибылъ на нашу позицію подполковникъ Криштофовичъ; онъ вступилъ въ командованіе нашей артиллерійской бригадой. Это былъ человѣкъ энергичный. Со стороны начальника штаба дивизіи, подполковника О., онъ встрѣтилъ дѣятельную поддержку, и орудія начали ползти на кручи и уста-

[illegible]

[illegible] генерал-маiора Кре[illegible] и начальника штаба, полковника [illegible]. На [illegible] совѣтѣ участвовали также генеральнаго штаба подполковникъ Хр . . . . iй, прибывшiй съ графомъ Келлеромъ, и [illegible] графъ Келлеръ предложилъ на обсужденiе военному совѣту слѣдующее положенiе:

„Въ 7 верстахъ отъ нашей позицiи укрѣпились японцы. Наступательныя предпрiятiя 22 iюня и 4 iюля показали, что для овладѣнiя занятыхъ противникомъ перевалов Уфангуанскаго и Синкайлинскаго необходимо предва-

рительно овладѣть горнымъ массивомъ между ними, нынѣ укрѣпленнымъ японцами.

Каждый день мы можемъ получить приказаніе командующаго арміей перейти въ наступленіе, и, очутившись лицомъ къ лицу передъ укрѣпленной позиціей противника, понесемъ громадный уронъ и, вѣроятно, безъ всякаго результата. На случай такого приказанія надо приготовиться, для чего не начать ли уже теперь постепенную атаку на горный массивъ, съ тѣмъ, чтобъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ перейти въ случаѣ приказанія командующаго арміей?"

Военный совѣтъ единогласно пришелъ къ заключенію, что необходимо временно отказаться отъ всякихъ активныхъ дѣйствій, такъ какъ предшествовавшія предпріятія причинили значительный ущербъ 6-ой В. С. дивизіи, и необходимо дать войскамъ три или четыре дня отдыха; дальнѣйшее мотаніе могло привести части въ полное разстройство.

Тогда логика положенія графа Келлера казалась мнѣ во многомъ удивительной; она какъ бы плавала въ воздухѣ, безъ всякаго фундамента. Теперь мое вниманіе привлекаетъ другая сторона дѣла: совершенно въ то-же время, тѣ-же самыя мысли проводитъ и генералъ Случевскій, командиръ X-го корпуса, сосѣда Восточнаго отряда [1]). Въ X-мъ корпусѣ эти мысли о постепенной атакѣ японскихъ позицій переходятъ въ жизнь; X-ый корпусъ начинаетъ идейно безобразную постепенную атаку

[1]) Это отчетливо изложено у барона Тетау, въ его книгѣ „18 мѣсяцевъ въ Манджуріи".

на 12-ую японскую дивизію, и ведетъ ее до тѣхъ поръ, пока 18-го іюля не терпитъ пораженіе. Одновременность появленія идеи о постепенной атакѣ на всемъ восточномъ фронтѣ заставляетъ меня предполагать, что родоначальникъ этой идеи — не генералъ Случевскій, и не графъ Келлеръ, а командующій арміей, генералъ Куропаткинъ, и что дальнѣйшія событія на восточномъ фронтѣ составляютъ послѣдствія данныхъ имъ директивъ, а не проявленія частной инициативы командировъ корпусовъ.

Я не пишу исторію прошлой кампаніи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Я по возможности уклоняюсь отъ изложенія той стороны войны, которая не имѣетъ прямого отношенія къ моимъ личнымъ наблюденіямъ. Въ особенности меня пока мало озабачивали ариѳметика, геометрія и географія войны. Я не утруждалъ читателя до сихъ поръ ни подсчетами силъ, ни диспозиціями, ни подробными описаніями мѣстности и позицій. Я исключительно обращалъ свое вниманіе на внутреннюю сторону, на изнанку войны. Что касается до внѣшняго хода событій, то читатель найдетъ ихъ описаніе и помимо меня въ богатой литературѣ о прошлой войнѣ. Однако теперь, при описаніи сраженія у Тхавуана, я долженъ нѣсколько отступить отъ своего метода изложенія. Внутренняя подкладка происходившихъ событій будетъ не ясна, если предварительно не будетъ установлена обстановка боя.

Восточный отрядъ былъ расположенъ на верхнемъ теченіи рѣки Ланхэ [1]). Х-ый корпусъ былъ выдвинутъ уступомъ впередъ, и перешелъ рѣку Ланхэ въ ея ниж-

---

[1]) См. схему № 1.

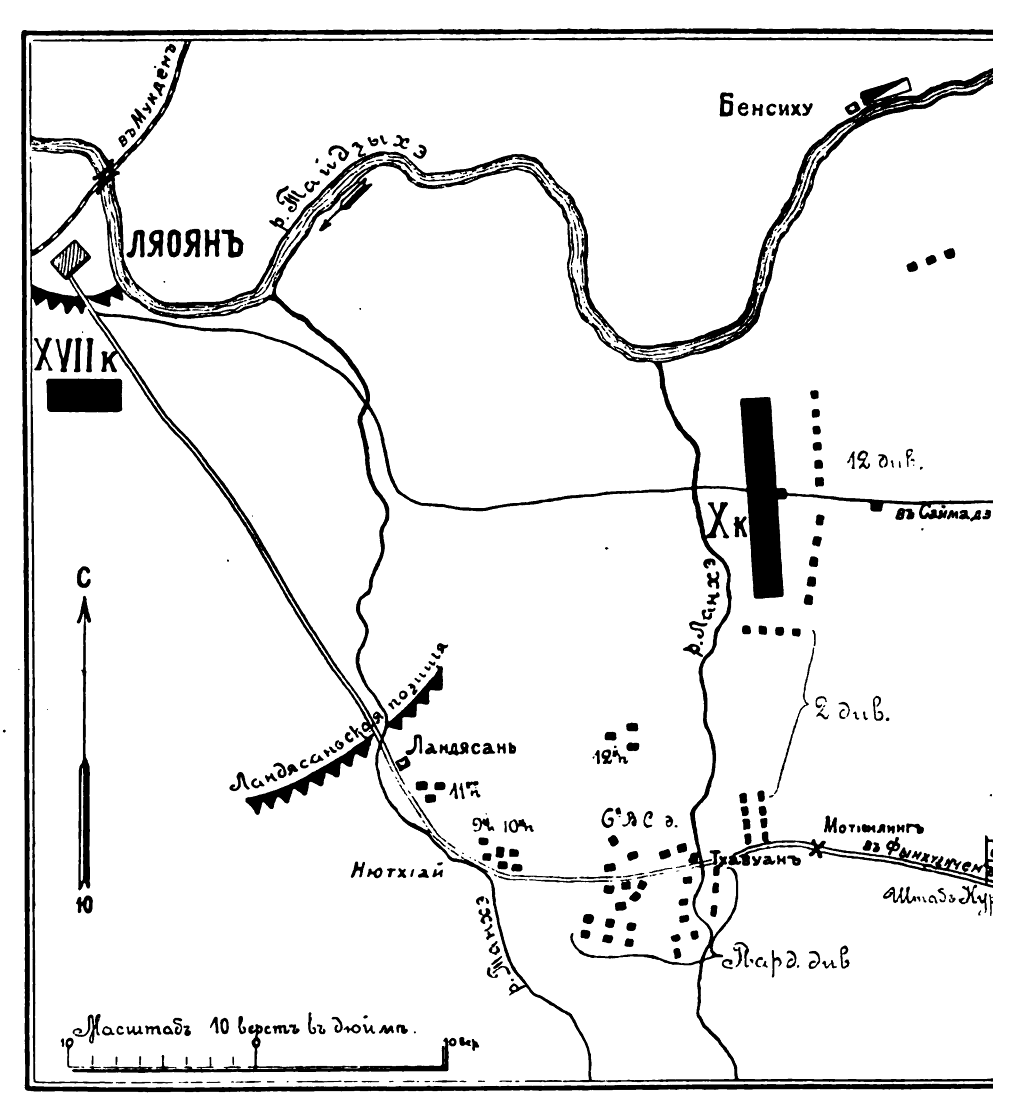

СХЕМА № 1

Общее расположеніе войскъ на Восточномъ фронтѣ 18 Іюля 1904 г.

ну рѣки Ланхэ, затѣмъ Янзелинскій хребетъ. Правый берегъ долины рѣки и гребень хребта образовывали двѣ линіи обороны, удаленныя одна отъ другой всего на три версты. Обойти эти оборонительныя линіи можно было только верхнимъ теченіемъ рѣки Танхэ. Графъ Келлеръ весьма опасался этого обхода; противъ него были приняты спеціальныя мѣры—дѣятельная развѣдка по Танхэ, и расположеніе бригады 3-ей дивизіи у Нютхіая.

Тхавуанская позиція состояла собственно изъ двухъ позицій — Тхавуанской, по берегу Ланхэ, и Янзелинской, по хребту того же наименованія.

Можно было разсматривать Тхавуанскую позицію, какъ главную; въ такомъ случаѣ Янзелинская являлась тыловой. Наоборотъ, можно было Янзелинскую позицію считать главной, и тогда Тхавуанская являлась передовой.

Ко дню 18 іюля вопросы эти не были категорически выяснены. Бывшій начальникъ дивизіи, генералъ-маіоръ Р...въ, склонялся къ мнѣнію, что Янзелинская позиція выгоднѣе для обороны, и что на ней надо сосредоточить главныя усилія. Этотъ взглядъ его былъ извѣстенъ многимъ. Генералъ-маіоръ Р...въ подтвердилъ его и впослѣдствіи, приславъ изъ госпиталя послѣ боя запросъ по телеграфу въ штабъ дивизіи: „отчего, очистивъ Тхавуанскую позицію, не обороняли упорно Янзелинскій хребетъ?"— Штабъ дивизіи и преемникъ генералъ-маіора Р...ва, генералъ К...скій, склонялись къ мнѣнію, что выгоднѣе оборонять долину Ланхэ. Офиціально, это была главная позиція. По диспозиціи указывалось оборонять ее упорно; по устнымъ приказаніямъ—до послѣдней капли крови. Однако, сильныя выраженія, за ненадлежащимъ употребле-

немъ теченіи. Это было слѣдствіемъ начатой этимъ корпусомъ постепенной атаки.

Управленіе дѣйствіями Восточнаго отряда и Х-го корпуса не было объединено. 9—10-го іюля, когда генералъ Куропаткинъ лично находился на восточномъ фронтѣ, онъ предполагалъ объединить въ своемъ лицѣ командованіе всѣми силами на рѣкѣ Ланхэ. Но сраженіе 10—11 іюля у Ташичао заставило его переѣхать на югъ, въ Хайченъ; на востокѣ такъ и осталось двоевластіе.

Въ двухъ переходахъ отъ рѣки Ланхэ, у Ляояна былъ сосредоточенъ XVII армейскій корпусъ, только что прибывшій изъ Россіи. На утро второго дня боя этотъ корпусъ могъ уже оказаться на рѣкѣ Ланхэ.

Восточный отрядъ былъ расположенъ такимъ образомъ: 6-ая В. С. стрѣлковая дивизія — на Тхавуанской позиціи; первая бригада 3-ей дивизіи—въ резервѣ, въ 10-ти верстахъ позади; вторая бригада была разбросана: одиннадцатый полкъ сторожилъ въ Ландясанѣ излишествовавшую артиллерію, а двѣнадцатый полкъ прикрывалъ дорогу въ промежуткѣ между Тхавуаномъ и расположеніемъ Х-го корпуса.

Армія Куроки занимала перевалы на отрогахъ Феншуйлинскаго хребта, въ 5—7 верстахъ передъ нами.

Наиболѣе разработанная дорога, которая до сихъ поръ являлась осью наступленія японской арміи,—этапная. Она шла съ перевала Мотіенлингъ на Тхавуанъ въ Ландясанъ [1]). Другія дороги шли сѣвернѣе и южнѣе ея. Всѣ пути наступленія противника пересѣкали вначалѣ доли-

---

[1]) Смотри схему № 2.

ну рѣки Ланхэ, затѣмъ Янзелинскій хребетъ. Правый берегъ долины рѣки и гребень хребта образовывали двѣ линіи обороны, удаленныя одна отъ другой всего на три версты. Обойти эти оборонительныя линіи можно было только верхнимъ теченіемъ рѣки Танхэ. Графъ Келлеръ весьма опасался этого обхода; противъ него были приняты спеціальныя мѣры — дѣятельная развѣдка по Танхэ, и расположеніе бригады 3-ей дивизіи у Нютхіая.

Тхавуанская позиція состояла собственно изъ двухъ позицій — Тхавуанской, по берегу Ланхэ, и Янзелинской, по хребту того же наименованія.

Можно было разсматривать Тхавуанскую позицію, какъ главную; въ такомъ случаѣ Янзелинская являлась тыловой. Наоборотъ, можно было Янзелинскую позицію считать главной, и тогда Тхавуанская являлась передовой.

Ко дню 18 іюля вопросы эти не были категорически выяснены. Бывшій начальникъ дивизіи, генералъ-маіоръ Р...въ, склонялся къ мнѣнію, что Янзелинская позиція выгоднѣе для обороны, и что на ней надо сосредоточить главныя усилія. Этотъ взглядъ его былъ извѣстенъ многимъ. Генералъ-маіоръ Р...въ подтвердилъ его и впослѣдствіи, прославъ изъ госпиталя послѣ боя запросъ по телеграфу въ штабъ дивизіи: „отчего, очистивъ Тхавуанскую позицію, не обороняли упорно Янзелинскій хребетъ?" — Штабъ дивизіи и преемникъ генералъ-маіора Р...ва, генералъ К...скій, склонялись къ мнѣнію, что выгоднѣе оборонять долину Ланхэ. Оффиціально, это была главная позиція. По диспозиціи указывалось оборонять ее упорно; по устнымъ приказаніямъ — до послѣдней капли крови. Однако, сильныя выраженія, за ненадлежащимъ употребле-

ніемъ ихъ, уже потеряли свою силу; и въ мнѣніи войскъ, такъ же, какъ и во мнѣніи начальниковъ, не было ясно, на какомъ рубежѣ надо будетъ напречь рѣшительныя усилія. Расположеніе войскъ тоже не давало яснаго отвѣта. Двѣнадцать ротъ были расположены по берегу долины Ланхэ. Для поддержки ихъ за флангами было расположено еще 8 ротъ, и того 20. По Янзелинскому хребту въ боевомъ порядкѣ стояло 16 ротъ — часть общаго резерва по оффиціальной номенклатурѣ. Непосредственно позади въ резервномъ порядкѣ стояли другія 12 ротъ общаго резерва. Такимъ образомъ, и та и другая позиціи были заняты почти одинаково сильно.

Было одно важное обстоятельство, которое дѣлало невозможной упорную оборону Янзелинскаго хребта: всѣ наши артиллерійскія позиціи находились впереди него. Съ потерей Тхавуанской позиціи мы лишались содѣйствія артиллеріи; чтобъ выставить нѣсколько батарей за Янзелинскимъ хребтомъ, нужно было, при самой напряженной работѣ, очень много времени. Это обстоятельство указывало ясно, что Тхавуанская позиція являлась для насъ главной. Но своевременно вниманіе войсковыхъ начальниковъ не было обращено на это обстоятельство.

Армія Куроки получила задачу — продвинуться на одинъ переходъ къ Ляояну. Генералъ Ойяма разставлялъ окончательно шашки для Ляоянской операціи. Дорога арміи Куроки была преграждена Восточнымъ отрядомъ и X корпусомъ; предстояло ихъ откинуть. Штабъ Куроки вырабатываетъ планъ одновременной атаки и X-го корпуса, и Восточнаго отряда. Одновременно нацѣливались два удара — въ правый флангъ Восточнаго отряда и въ

правый флангъ X-го корпуса. Распредѣленіе силъ для атаки видно изъ прилагаемой схемы № 1. Гвардія атакуетъ Восточный отрядъ, 12-ая дивизія—X-ый корпусъ; 4 батальона 2-ой дивизіи содѣйствуютъ 12-ой дивизіи; остальные 8 батальоновъ 2-й дивизіи удерживаются противъ лѣваго фланга Восточнаго отряда и составляютъ послѣдній уступъ наступленія; это какъ-бы армейскій резервъ въ распоряженіи Куроки. 3 батальона резервныхъ войскъ составили заслонъ на путяхъ къ Бенсиху.

Я не буду останавливаться на разборѣ этого плана. Во всякомъ случаѣ японскій штабъ не можетъ быть обвиненъ въ недостаткѣ смѣлости и рѣшительности. 40 японскихъ батальоновъ противъ 48 русскихъ представляли равную по числу ружей массу. За нами въ 50-ти верстахъ стоялъ весь XVII армейскій корпусъ. Онъ могъ прибыть на утро второго дня боя и почти удвоить наши силы. Японцамъ же не приходилось разсчитывать на поддержку. Они несомнѣнно слишкомъ низко цѣнили насъ и рисковали во всю. 18-го іюля счастье намъ чрезвычайно благопріятствовало. Этотъ день былъ-бы днемъ перелома кампаніи, если бы управленіе войсками оказалось на должной высотѣ. Но и этотъ бой окончился для насъ отступленіемъ.

Японцы предполагали обойти правый флангъ Восточнаго отряда. Для обхода назначалась одна бригада гвардіи (Асада), для атаки праваго фланга и ближняго охвата его—другая бригада (Ватанабэ). Но условія обхода и охвата не были японцами ни въ достаточной степени изучены, ни взвѣшены. Японцы не имѣли понятія ни о мѣстности, по которой придется обходить, ни о распо-

ложенiи нашихъ войскъ на этомъ участкѣ. Японцы не знали, что мы занимаемъ за позицiей по рѣкѣ Ланхэ уступомъ позади еще и позицiю по Янзелинскому хребту. Иначе они никогда не рѣшились бы послать войска въ трудный обходъ путемъ, который выводилъ ихъ прямо въ лобъ заблаговременно занятой нами и укрѣпленной позицiи.

Въ ряду причинъ, обусловливавшихъ недостаточную освѣдомленность японскихъ штабовъ о положенiи на этомъ важнѣйшемъ участкѣ поля сраженiя, надо указать на чрезвычайно важную и удачную мѣру, принятую нами при занятiи Тхавуанской позицiи. Правый флангъ расположенiя нашихъ войскъ на Ланхэ не оставался на вѣсу, а продолжался на югъ тремя охотничьими командами — двумя пѣшими (21-го и 22-го полковъ) и одной конной (21-го полка). На фронтѣ нашего расположенiя особеннаго сторожевого охраненiя не было. Въ виду близости противника расположенныя на фронтѣ роты находились въ постоянной готовности отразить врага и охраняли себя сами—часовыми въ окопахъ, и секретами. Но къ югу позицiя наша продолжалась довольно основательной линiей охраненiя. Охотники были распредѣлены по сопкамъ заставами по 20 человѣкъ, и энергично препятствовали развѣдкѣ японцевъ. Въ серединѣ iюля здѣсь происходили ежедневныя схватки нашихъ охотниковъ съ японскими развѣдочными командами, силой до 40—50 человѣкъ. Эти схватки постоянно оканчивались торжествомъ нашихъ охотниковъ. Японцы, повидимому, не хотѣли преждевременно приковывать наше вниманiе къ этому участку, и потому ограничивали и силу своихъ развѣдоч-

навливаться на горныхъ позиціяхъ. Къ 18-ому іюля было установлено уже 32 орудія въ восьми батареяхъ. Приходилось много трудиться надъ проложеніемъ дорогъ на кручи, чтобъ поднять орудія; не смотря на это, батареи росли, какъ грибы. Успѣхъ работы былъ бы еще значительнѣе, но орудія приходилось выпрашивать у высшихъ начальниковъ, какъ милости. Главная масса артиллеріи Восточнаго отряда—50 орудій, была расположена у Ландясаня, и 11-ый В. С. стрѣлковый полкъ имѣлъ спеціальное назначеніе прикрывать эти орудія. Приходилось упорно торговаться, чтобъ выпросить на позицію двѣ или четыре пушки. Я особенно останавливаюсь на этихъ взглядахъ на употребленіе артиллеріи въ бою, такъ какъ иначе невозможно будетъ понять, какимъ образомъ создалось наше пораженіе въ бою 18-го іюля.

16-го іюля въ расположеніе 6-ой В. С. дивизіи явился графъ Келлеръ. Штабъ отряда его не сопровождалъ. Въ тотъ же день графъ Келлеръ собралъ военный совѣтъ изъ командировъ полковъ 6-ой дивизіи, временно командовавшаго дивизіей генералъ-маіора Креч. . . го, и начальника штаба, подполковника Од. На этомъ совѣтѣ участвовали также генеральнаго штаба подполковникъ Хр . . . . ій, прибывшій съ графомъ Келлеромъ, и я. Графъ Келлеръ предложилъ на обсужденіе военному совѣту слѣдующее положеніе:

„Въ 7 верстахъ отъ нашей позиціи укрѣпились японцы. Наступательныя предпріятія 22 іюня и 4 іюля показали, что для овладѣнія занятыхъ противникомъ перевадовъ Уфангуанскаго и Синкайлинскаго необходимо предва-

рительно овладѣть горнымъ массивомъ между ними, нынѣ укрѣпленнымъ японцами.

Каждый день мы можемъ получить приказаніе командующаго арміей перейти въ наступленіе, и, очутившись лицомъ къ лицу передъ укрѣпленной позиціей противника, понесемъ громадный уронъ и, вѣроятно, безъ всякаго результата. На случай такого приказанія надо приготовиться, для чего не начать ли уже теперь постепенную атаку на горный массивъ, съ тѣмъ, чтобъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ перейти въ случаѣ приказанія командующаго арміей?"

Военный совѣтъ единогласно пришелъ къ заключенію, что необходимо временно отказаться отъ всякихъ активныхъ дѣйствій, такъ какъ предшествовавшія предпріятія причинили значительный ущербъ 6-ой В. С. дивизіи, и необходимо дать войскамъ три или четыре дня отдыха; дальнѣйшее мотаніе могло привести части въ полное разстройство.

Тогда логика положенія графа Келлера казалась мнѣ во многомъ удивительной; она какъ бы плавала въ воздухѣ, безъ всякаго фундамента. Теперь мое вниманіе привлекаетъ другая сторона дѣла: совершенно въ то-же время, тѣ-же самыя мысли проводитъ и генералъ Случевскій, командиръ X-го корпуса, сосѣда Восточнаго отряда [1]). Въ X-мъ корпусѣ эти мысли о постепенной атакѣ японскихъ позицій переходятъ въ жизнь; X-ый корпусъ начинаетъ идейно безобразную постепенную атаку

---

[1]) Это отчетливо изложено у барона Тетау, въ его книгѣ „18 мѣсяцевъ въ Манджуріи".

на 12-ую японскую дивизію, и ведетъ ее до тѣхъ поръ, пока 18-го іюля не терпитъ пораженіе. Одновременность появленія идеи о постепенной атакѣ на всемъ восточномъ фронтѣ заставляетъ меня предполагать, что родоначальникъ этой идеи — не генералъ Случевскій, и не графъ Келлеръ, а командующій арміей, генералъ Куропаткинъ, и что дальнѣйшія событія на восточномъ фронтѣ составляютъ послѣдствія данныхъ имъ директивъ, а не проявленія частной иниціативы командировъ корпусовъ.

Я не пишу исторію прошлой кампаніи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Я по возможности уклоняюсь отъ изложенія той стороны войны, которая не имѣетъ прямого отношенія къ моимъ личнымъ наблюденіямъ. Въ особенности меня пока мало озабачивали ариѳметика, геометрія и географія войны. Я не утруждалъ читателя до сихъ поръ ни подсчетами силъ, ни диспозиціями, ни подробными описаніями мѣстности и позицій. Я исключительно обращалъ свое вниманіе на внутреннюю сторону, на изнанку войны. Что касается до внѣшняго хода событій, то читатель найдетъ ихъ описаніе и помимо меня въ богатой литературѣ о прошлой войнѣ. Однако теперь, при описаніи сраженія у Тхавуана, я долженъ нѣсколько отступить отъ своего метода изложенія. Внутренняя подкладка происходившихъ событій будетъ не ясна, если предварительно не будетъ установлена обстановка боя.

Восточный отрядъ былъ расположенъ на верхнемъ теченіи рѣки Ланхэ [1]). Х-ый корпусъ былъ выдвинутъ уступомъ впередъ, и перешелъ рѣку Ланхэ въ ея ниж-

---

[1]) См. схему № 1.

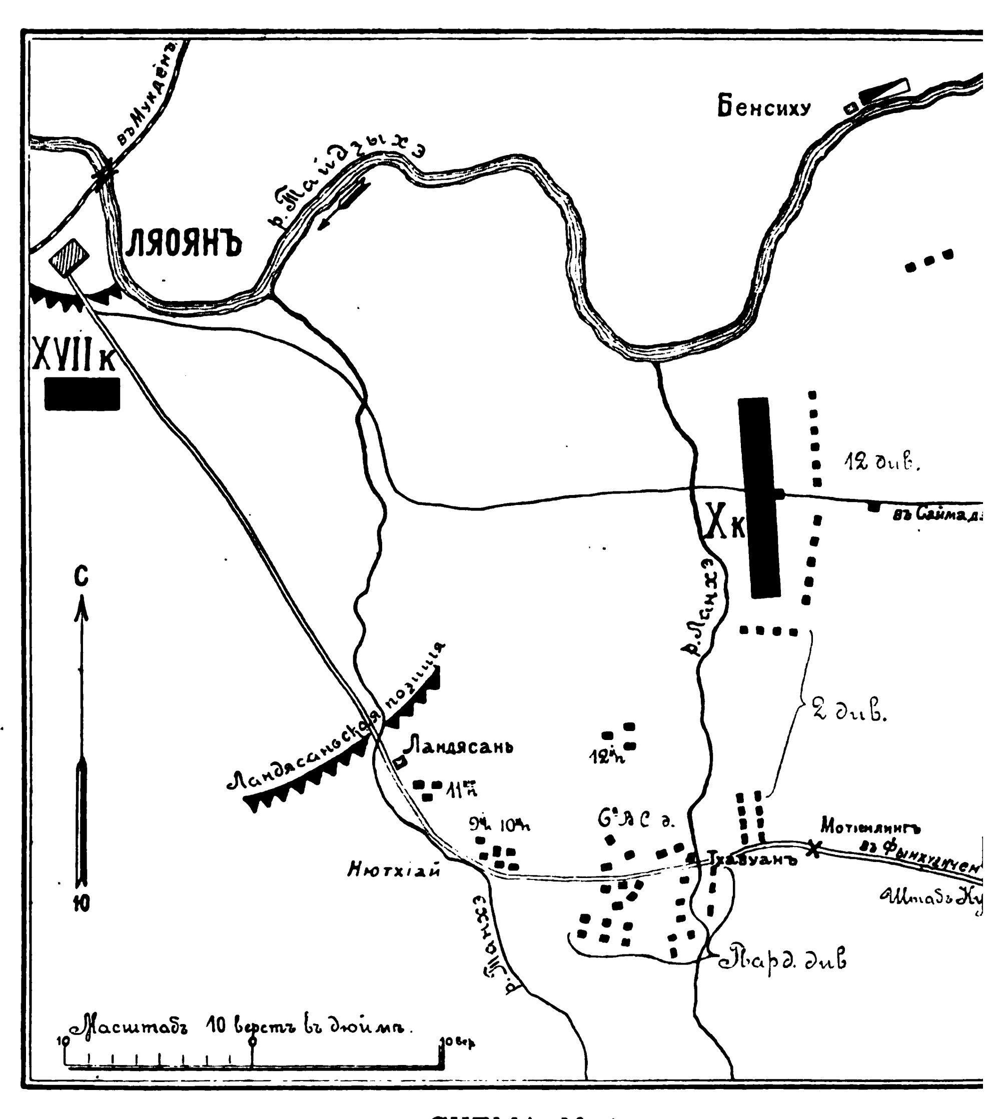
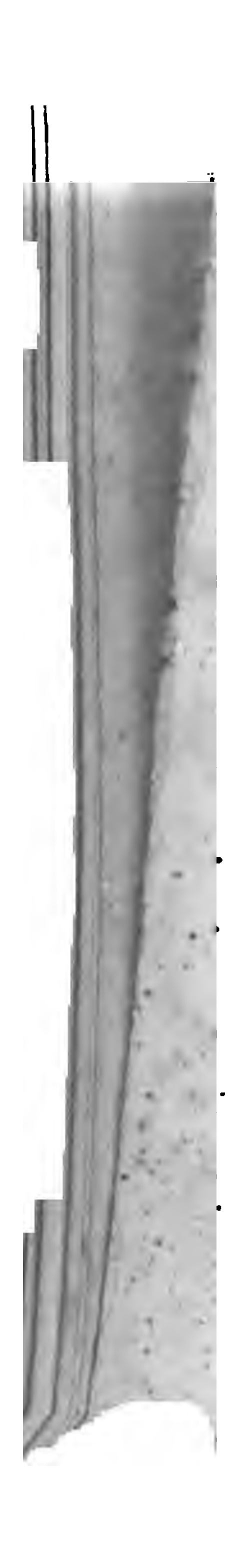

СХЕМА № 1

Общее расположеніе войскъ на Восточномъ фронтѣ 18 Іюля 1904 г.

момъ теченіи. Это было слѣдствіемъ начатой этимъ корпусомъ постепенной атаки.

Управленіе дѣйствіями Восточнаго отряда и X-го корпуса не было объединено. 9—10-го іюля, когда генералъ Куропаткинъ лично находился на восточномъ фронтѣ, онъ предполагалъ объединить въ своемъ лицѣ командованіе всѣми силами на рѣкѣ Ланхэ. Но сраженіе 10—11 іюля у Ташичао заставило его переѣхать на югъ, въ Хайченъ; на востокѣ такъ и осталось двоевластіе.

Въ двухъ переходахъ отъ рѣки Ланхэ, у Ляояна былъ сосредоточенъ XVII армейскій корпусъ, только что прибывшій изъ Россіи. На утро второго дня боя этотъ корпусъ могъ уже оказаться на рѣкѣ Ланхэ.

Восточный отрядъ былъ расположенъ такимъ образомъ: 6-ая В. С. стрѣлковая дивизія — на Тхавуанской позиціи; первая бригада 3-ей дивизіи—въ резервѣ, въ 10-ти верстахъ позади; вторая бригада была разбросана: одиннадцатый полкъ сторожилъ въ Ландясанѣ излишествовавшую артиллерію, а двѣнадцатый полкъ прикрывалъ дорогу въ промежуткѣ между Тхавуаномъ и расположеніемъ X-го корпуса.

Армія Куроки занимала перевалы на отрогахъ Феншуйлинскаго хребта, въ 5—7 верстахъ передъ нами.

Наиболѣе разработанная дорога, которая до сихъ поръ являлась осью наступленія японской арміи,—этапная. Она шла съ перевала Мотіенлингъ на Тхавуанъ, въ Ландясанъ [1]). Другія дороги шли сѣвернѣе и южнѣе ея. Всѣ пути наступленія противника пересѣкали вначалѣ доли-

---

[1]) Смотри схему № 2.

ну рѣки Ланхэ, затѣмъ Янзелинскій хребетъ. Правый берегъ долины рѣки и гребень хребта образовывали двѣ линіи обороны, удаленныя одна отъ другой всего на три версты. Обойти эти оборонительныя линіи можно было только верхнимъ теченіемъ рѣки Танхэ. Графъ Келлеръ весьма опасался этого обхода; противъ него были приняты спеціальныя мѣры—дѣятельная развѣдка по Танхэ, и расположеніе бригады 3-ей дивизіи у Нютхіая.

Тхавуанская позиція состояла собственно изъ двухъ позицій — Тхавуанской, по берегу Ланхэ, и Янзелинской, по хребту того же наименованія.

Можно было разсматривать Тхавуанскую позицію, какъ главную; въ такомъ случаѣ Янзелинская являлась тыловой. Наоборотъ, можно было Янзелинскую позицію считать главной, и тогда Тхавуанская являлась передовой.

Ко дню 18 іюля вопросы эти не были категорически выяснены. Бывшій начальникъ дивизіи, генералъ-маіоръ Р...въ, склонялся къ мнѣнію, что Янзелинская позиція выгоднѣе для обороны, и что на ней надо сосредоточить главныя усилія. Этотъ взглядъ его былъ извѣстенъ многимъ. Генералъ-маіоръ Р...въ подтвердилъ его и впослѣдствіи, прислав изъ госпиталя послѣ боя запросъ по телеграфу въ штабъ дивизіи: „отчего, очистивъ Тхавуанскую позицію, не обороняли упорно Янзелинскій хребетъ?"— Штабъ дивизіи и преемникъ генералъ-маіора Р...ва, генералъ К...скій, склонялись къ мнѣнію, что выгоднѣе оборонять долину Ланхэ. Офиціально, это была главная позиція. По диспозиціи указывалось оборонять ее упорно; по устнымъ приказаніямъ—до послѣдней капли крови. Однако, сильныя выраженія, за ненадлежащимъ употребле-

ніемъ ихъ, уже потеряли свою силу; и въ мнѣніи войскъ, такъ же, какъ и во мнѣніи начальниковъ, не было ясно, на какомъ рубежѣ надо будетъ напречь рѣшительныя усилія. Расположеніе войскъ тоже не давало яснаго отвѣта. Двѣнадцать ротъ были расположены по берегу долины Ланхэ. Для поддержки ихъ за флангами было расположено еще 8 ротъ, и того 20. По Янзелинскому хребту въ боевомъ порядкѣ стояло 16 ротъ — часть общаго резерва по офиціальной номенклатурѣ. Непосредственно позади въ резервномъ порядкѣ стояли другія 12 ротъ общаго резерва. Такимъ образомъ, и та и другая позиціи были заняты почти одинаково сильно.

Было одно важное обстоятельство, которое дѣлало невозможной упорную оборону Янзелинскаго хребта: всѣ наши артиллерійскія позиціи находились впереди него. Съ потерей Тхавуанской позиціи мы лишались содѣйствія артиллеріи; чтобъ выставить нѣсколько батарей за Янзелинскимъ хребтомъ, нужно было, при самой напряженной работѣ, очень много времени. Это обстоятельство указывало ясно, что Тхавуанская позиція являлась для насъ главной. Но своевременно вниманіе войсковыхъ начальниковъ не было обращено на это обстоятельство.

Армія Куроки получила задачу — продвинуться на одинъ переходъ къ Ляояну. Генералъ Ойяма разставлялъ окончательно шашки для Ляоянской операціи. Дорога арміи Куроки была преграждена Восточнымъ отрядомъ и X корпусомъ; предстояло ихъ откинуть. Штабъ Куроки вырабатываетъ планъ одновременной атаки и X-го корпуса, и Восточнаго отряда. Одновременно нацѣливались два удара — въ правый флангъ Восточнаго отряда и въ

правый флангъ X-го корпуса. Распредѣленіе силъ для атаки видно изъ прилагаемой схемы № 1. Гвардія атакуетъ Восточный отрядъ, 12-ая дивизія—X-ый корпусъ; 4 батальона 2-ой дивизіи содѣйствуютъ 12-ой дивизіи; остальные 8 батальоновъ 2-й дивизіи удерживаются противъ лѣваго фланга Восточнаго отряда и составляютъ послѣдній уступъ наступленія; это какъ-бы армейскій резервъ въ распоряженіи Куроки. 3 батальона резервныхъ войскъ составили заслонъ на путяхъ къ Бенсиху.

Я не буду останавливаться на разборѣ этого плана. Во всякомъ случаѣ японскій штабъ не можетъ быть обвиненъ въ недостаткѣ смѣлости и рѣшительности. 40 японскихъ батальоновъ противъ 48 русскихъ представляли равную по числу ружей массу. За нами въ 50-ти верстахъ стоялъ весь XVII армейскій корпусъ. Онъ могъ прибыть на утро второго дня боя и почти удвоить наши силы. Японцамъ же не приходилось разсчитывать на поддержку. Они несомнѣнно слишкомъ низко цѣнили насъ и рисковали во всю. 18-го іюля счастье намъ чрезвычайно благопріятствовало. Этотъ день былъ-бы днемъ перелома кампаніи, если бы управленіе войсками оказалось на должной высотѣ. Но и этотъ бой окончился для насъ отступленіемъ.

Японцы предполагали обойти правый флангъ Восточнаго отряда. Для обхода назначалась одна бригада гвардіи (Асада), для атаки праваго фланга и ближняго охвата его—другая бригада (Ватанабэ). Но условія обхода и охвата не были японцами ни въ достаточной степени изучены, ни взвѣшены. Японцы не имѣли понятія ни о мѣстности, по которой придется обходить, ни о распо-

ложенiи нашихъ войскъ на этомъ участкѣ. Японцы не знали, что мы занимаемъ за позицiей по рѣкѣ Ланхэ уступомъ позади еще и позицiю по Янзелинскому хребту. Иначе они никогда не рѣшились бы послать войска въ трудный обходъ путемъ, который выводилъ ихъ прямо въ лобъ заблаговременно занятой нами и укрѣпленной позицiи.

Въ ряду причинъ, обусловливавшихъ недостаточную освѣдомленность японскихъ штабовъ о положенiи на этомъ важнѣйшемъ участкѣ поля сраженiя, надо указать на чрезвычайно важную и удачную мѣру, принятую нами при занятiи Тхавуанской позицiи. Правый флангъ расположенiя нашихъ войскъ на Ланхэ не оставался на вѣсу, а продолжался на югъ тремя охотничьими командами—двумя пѣшими (21-го и 22-го полковъ) и одной конной (21-го полка). На фронтѣ нашего расположенiя особеннаго сторожевого охраненiя не было. Въ виду близости противника расположенныя на фронтѣ роты находились въ постоянной готовности отразить врага и охраняли себя сами—часовыми въ окопахъ, и секретами. Но къ югу позицiя наша продолжалась довольно основательной линiей охраненiя. Охотники были распредѣлены по сопкамъ заставами по 20 человѣкъ, и энергично препятствовали развѣдкѣ японцевъ. Въ серединѣ iюля здѣсь происходили ежедневныя схватки нашихъ охотниковъ съ японскими развѣдочными командами, силой до 40—50 человѣкъ. Эти схватки постоянно оканчивались торжествомъ нашихъ охотниковъ. Японцы, повидимому, не хотѣли преждевременно приковывать наше вниманiе къ этому участку, и потому ограничивали и силу своихъ развѣдоч-

ныхъ отрядовъ, и энергію веденія ими боя. Но настойчивость, съ которой ежедневно японскія команды выходили на новыя неудачи, показывала, что японскіе штабы не были удовлетворены свѣдѣніями, имѣвшимися объ этомъ участкѣ.

День 17-го іюля прошелъ сравнительно мирно. Корпусный инженеръ доставилъ на позицію 80 фугасовъ. Фугасы были сложены отдѣльно; расположить ихъ передъ окопами не торопились. При послѣдовавшемъ отступленіи объ этомъ складѣ фугасовъ такъ и забыли. Уничтожить взрывомъ ихъ было очень легко, но хозяинъ фугасовъ не подумалъ объ этомъ своевременно. На слѣдующій день вспомнили и послали съ Ландясанской позиціи команду охотниковъ для взрыва фугасовъ; но было уже поздно: японцы уже заняли оставленный нами раіонъ.

Каждую ночь поступавшія въ штабъ донесенія приносили мнѣ. Я прочитывалъ ихъ, и если въ нихъ не было ничего экстреннаго, то я пряталъ ихъ до утра.

Въ ночь на 10 іюля тревожныя донесенія начали поступать уже въ одиннадцатомъ часу вечера. Съ разныхъ постовъ и секретовъ на правомъ берегу Ланхэ доносили, что появились японцы, и что насъ тѣснятъ. Нѣкоторое время я колебался будить отдыхавшаго послѣ тяжелыхъ дневныхъ трудовъ начальника штаба. Но начали поступать новыя донесенія, указывавшія, что дѣло становится серьезнымъ. Секреты слышали стукъ колесъ; со многихъ пунктовъ доносили, что стучатъ японскія батареи, спускаясь по каменистымъ дорогамъ съ переваловъ. Гулъ въ ночной тишинѣ разносился очень далеко.

Была полночь. Я разбудилъ начальника штаба. Мы одѣлись и разбудили начальника Восточнаго отряда, графа Келлера, и генерала Кричинскаго, временно командовавшаго нашей дивизіей. Были доложены донесенія. Уже много времени войска стояли въ боевомъ порядкѣ. Не требовалось дѣлать никакихъ распоряженій. Увѣдомили командировъ полковъ о поступившихъ донесеніяхъ. Три роты, на всякій случай, были выдвинуты впередъ изъ второй линіи, гдѣ онѣ прикрывали батареи. Опасались, что японцы ночью попытаются прорваться по долинамъ.

Мы готовились къ событіямъ. Графъ Келлеръ послѣ полуночи уже не спалъ; онъ бодрствовалъ въ эту послѣднюю для него ночь. Насъ онъ просилъ не стѣсняться и отдыхать. Я забылся на часъ.

Наступило утро. Около 6-ти часовъ утра раздались первые пушечные выстрѣлы. Одновременно появились вѣсти объ обходѣ нашего праваго фланга.

Наши охотничьи команды были атакованы японцами на разсвѣтѣ, около 4-хъ час. утра. Завязалось жаркое дѣло. Охотники упорно удерживались. Чтобъ сломить ихъ сопротивленіе, японцамъ потребовалось даже выставить горную батарею. Къ 6-ти часамъ утра дѣло съ охотниками было уже окончено. Половина охотниковъ была перебита, другая — отступила и разсѣялась.

Но задачу свою охотники выполнили. Какъ буферъ, они смягчили ударъ противника на нашъ правый флангъ, своевременно выяснили это движеніе, задержали его на два часа, заставили японцевъ развернуться въ боевой порядокъ, и въ боевомъ порядкѣ наступать горами. Японцы двигались уже всю ночь; само по себѣ незначитель-

ное дѣло на разсвѣтѣ истомило ихъ. Энергія наступленія ослабѣла.

Противъ обхода нашего праваго фланга немедленно были приняты энергичныя мѣры. Четыре роты 22-го полка изъ резерва дивизіи были выдвинуты на Янзелинскій хребетъ и усилили наше расположеніе на уступной позиціи. Здѣсь всего собралось 10 ротъ 22-го полка; безъ особаго труда имъ удалось остановить ослабѣвшій уже натискъ 6-ти батальоновъ бригады Асада. Для обезпеченія нашего пути отступленія отъ всякихъ непріятностей, одна рота заняла сторожевое охраненіе по гребню горъ, отходившему назадъ отъ праваго фланга уступной позиціи. Были сформированы новыя партіи охотниковъ и двинуты вмѣстѣ съ конноохотничьей командой 22-го полка въ горы на правомъ флангѣ. Охотники должны были наблюдать за правымъ флангомъ, выйти на флангъ и даже тылъ обходящихъ японскихъ частей, и своевременно увѣдомлять насъ о всѣхъ происшествіяхъ на этомъ участкѣ. Нашъ правый флангъ пріобрѣлъ полную устойчивость.

Громъ пушекъ раздавался сильнѣе всего со стороны Тхавуана — нашего лѣваго фланга. Вѣроятно руководствуясь звуковыми ощущеніями, графъ Келлеръ отправился сейчасъ-же къ Тхавуанской башнѣ, на пушечные выстрѣлы. Здѣсь не виднѣлось ни одного японскаго пѣхотинца. Не раздавалось ни одного ружейнаго выстрѣла. Огонь японской артиллеріи противъ нашего лѣваго фланга производилъ впечатлѣніе демонстраціи. Графъ Келлеръ вскорѣ же вернулся на бивакъ штаба дивизіи.

Временно командующій дивизіей, генералъ-маіоръ Кричинскій, отдавъ распоряженіе для парированія обхода, отправился вмѣстѣ со штабомъ на пунктъ, именующійся обыкновенно въ диспозиціяхъ такъ: во время боя я буду находиться тамъ-то. Это „тамъ-то" въ данномъ случаѣ оказалось утесомъ на артиллерійской позиціи, между двумя полубатареями второй батареи 6-ой В. С. стрѣлковой артиллерійской бригады; батарея вела огонь, расположившись на узкомъ гребнѣ, на открытой позиціи.

День 18-го іюля былъ блестящимъ днемъ для нашей артиллеріи. Атаковавшія Тхавуанскую позицію японскія войска располагали двѣнадцатью полевыми и одной горной батареями. Противъ нашихъ 28-ми полевыхъ орудій и 4-хъ слабыхъ конно-горныхъ пушекъ пограничной стражи у японцевъ было 78 орудій; такимъ образомъ, японцы превосходили насъ въ числѣ пушекъ въ $2\frac{1}{2}$ раза. Тѣмъ не менѣе, наша артиллерія дѣятельно работала до вечера, парализовала большую часть японскихъ батарей и удачно помогала стрѣлкамъ отражать наступленіе японской пѣхоты.

Намъ не пришлось раскаиваться въ томъ, что орудія были расположены открыто, на горныхъ гребняхъ. Обученіе нашихъ артиллеристовъ стрѣльбѣ по закрытымъ цѣлямъ не было еще достаточно удовлетворительно, и нельзя было ожидать большихъ успѣховъ при такой стрѣльбѣ. А теперь, когда батареи были расположены на высокихъ горныхъ позиціяхъ и орудія наводились прямо въ цѣль, на врага, когда пѣхотная борьба велась какъ на ладони внизу, у ногъ артиллеристовъ,

то даже не особенно опытные офицеры пристрѣливались по третьему или четвертому выстрѣлу. Переносъ огня и управленіе имъ облегчалось до крайности. Каждый командиръ батареи, каждый наводчикъ находился въ счастливомъ положеніи наблюдателя, поднявшагося на равнинѣ на воздушномъ шарѣ на высоту 200 метровъ. Конечно, результаты стрѣльбы оказались превосходными.

Потерь среди артиллеристовъ было немного. Это объясняется отчасти тѣмъ, что высоко расположенныя батареи вообще мало терпятъ отъ огня батарей, расположенныхъ внизу. Большинство нашихъ батарей было отнесено въ тылъ, за 2 — 3 версты за линію нашихъ стрѣлковыхъ цѣпей; многія японскія батареи могли добрасывать на нашу артиллерійскую позицію только шимозы. Серьезно пострадала только наша 4-ая батарея, расположенная открыто почти на высотѣ стрѣлковыхъ цѣпей, на горѣ близъ деревни Тхавуанъ.

Выгоднымъ обстоятельствомъ для насъ являлось распредѣленіе пушекъ на позиціи по четырехъорудійнымъ батареямъ. Вслѣдствіе болѣе совершенной и болѣе тяжелой матеріальной части наши четырехъорудійныя батареи не только не уступали японскимъ шестиорудійнымъ, но даже превосходили ихъ. Къ тому же, японскимъ артиллеристамъ не приходилось выбирать себѣ съ разборомъ позиціи. Японцы устанавливали орудія на всѣхъ пунктахъ, съ которыхъ можно было стрѣлять въ насъ. При быстромъ развертываніи въ горахъ такого числа орудій не приходится быть разборчивымъ. Приходится пользоваться любой площадкой, на которую можно втащить

орудіе, лишь бы высокія скалы не преграждали траэкторію снарядовъ.

18-го іюля, второй разъ въ кампанію, наша артиллерія побѣдно выступила на полѣ сраженія. Первый удачный дебютъ нашей артиллеріи произошелъ за недѣлю передъ тѣмъ, въ пресловутомъ бою у Ташичао. У Тхавуана наша артиллерія работала въ гораздо болѣе трудныхъ условіяхъ, въ очень пересѣченной горной мѣстности, противъ многочисленнаго врага. Она вышла съ честью изъ труднаго положенія. Нашимъ успѣхамъ мы обязаны, во первыхъ, командовавшему нашей артиллерійской бригадой, полковнику Криштофовичу и, во вторыхъ, начальнику штаба дивизіи, подполковнику Од.

Японская артиллерія противъ позиціи 23-го В. С. полка не имѣла, пока что, опредѣленной задачи. Японцы открыли огонь по нашимъ батареямъ, и разбрасывали снаряды по всей площади участка. По отсутствію здѣсь пѣхоты мы сразу рѣшили, что это фальсификація боя, и что японцы стремятся оттянуть наше вниманіе съ юга.

Особенное значеніе имѣлъ огонь японскихъ батарей противъ нашего праваго фланга, гдѣ японская пѣхота вела серьезное наступленіе. Но здѣсь японцамъ серьезно не посчастливилось. Двѣ японскія батареи никакъ не могли выѣхать изъ узкой долины противъ деревни Суйтянза и развернуться. Полубатарея штабсъ-капитана Иванова замѣтила ихъ попытку, встрѣтила ихъ шрапнелью и загнала обратно въ ущелье; нѣсколько разъ въ теченіе дня японцы стремились незамѣтно выѣхать изъ ущелья, но всѣ попытки [illegible]ъ оканчивались неудачей. Японскія батареи были при[illegible]ны сняться съ перед-

ковъ въ затылокъ одна другой, внѣ дальности своего огня шрапнелью, но въ раіонѣ дѣйствія нашей шрапнели, и въ этомъ безнадежномъ положеніи продолжали судорожно схватываться съ нашими батареями. Каждая схватка кончалась торжествомъ нашихъ четырехъ орудій; японскіе артиллеристы разбѣгались, ихъ батареи молчали.

Японская горная батарея, дѣйствовавшая противъ нашихъ охотниковъ, повидимому сильно пострадала уже въ началѣ боя, такъ какъ переѣхала на новую позицію сперва въ составѣ всего трехъ орудій. Они стали открыто на узкомъ хребтѣ и немедленно вступили въ артиллерійскую дуэль съ нашей слабенькой пограничной конно-горной батареей. Дуэль эта продолжалась цѣлый день и ни къ чему не привела: какъ только японцы начинали брать верхъ и заставляли пограничниковъ молчать, полубатарея Иванова давала по японскимъ орудіямъ 2 — 3 очереди и снова возстановляла равновѣсіе. По нашей пограничной батареѣ японцы выступили съ дистанціи $3\frac{1}{2}$ верстъ около 1000 снарядовъ. Наши потери заключались всего въ одномъ раненомъ и въ одномъ контуженномъ нижнемъ чинѣ. Этотъ успѣхъ боевой стрѣльбы по открытой цѣли далекъ отъ всѣхъ выводовъ, основанныхъ на полигонныхъ разсчетахъ. Между тѣмъ, японцы стрѣляли хорошо. Если не всѣ пограничники были перебиты, то это объясняется тѣмъ, что какъ наши, такъ и японскіе артиллеристы всемѣрно стремились укрыться отъ шрапнелей. Стрѣляютъ японцы — наши прячутся; стрѣляютъ наши—прячутся японцы за крутые скаты. Одновременная стрѣльба на пра-

ктикѣ выходила въ видѣ чередованія залповъ: ляжетъ японскій залпъ — наши артиллеристы быстро вылѣзаютъ, пошлютъ очередь, и снова ждутъ японскихъ снарядовъ. Обѣ стороны удивительно старались не подражать деревяннымъ мишенямъ.

Мы были расположены, какъ я уже говорилъ, на горномъ утесѣ между двумя полубатареями. Напротивъ въ горахъ по временамъ виднѣлся блескъ огней, и наши орудія посылали туда снаряды. Около насъ пока было тихо. Но вотъ послышалось шипѣніе одного снаряда, затѣмъ другого. Противникъ пристрѣлялся шимозами по одной полубатареѣ и перешелъ уже на шрапнель, а наши артиллеристы все разсматривали въ бинокли хаосъ горъ, стараясь выслѣдить новаго врага. Полковникъ Криштофовичъ, лежавшій на горкѣ рядомъ со штабомъ, просилъ и насъ помочь разыскать стрѣлявшую въ насъ батарею. Наконецъ врагъ былъ обнаруженъ. Полковникъ Криштофовичъ, отдававшій какое-то приказаніе и спустившійся на полубатарею, былъ раненъ шрапнельной пулей въ шею. Сначала мы сильно за него испугались. Начальникъ штаба, подполковникъ Од. . . ., началъ прямо ругаться: „и чего онъ лѣзетъ на батареи, гдѣ его не зовутъ; кто теперь будетъ управлять огнемъ и питать его"? Къ счастью, рана оказалась легкой, и послѣ перевязки полковникъ Криштофовичъ продолжалъ руководить батареями.

Въ его отсутствіе мнѣ пришлось наблюдать типичную сцену: на полубатареѣ тяжелую контузію получаетъ поручикъ Щ.-В; командиръ батареи, за раной полковника Криштофовича, временно вступаетъ въ командованіе

артиллерійской бригадой. На расположенной совершенно отдѣльно полубатареѣ не остается ни одного офицера. Новый временно командующій артиллерійской бригадой громко приказываетъ бригадному адъютанту: „Поручикъ П., вступите въ командованіе этими четырьмя орудіями!" Тотъ отвѣчаетъ, стараясь перекричать громъ разрывовъ японскихъ снарядовъ: „я стрѣлять по угломѣру не умѣю, я могу только по прицѣлу"!

Не знаю, чѣмъ кончилась эта сцена, такъ какъ мы покинули нашъ пунктъ. Мы пришли къ заключенію, что онъ чрезвычайно неудачно расположенъ. На немъ не было телефонной станціи. Не смотря на указаніе диспозиціи, донесенія присылались не на этотъ утесъ, а на квартиру штаба, такъ какъ туда почти мѣсяцъ уже доставлялись всѣ бумаги, адресованныя въ штабъ, и ординарцы и вѣстовые всей дивизіи запомнили хорошо дорогу туда. На возвращеніе на нашъ утесъ ординарцы тратили даромъ время. Хотя на вершину, гдѣ мы сидѣли, и была проложена тропинка, но она годилась только для пѣшихъ. Всѣмъ коннымъ приходилось спѣшиваться внизу. Все это, вмѣстѣ взятое, обусловливало значительное запаздываніе донесеній. Кромѣ того, японскія шрапнели, адресованныя артиллеристамъ, иногда по ошибкѣ разрывались не по адресу, надъ нашими головами. Ничего интереснаго наблюдать не приходилось. На основаніи этихъ соображеній рѣшено было покинуть этотъ пунктъ. Оставивъ на немъ маякъ для указанія нашего мѣстонахожденія, мы отправились вдоль Янзелинскаго хребта, затѣмъ свернули назадъ, чтобъ разыскать графа Келлера.

[redacted]

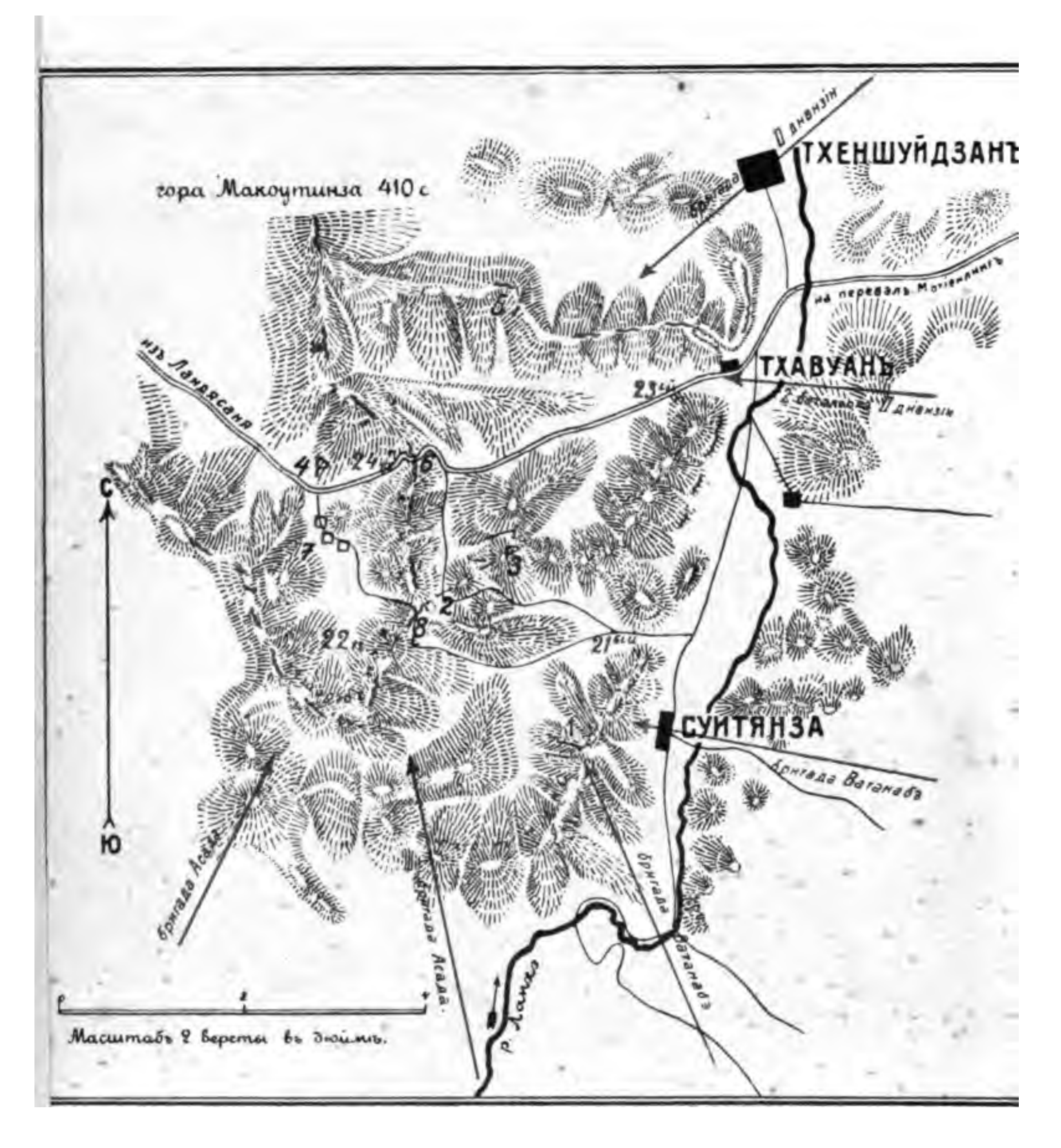

СХЕМА № 2

Бой у Тхавуана 18 Іюля 1904 г.

1. Полурота капитана Волкобоя.
Пол шт. кап. Иванова.
Мѣ о диспозиціи.
5. Батарея подполк. Покатилло.
6. Сѣверный Янзелинскій перевалъ.
7. Резервъ начальника дивизіи.

День былъ нестерпимо жаркій. Небо было безоблачно. Раскаленное солнце жгло во всю. Голова мутилась, энергія пропадала. Какъ только мы очутились у себя дома, я съ жадностью набросился на воду. Въ стрѣлковыхъ цѣпяхъ и мы, и японцы должны были изнывать отъ жажды.

Между тѣмъ, подполковникъ Од . . . ., мой начальникъ штаба, обмѣнивался мыслями съ начальникомъ Восточнаго отряда. Все пока складывалось хорошо. Наша дивизія не нуждалась въ поддержкѣ другой половины отряда, но минута для принятія рѣшенія назрѣвала. Пассивная оборона занимаемыхъ нами позицій не обѣщала окончательнаго успѣха, побѣды. Не двигаясь впередъ, мы могли удержаться на мѣстѣ лишь до перваго недоразумѣнія. Мы могли добиться успѣха лишь при переходѣ въ наступленіе. Но наша дивизія была такъ разбросана и связана боемъ на фронтѣ, что серьезнаго наступленія не могла предпринять. Вопросъ же о содѣйствіи частями 3-ьей дивизіи былъ рѣшенъ графомъ Келлеромъ отрицательно. Мы должны были разсчитывать только на собственныя силы. Лишь одному батальону 10-го В. С. стрѣлковаго полка было указано содѣйствовать намъ, производя небольшую демонстрацію въ тылъ обходившей нашъ флангъ бригады Асада.

Въ это же время было принято маловажное на первый взглядъ рѣшеніе, которое однако вызвало крайне печальныя послѣдствія. Эта ничтожная мѣра была первымъ звеномъ въ цѣпи недоразумѣній, которыя въ результатѣ привели насъ къ отступленію.

Было рѣшено выставить противъ бригады Асада на нашемъ правомъ флангѣ небольшую батарею—два орудія, чтобъ поддержать нашу пѣхоту въ томъ случаѣ, если японцамъ удастся выставить горныя орудія. Позиція для двухъ скорострѣльныхъ орудій была выбрана; саперы принялись раздѣлывать на нее дорогу. Возникъ вопросъ—откуда взять два орудія? Въ двухъ часахъ пути, въ Ландясанѣ, находилось цѣлыхъ 50 орудій, съ которыми не знали, что дѣлать. Однако, намъ не дали ни одной пушки. Повидимому, считали, что мы и такъ перегружены артиллеріей, что мы все равно въ концѣ концовъ должны будемъ отступать, и многочисленная артиллерія обременитъ насъ и можетъ вызвать серьезную катастрофу. Бой, въ который съ нашей стороны ввязался весь Х-ый корпусъ и наша дивизія, повидимому, разсматривался какъ баловство, какъ второстепенная операція, въ которой не стоитъ дѣлать рискованныя ставки. Въ рѣшеніи не рисковать, не упираться до послѣдняго, уже заключался залогъ пораженія. Побѣдить мы не могли. Стратегическая оцѣнка совершающихся боевыхъ событій стала передаваться отъ высшихъ инстанцій къ низшимъ. Полководецъ связанъ съ войсками помимо канцеляріи другими, незримыми нитями. Мысль полководца передается войскамъ и тогда, когда онъ говоритъ и пишетъ противоположное тому, что думаетъ. 18-го іюля войскамъ 6-ой дивизіи твердили, что нужно держаться до послѣдняго, а въ войскахъ постепенно распространялся совершенно противоположный взглядъ.

Такъ какъ новыхъ орудій на поле сраженія не посылали, то рѣшено было противъ обхода праваго фланга

установить два орудія, взятыя изъ боевой части, изъ числа ужъ дѣйствовавшихъ по японцамъ батарей. Выборъ остановился на крайней лѣво-флаиговой батареѣ (подполковника Покатилло). Рѣшено было изъ 8-ми орудій оставить тамъ только шесть, а два убрать. Мотивами являлось, во первыхъ, соображеніе о томъ, что при современной скорострѣльности нужно заботиться о доставкѣ снарядовъ; были-бы снаряды, а число орудій не имѣетъ рѣшающаго значенія; во вторыхъ, нѣкоторыя особенности положенія батареи подполковника Покатилло. Путь отступленія съ этой батареи пролегалъ не нормально. Сначала съ батареи нужно было почти на версту спуститься впередъ, и затѣмъ уже поворачивать въ тылъ. Понятно, въ случаѣ успѣха японцевъ, эта батарея досталась бы имъ въ видѣ преміи. Поэтому рѣшено было оставить здѣсь 6 орудій вмѣсто 8-ми— уменьшить рискъ ставки на два орудія.

Уборка двухъ орудій на лѣвомъ флангѣ произвела подавляющее впечатлѣніе. Здѣсь японцы и такъ располагали болѣе, чѣмъ тройнымъ превосходствомъ въ числѣ орудій. Убирать и уменьшать еще число нашихъ пушекъ являлось крупной несправедливостью къ остающимся, доблестно исполняющимъ свой долгъ артиллеристамъ. Послѣ снятія двухъ орудій наши батареи на лѣвомъ флангѣ стали болѣе вяло отвѣчать японцамъ, стали замолкать на болѣе продолжительное время. Не хорошіе толки пошли и въ пѣхотѣ. Стали говорить о томъ, что исполняются подготовительныя къ отступленію упражненія, что Тхавуанская позиція теперь является передовой,

что центръ тяжести обороны перемѣщается на Янзелин-скій хребетъ. Начинается рядъ недоразумѣній.

Какая то полурота, находившаяся подъ японскими шимозами въ неглубокомъ окопѣ, была своимъ командиромъ выведена изъ окопа и укрыта за ближайшимъ гребнемъ. Раненые говорили объ этомъ маневрѣ, как о началѣ отступленія. При передачѣ отъ одного лица къ другому этотъ слухъ началъ наростать; начали уже утверждать, что японцы захватили часть нашихъ окоповъ у Тхавуана. Эти слухи достигли одновременно командира батареи, подполковника Покатилло, и командира полка, полковника В . . . ова. И командиръ батареи, и командиръ полка немедленно донесли объ этомъ извѣстіи. Донесеніе командира батареи было послано съ расторопнымъ фейерверкеромъ на хорошей лошади. Командовавшій артиллерійской бригадой направилъ это донесеніе въ штабъ. На донесеніи была сдѣлана помѣтка — командиру полка немедленно возстановить расположеніе полка.—Фейерверкеръ слеталъ съ этой помѣткой къ командиру полка. Полковникъ В . . . овъ уже успѣлъ убѣдиться въ неосновательности слуха, о чемъ сдѣлалъ на донесеніи приписку. Фейерверкеръ успѣлъ вновь вернуться въ штабъ дивизіи съ успокоительнымъ донесеніемъ, а первоначальное, ошибочное донесеніе командира полка еще не прибывало. Охотникъ съ нимъ гдѣ то плуталъ и появился передъ командующимъ 6-ой дивизіи въ самое неудачное мгновеніе — въ минуту смерти графа Келлера.

Буду излагать ходъ событій. Послѣ обмѣна мнѣній съ графомъ Келлеромъ, генералъ маіоръ Кречинскій вновь

отправился на артиллерійскую позицію. Мы однако расположились теперь не на прежнемъ мѣстѣ, а на другой горкѣ, южнѣе, на флангѣ полубатареи штабъ-капитана Иванова. На лѣвомъ флангѣ продолжался частый артиллерійскій огонь. На правомъ участкѣ уже съ утра трещали ружья. Бригада Асада, обошедшая насъ, не проявляла дѣятельности. Выдвинувшаяся уступомъ противъ нее рота капитана Сам . . . лова легко вынесла весь ея натискъ. Наши потери здѣсь не превышали 20-ти человѣкъ. Настроеніе было бодрое. И офицеры, и стрѣлки обращали вниманіе на вялость дѣйствій японцевъ. Создалось убѣжденіе, что мы здѣсь отстоимъ наши позиціи, а это убѣжденіе придаетъ оборонѣ необыкновенную мощь. Оно представляетъ для противника бóльшее препятствіе при атакѣ, чѣмъ проволочныя сѣти или даже каменныя стѣны. Уже послѣ полудня въ штабѣ дивизіи укрѣпилось мнѣніе, что здѣсь мы стоимъ крѣпко.

Жаркій стрѣлковый бой кипѣлъ на участкѣ 21-го полка, въ особенности на правомъ его флангѣ, охваченномъ японцами. 21-й В. С. стрѣлковый полкъ имѣлъ дѣло со второй бригадой гвардейской дивизіи (Ватанабэ), которая напрягала всѣ усилія, чтобъ опрокинуть его правый флангъ. Всѣ усилія японцевъ оставались безуспѣшными. Съ нашей стороны героемъ дня явился капитанъ Волкобой. Онъ оказался со своей ротой на крайнемъ правомъ флангѣ, и, повернувшись лицомъ къ японскому охвату, парировалъ всѣ ихъ усилія. Мѣстность здѣсь не представляла обширнаго обстрѣла. Японцы могли, не теряя ни одного человѣка, приблизиться на

разстояніе 200—300 шаговъ. Но за то они не могли подготовить атаку артиллерійскимъ огнемъ. Попытка японцевъ окружить и атаковать капитана Волкобоя съ тыла была отбита огнемъ нашихъ батарей. На неширокомъ фронтѣ завязалась кровавая пѣхотная схватка, убійственное стрѣлковое единоборство на дистанціи прямого выстрѣла.

Рота капитана Волкобоя прибыла въ Манчжурію въ мартѣ 1904-го года на формированіе 3-ьяго батальона 21-го В. С. полка. Рота была укомплектована въ Кіевскомъ военномъ округѣ исключительно солдатами дѣйствительной службы, исключительно охотниками, при томъ преимущественно стрѣлками 1-го разряда. Рота успѣла крѣпко сплотиться. Она не успѣла еще измотаться въ передрягахъ войны. Сравнительно удачно дебютировала она въ бою съ японцами на Далинскомъ перевалѣ 16-го іюня. Въ составъ Восточнаго отряда она прибыла только что, и еще не была обработана нашимъ гибельнымъ режимомъ. Эта рота представляла прекрасную часть. Въ бою 18-го іюля она оказалась твердымъ орѣхомъ, и не по силамъ японцамъ было его раскусить.

Потокъ раненыхъ такъ и устремлялся какъ съ нашихъ, такъ и съ японскихъ стрѣлковыхъ позицій на крайнемъ правомъ флангѣ. На небольшомъ участкѣ, гдѣ одновременно нельзя было расположить болѣе 200 стрѣлковъ, 21-ый полкъ постепенно расходовалъ свои резервы. Поддержки сосѣднихъ ротъ направлялись на участокъ капитана Волкобоя, таяли въ цѣпи; раненые замѣщались свѣжими бойцами. На этомъ небольшомъ пространствѣ мы потеряли за день 300 стрѣлковъ — бо-

лѣе 150% постояннаго гарнизона, но все же удержали за собою эту важную позицію. Къ вечеру цѣпь представляла здѣсь смѣшеніе солдатъ 7-ми ротъ, которыя сплотились подъ командой капитана Волкобоя [1]). Японцы не могли добиться превосходства въ огнѣ. По временамъ японцы пробовали штурмовать нашу позицію, но эти попытки оканчивались неудачей и становились все менѣе и менѣе дружны. Каждый японецъ, рѣшавшійся перебѣжать неширокую лощину, отдѣлявшую насъ отъ японцевъ, падалъ мертвымъ. Нашъ огонь скашивалъ все. Въ японской цѣпи никто не могъ приподняться съ земли, не получивъ нѣсколькихъ пуль. Нашъ огонь все болѣе и болѣе торжествовалъ, все крѣпче пришивалъ японцевъ къ землѣ. Послѣ перваго неудачнаго штурма возникали все новыя препятствія для японскаго наступленія. Наши стрѣлки получили увѣренность, что врагу не одолѣть нашего огня. Временами на стрѣлковой позиціи противника появлялись новые бойцы — вливались поддержки и резервы; но подъ нашимъ огнемъ они немедленно залегали на томъ-же гребнѣ. Ничѣмъ не прегражденное, ничтожное разстояніе, которое оставалось пройти японцамъ, было для нихъ неодолимо. Разстоянія были очень коротки, и наши стрѣлки видѣли у врага смятеніе, видѣли тщетныя попытки начальниковъ поднять цѣпь и толкнуть ее впередъ. Наши стрѣлки наблюдали, какъ отдѣльные храбрецы выскакивали впередъ, но масса не двигалась; примѣръ храбрыхъ пропадалъ безслѣдно. Ви-

---

[1]) Награжденъ за это дѣло орденомъ св. Георгія.

[redacted]

дѣли, какъ въ непріятельской цѣпи вскочилъ какой-то невысокій толстый офицеръ—наши стрѣлки почему то окрестили его маіоромъ; какъ этотъ маіоръ, размахивая саблей, бросился впередъ, но ни одинъ солдатъ не послѣдовалъ за нимъ. На штурмъ шелъ одинъ маіоръ, и скоро онъ былъ убитъ. Ружейный огонь со стороны японцевъ слабѣлъ. Всѣ резервы гвардейской дивизіи, до послѣдняго батальона, вошли въ дѣло, и у начальника гвардейской дивизіи не оставалось больше средствъ для управленія боемъ. На всемъ участкѣ гвардейской дивизіи прислушивались къ пульсу боя на рѣшительномъ пунктѣ, у капитана Волкобоя. Здѣсь задавался тонъ боя для всего праваго фланга. Японцы терпѣли здѣсь неудачу; ея вліяніе распространялось на весь участокъ дивизіи. Японцы дѣйствовали вяло и осторожно, не рѣшаясь поставить ребромъ послѣднія силы растянувшейся въ нитку гвардіи.

21-ый В. С. стрѣлковый полкъ устроился такъ, чтобъ получать дѣятельную поддержку со стороны батарей, удаленныхъ отъ него въ тылъ болѣе, чѣмъ на двѣ версты. Въ полку на хозяйственныя суммы къ началу кампаніи были заведены принадлежности для устройства телефонной сѣти. Въ день 18-го іюля телефоны сослужили полку хорошую службу. На полубатареѣ штабсъ-капитана Иванова находилась полковая телефонная станція. Къ командиру полубатареи поминутно поступали просьбы отъ ротныхъ командировъ обстрѣлять такую-то горку, такіе-то кустики, окраину такого-то селенія. Всѣ эти просьбы быстро исполнялись; и каждая рота во время получала поддержку въ видѣ двухъ—трехъ очередей шрапнели по насѣдающему на нее противнику. Въ

настоящее время въ этой тѣсной связи пѣхоты съ артиллеріей, въ заботливой предусмотрительности командира полка, организовавшаго телефонную связь, быть можетъ не найдутъ ничего удивительнаго. Во вторую половину войны всѣ стремились такъ поступать. Но въ іюлѣ 1904 года 21-ый В. С. стрѣлковый полкъ являлся первымъ піонеромъ въ этой области, и дѣйствія, представляющіяся теперь намъ азбучными, въ то время являлись крупной заслугой.

Было около 2-хъ часовъ дня. Детали нашихъ успѣховъ на правомъ флангѣ еще не были намъ извѣстны, но съ пункта на лѣвомъ флангѣ полубатареи Иванова получалось отчетливое впечатлѣніе, что бой на правомъ флангѣ складывается выгоднымъ для насъ образомъ.

Графъ Келлеръ вновь выѣхалъ на поле сраженія, чтобъ лично ознакомиться съ ходомъ боя. Онъ направился на южный Янзелинскій перевалъ; далѣе онъ двинулся вдоль отрога Янзелинскаго хребта, служившаго намъ артиллерійской позиціей. Къ этому времени къ графу Келлеру успѣлъ уже присоединиться весь его штабъ. На звукъ пушечныхъ выстрѣловъ съ тыла прибывали отдѣльные офицеры. За графомъ Келлеромъ двигалась почтенная свита изъ двухъ десятковъ офицеровъ; у каждаго офицера имѣлся свой конный охотникъ; были и казаки изъ конвоя графа Келлера. На хребтѣ спѣшились; казаки и охотники вели лошадей. Появленіе такой громадной группы на артиллерійской позиціи не могло остаться незамѣченнымъ японцами. Графъ Келлеръ подошелъ къ полубатареѣ Иванова съ праваго фланга. Японцы сосредоточили по ней огонь значительн[illegible]а ору-

дій — не менѣе 20-ти. Одновременно падали и шрапнели, и шимозы, прилетавшія съ разныхъ сторонъ. Стрѣльба японцевъ не отличалась точностью — снаряды разбрасывались по значительной площади. Въ этомъ аду наши артиллеристы молодецки работали. Одна шрапнель разорвалась въ упоръ передъ графомъ Келлеромъ. Онъ былъ убитъ на мѣстѣ; въ него попало до 40 пуль, всѣ въ верхнюю часть тѣла. Ноги повидимому были укрыты въ окопѣ. Много пуль попало въ голову.

Смерть графа Келлера произвела крайне невыгодное впечатлѣніе. Тѣло его было брошено на полотнище походной палатки. Четыре казака, схвативъ полотнище за углы, бѣгомъ потащили его съ батареи. Голова и рука волочились по землѣ и задѣвали за кусты и камни. Японцы еще сильнѣе обстрѣливали этотъ раіонъ. Смерть графа Келлера отразилась крайне невыгодно какъ на штабѣ Восточнаго отряда, такъ и на управленіи 6-ой В. С. стрѣлковой дивизіи. Отношенія на полѣ сраженія еще болѣе запутываются. Съ одной стороны естественнымъ замѣстителемъ графа Келлера является его начальникъ штаба, полковникъ О . . . скій; но съ другой стороны, и самъ графъ Келлеръ не вступалъ въ непосредственное командованіе войсками дерущейся дивизіи; ранѣе командовалъ генералъ-маіоръ Кречинскій; онъ продолжаетъ командовать и далѣе. Однако, рѣшено важныя мѣры принимать лишь по обоюдному соглашенію.

Въ этотъ моментъ получается опоздавшее, уже опровергнутое донесеніе полковника В... ова, командира 23-го В. С. стрѣлковаго полка, расположеннаго на лѣвомъ

участкѣ, о слухахъ объ очищеніи передовыхъ окоповъ у Тхавуанской башни.

Подъ вліяніемъ тяжелаго впечатлѣнія смерти графа Келлера и обильно падающихъ шимозъ, послѣ обмѣна мыслями между полковникомъ О . . . скимъ, начальникомъ штаба Восточнаго отряда, и командущимъ 6-ой В. С. стрѣлковой дивизіей, строчится гибельное распоряженіе: полковнику В . . . ову, начальнику лѣваго боеваго участка, указывается во что-бы то ни стало удерживать пѣхотой занимаемыя позиціи. Но на полковника В . . . ова возлагается отвѣтственность за остающіяся на его участкѣ 14 пушекъ; полковникъ В . . . овъ долженъ озаботиться, чтобъ его батареи были своевременно убраны въ тылъ; ему предоставляется право, въ случаѣ нужды, теперь же снять орудія съ позиціи.

Такимъ образомъ, раздѣленіе власти послѣ смерти графа Келлера сейчасъ же выразилось въ томъ, что отвѣтственность чисто по чиновничьи была переложена на низшую инстанцію. Въ личности графа Келлера, присутствовавшаго на полѣ сраженія, заключался извѣстный нравственный авторитетъ. За его смертью мы не отказывались выиграть сраженіе, если намъ суждена была побѣда, но рѣшительно не хотѣли его проиграть, рѣшительно не хотѣли чѣмъ либо рискнуть.

До 2-хъ часовъ дня девизомъ боя являлось: справляться съ врагомъ своими силами, не разсчитывая на резервы, которые присутствовали вблизи, но не участвовали въ бою. Послѣ 2-хъ часовъ дня девизомъ боя стало: если можно, выиграть сраженіе, но во всякомъ случаѣ не дать врагу трофеевъ. Передъ страшнымъ вопросомъ:

жизнь или смерть? оставались стоять сотни человѣческихъ жизней, но орудія уже начинали „спасать".

„Спасеніе" орудій, не непосредственно въ горячей схваткѣ боя, когда на батареѣ появляется штурмующій противникъ, а въ широкомъ „стратегическомъ" смыслѣ, въ видѣ отдачи своевременныхъ и преждевременныхъ приказаній для отступленія батарей, представляетъ одно изъ любопытнѣйшихъ явленій прошлой кампаніи.

Въ наши старыя войны давали высшія воинскія награды за своевременную установку батарей, за отбитіе у врага пушекъ. А въ послѣдній походъ понятія извратились; награды давались за заблаговременное отступленіе артиллеріи съ поля сраженія, за то, что пѣхота предоставлялась своей печальной участи.

Около 4-хъ часовъ дня въ штабъ стали поступать вѣсти съ двухъ концовъ. Съ праваго фланга доносили о побѣдѣ, о японскомъ маіорѣ, примѣръ котораго не увлекъ морально поколебленныхъ солдатъ. Съ горы Макоутинза наблюдатель доносилъ, что японцы перешли въ наступленіе противъ нашего лѣваго участка силами около 8-ми батальоновъ; наблюдатель (ротный командиръ 24-го В. С. полка) пересчитывалъ всѣ японскія роты, и слѣдилъ за каждымъ ихъ движеніемъ. Въ селеніе Тхеншуйдзянъ пробралось не менѣе 16-ти ротъ японцевъ. Донесенія съ горы Макоутинза немедленно по телефону передавались въ штабъ дивизіи. Японцы атаковали нашъ лѣвый участокъ въ лобъ, съ охватомъ лѣваго фланга. Этотъ охватъ былъ заблаговременно предусмотрѣнъ; противъ него въ окопахъ былъ расположенъ цѣлый батальонъ 23-го полка. Довольные успѣхомъ на правомъ флангѣ, мы готови-

лись пожинать лавры и на лѣвомъ. Но судьба рѣшила иначе.

Въ штабъ пріѣхалъ капитанъ Костровъ, вступившій временно въ командованіе батареей вмѣсто раненаго подполковника Покатилло. Онъ положительно ругался: цѣлый день онъ провелъ подъ огнемъ японской артиллеріи, не имѣя выгодныхъ цѣлей, выжидая моментъ, когда японцы начнутъ охватывать нашъ лѣвый флангъ. Наконецъ появилась японская пѣхота, которую можно было легко и удобно разстрѣливать—а онъ получаетъ отъ начальника участка приказаніе снять батарею и увезти ее за Янзелинскій хребетъ.

Появленіе 6-ти орудій капитана Кострова представляло весьма тревожный признакъ. Теперь мы не располагали ни одной пушкой для борьбы съ обходомъ лѣваго фланга. Капитану Кострову было отдано приказаніе — спѣшно вернуться и занять позицію; но было уже поздно.

Показался знаменный взводъ 23-го полка. Командиръ взвода на вопросъ, куда онъ идетъ, отвѣтилъ, что лѣвый боевой участокъ очищается, и полкъ отступаетъ. Его слова какъ громомъ поразили высшихъ начальниковъ. Ему не повѣрили, послали штабного офицера; докладъ подтвердился: 23-ій полкъ постепенно отходилъ назадъ. Столкновенія съ наступавшими японцами не произошло. Потерявъ всего 40 человѣкъ убитыми и ранеными, одинъ изъ лучшихъ полковъ нашей арміи безъ приказанія очистилъ свои позиціи. Весьма поучителенъ вопросъ, почему въ одномъ случаѣ одни и тѣ же стрѣлки отступаютъ, потерявъ 2% выбывшими изъ строя, а въ дру-

гихъ случаяхъ (Ляоянъ, Шахэ, Мукденъ) несутъ до 70% потерь и удерживаются на занимаемыхъ позиціяхъ?

Подъ Ляояномъ, Шахэ и Мукденомъ полку ставилась опредѣленная боевая задача; положеніе и цѣль дѣйствій были ясны: подъ Ляояномъ надо было умирать, не дѣлая назадъ ни шагу. Подъ Шахэ и Мукденомъ надо было во что бы то ни стало продвигаться впередъ. Тамъ его вели въ бой начальники, которые категорически ставили вопросъ, и энергично указывали и разъясняли войскамъ, что дѣлать. А 18-го іюля войскамъ обстановка обрисовывалась крайне смутно.

Неизвѣстно было, что собственно защищать, гдѣ главная позиція — на рѣкѣ Ланхэ или на Янзелинскомъ хребтѣ. Когда получилось разрѣшеніе отправить батереи въ тылъ, вѣроятно и полковникъ В...овъ рѣшилъ, что главная позиція находится позади. Онъ не могъ оставить на своей отвѣтственности 14 орудій на своемъ боевомъ участкѣ, и разновременно отдалъ имъ приказанія сняться съ позиціи и отойти [1]).

Распоряженія нашихъ начальниковъ имѣли двойственный характеръ: на бумагѣ предписывалось драться

---

[1]) Событія боя 18-го іюля разсматривались на процессѣ полковника В...ова. На него легла отвѣтственность за ошибки нашего управленія въ этомъ бою. Онъ былъ преданъ военному суду по обвиненію въ самовольномъ очищеніи позиціи въ виду непріятеля, и былъ признанъ судомъ виновнымъ при наличіи смягчающихъ обстоятелствъ. Какъ командиръ полка, полковникъ В...овъ пользовался большимъ уваженіемъ и любовью со стороны своихъ подчиненныхъ.

до послѣдняго; на дѣлѣ же увозили пушки. Что касается до младшихъ офицеровъ и стрѣлковъ, то въ бою до нихъ очень слабо доносится голосъ предписаній, приказовъ и диспозицій, и очень сильно—голосъ фактовъ, голосъ дѣйствительности. Наши орудія, расположенныя за пѣхотой, постепенно замолкаютъ и увозятся въ тылъ. Артиллерія противника безнаказанно поражаетъ насъ. Позади насъ свѣжія войска занимаютъ вторую линію обороны. Противникъ начинаетъ наступать серьезными силами и обходитъ насъ, угрожая отрѣзать насъ отъ нашихъ резервовъ, которые не проявляютъ активной дѣятельности. Убѣдите бойцовъ въ этой обстановкѣ, что они занимаютъ не передовую, а главную позицію, и должны оборонять ее упорно. Громъ пушекъ убѣдительнѣе всякой литературы.

Вслѣдъ за орудіями, въ порядкѣ, какъ будто получивъ приказаніе, сталъ отходить весь полкъ. Командиру полка оставалось только упорядочить это отступленіе. Разобраться въ деталяхъ отступленія не представляется возможнымъ. Нѣкоторыя роты, уклоняясь отъ артиллерійскаго огня, отходили назадъ, чтобъ спрятаться въ въ складкахъ мѣстности. Другія равнялись назадъ по нимъ. Третьи отходили, чтобъ не дать охвату выиграть флангъ. Скоро огонь совсѣмъ прекратился—отступали въ порядкѣ безъ боя.

Лѣвый флангъ 21-го полка оголился; одна японская батарея начала поражать его продольными выстрѣлами. Обнажилась наша артиллерійская позиція центра. Спѣшно для прикрытія ея были двинуты части изъ резерва дивизіи. Послѣдними двумя ротами было усилено наше

расположеніе на сѣверномъ Янзелинскомъ перевалѣ. Въ резервѣ оставалась только саперная рота, утомленная дневной работой по своей спеціальности. Противъ бригады Асада дѣла обстояли такъ хорошо, что удалось отозвать въ резервъ дивизіи направленныя туда съ утра четыре роты; но онѣ прибыли назадъ лишь ночью.

Около 6-ти часовъ вечера прибываетъ генералъ Кашталинскій, которому генералъ Куропаткинъ указалъ временно командовать Восточнымъ отрядомъ. Узнавъ объ очищеніи лѣваго боевого участка, генералъ Кашталинскій отдалъ энергичное приказаніе—немедленно захватить обратно всѣ утраченныя позиціи; генералу Кричинскому немедленно отправиться къ занятому японцами Тхавуану. Эта тяжелая задача была передовѣрена полковнику Лечицкому, командиру 24-го полка. Онъ выѣхалъ на рекогносцировку лично съ трубачемъ. Японцы открыли по немъ огонь; лошадь трубача была ранена. Пришлось вернуться. Для контръ-атаки противъ 2 — 3 неразстроенныхъ японскихъ полковъ мы могли располагать только 5 — 6 ротами. Неуспѣхъ контръ-атаки можно было предсказать заранѣе. Поэтому рѣшено было вернуться; генералу Кашталинскому былъ представленъ слѣдующій докладъ: контръ-атаку произвести возможно и желательно, но ее надо направить не на фронтъ, а на флангъ и тылъ японскаго обхода. Исходной позиціей для контръ-атаки должна служить гора Макоутинза и расположеніе 12-го В. С. полка къ сѣверу отъ этой горы; чтобъ добиться успѣха, нужно двинуть въ контръатаку не менѣе бригады 3-ьей В. С. стрѣлковой дивизіи. Генералъ Кашталинскій заявилъ, что онъ не дастъ ни

одной роты изъ этой дивизіи. Тогда ему было доложено, что нечѣмъ переходить въ наступленіе.

Наступала ночь; надо было ликвидировать результаты боевого дня; всѣмъ было ясно, что блестящая работа 21-го полка пропала даромъ; что улыбавшаяся побѣда не далась намъ. Подъемъ духа смѣнился упадкомъ. Драться, не пользуясь удобными случаями разбить японцевъ, представлялось дѣйствительно неразумнымъ. Слѣдующій день долженъ былъ быть еще менѣе радостнымъ. Приходилось убирать всѣ батареи и сражаться безъ содѣйствія пушекъ. Все это обрисовывалось въ весьма непривлекательномъ свѣтѣ. Отъ нашего сосѣда, X корпуса, пришли дурныя вѣсти.

Приходилось отступать. Чтобъ сложить съ себя отвѣтственность за отступленіе, генералъ Кашталинскій, какъ нѣкогда Кутузовъ въ Филяхъ, собралъ военный совѣтъ. У подножія Янзелинскаго перевала наши вожди оказались болѣе единодушными, чѣмъ подъ Москвою. Единогласно было рѣшено отступать на укрѣпленную Ландясанскую позицію.

XX.

Заключеніе.

Въ ряду грандіозныхъ событій Ляоянской, Шахейской и Мукденской операцій описанное мною сраженіе 18-го іюля у Тхавуана по своему масштабу, должно быть отнесено, конечно, къ разряду карликовыхъ. Что

значитъ бой одной дивизіи, не доведенный до конца, когда въ современныхъ битвахъ, какъ будто между гигантскими жерновами, перетираются въ пыль цѣлые корпуса. Но по существу своему причины, управляющія большими и малыми событіями, относятся къ одному и томуже классу. Мы проигрывали большія битвы вслѣдствіе тѣхъ же характерныхъ ошибокъ, которыя приводили насъ къ неудачамъ и въ малыхъ.

Нашимъ войскамъ многаго не хватало для веденія толковаго наступленія. Но для обороны наши войска были прекрасны, и бой на правомъ участкѣ Тхавуанской позиціи представляетъ прекрасный образецъ блестящей дѣятельности низовъ нашей арміи. Главный ударъ арміи Куроки былъ парированъ соразмѣрно ничтожными силами.

Японское управленіе въ бою 18-го іюля проявило свои характерныя стороны: планъ, не вполнѣ искусный, не вполнѣ оправдываемый обстановкой, приводится въ исполненіе съ желѣзной силой воли. Не смотря на неудачу значительной части своей арміи, Куроки упорно продолжаетъ расхлебывать заваренную кашу до конца; онъ бросаетъ свой послѣдній резервъ, чтобъ добиться успѣха, и добивается его. Въ его распоряженіи не остается ни одного батальона. Молодая армія умѣетъ обходиться безъ старой гвардіи. Нашъ военноначальникъ на мѣстѣ Куроки несомнѣнно заявилъ бы, что въ 2000 верстахъ отъ Токіо онъ не можетъ израсходовать послѣдній резервъ. Такъ дѣйствительно всегда и было въ прошлую кампанію. Неудача одной нашей части быстро дѣлалась неудачей всей нашей арміи.

Японскіе генералы вели и толкали войска въ бой. Ихъ воля направляла наступательный порывъ пѣхоты. А у насъ?

Ко времени боя 18 іюля начальники въ Восточномъ отрядѣ многому уже научились, и до извѣстной степени овладѣли техникой оборонительныхъ дѣйствій въ горахъ. Расположеніе войскъ было несомнѣнно во многомъ удачно. Этотъ результатъ дался не легко. Онъ былъ слѣдствіемъ тяжелой работы по изученію мѣстности; изученіе мѣстности въ горахъ достигается лишь при огромномъ трудѣ. Затраченная начальниками Восточнаго отряда работа не пропала даромъ: въ день 18-го іюля армія Куроки затратила гораздо болѣе и крови, и усилій на Восточный отрядъ, чѣмъ на X корпусъ; а, между тѣмъ, Восточный отрядъ потерялъ только 600 человѣкъ, а X корпусъ — 2300. Восточный отрядъ къ концу боя сохранилъ половину своего состава въ резервѣ, а въ X-омъ корпусѣ къ вечеру всѣ войска вошли въ боевую линію. На Тхавуанской позиціи не происходило избіеніе младенцевъ. Начальники въ Восточномъ отрядѣ разрѣшили задачу экономіи войсковой силы, но не сумѣли использовать накопленную энергію. Имъ многаго не хватало, чтобы быть побѣдителями.

Къ 9 часамъ вечера 18-го іюля уже были разосланы приказанія объ отступленіи. Отступленіе — отходъ, какъ говорили тогда — было выполнено очень искусно. Японцы только утромъ замѣтили исчезновеніе наше съ Тхавуанской позиціи. День 18-го іюля ихъ повидимому сильно утомилъ. Ночью японцы не дѣлали ни малѣйшихъ попытокъ потревожить насъ. До полуночи сня-

лись съ позиціи всѣ батареи, затѣмъ прошла пѣхота. Съ разсвѣтомъ отошли послѣдніе посты.

На перекрестѣ дорогъ въ тылъ лежалъ я съ другими чинами штаба. Мы пропускали мимо себя части, считали ихъ, чтобъ никого не забыть на позиціи.

Съ разсвѣтомъ мы двинулись вмѣстѣ съ арьергардомъ. Мы отходили на Ландясанскую позицію.

Для меня начался новый періодъ кампаніи. Я лично былъ уже сильно измотанъ и чаще выступалъ въ роли наблюдателя, чѣмъ активно дѣйствующаго лица. Передо мною мелькали новыя лица, новыя идеи, новыя событія. Было что-то новое, дѣйствительно отличавшее этотъ періодъ кампаніи отъ описаннаго мною. Далеко не все шло къ лучшему, но окраска событій во многомъ измѣнилась.

Описаніе этой новой струи составитъ задачу другого моего труда. Въ новый періодъ кампаніи я постепенно терялъ связи съ низами арміи, но за то пріобрѣталъ въ верхахъ ея обширное и поучительное поле наблюденія. Не знаю еще, какъ удастся мнѣ справиться съ новой задачей.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

150

